

ОТ ЗНАКИ РАБОТЫ ЗАБЫТЬ

**ОПЫТ РАБОТЫ
СОЦИАЛЬНО—
ВОЛОНТЕРСКОГО
ЦЕНТРА МУЗЕЯ
ИСТОРИИ ГУЛАГА
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ**

Музей истории
ГУЛАГа
Фонд Памяти

Deus
conservat
omnia

ЗНАКИ

ЗАБОТЫ

**ОПЫТ РАБОТЫ
СОЦИАЛЬНО—
ВОЛОНТЕРСКОГО
ЦЕНТРА МУЗЕЯ
ИСТОРИИ ГУЛАГА
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ**

Книга «Знаки заботы» рассказывает об опыте работы Социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа во время пандемии коронавируса в 2021 году.

Проект «Знаки заботы» — дистанционная поддержка по телефону подопечных Музея истории ГУЛАГа, переживших массовые политические репрессии в СССР, запись их воспоминаний об этом тяжелом периоде.

Во время пандемии пожилые люди оказались самой уязвимой категорией населения, испытывающей острую необходимость в общении. И так же остро стоял вопрос о том, что надо успеть записать их воспоминания. Тем не менее, к великому нашему сожалению, во время работы над книгой ушли из жизни наши героини, наши подопечные: Кузнецова Марина Ильинична и Сазонова Наталья Федоровна.

Благодаря тому, что проект «Знаки заботы» был дистанционным и можно было общаться через программу WhatsApp, нам удалось сделать проект международным: волонтеры были из Амстердама, Ярославля, Санкт-Петербурга, Москвы, Аксарки (Ямало-Ненецкий АО), Тольятти, а подопечные — из Эдинбурга, Тольятти, Москвы.

Психолог Валерий Наумов помог волонтерам правильно настроиться на телефонный разговор с подопечными. Ведь особенно трудно говорить о теме репрессий по телефону, не видя глаз собеседника, не чувствуя его настроение и готовность к общению. Волонтеры боялись ранить своих подопечных, задача была действительно сложной. Важность личного контакта подопечных с волонтерами, пусть дистанционно, по телефону, по видеосвязи — как угодно, но живого контакта — переоценить невозможно.

Проект стартовал в апреле 2021 года при поддержке Фонда Памяти.

Музей истории ГУЛАГа благодарит всех,
кто помог подготовить это издание:

Игоря Кравченко,

генерального директора

ООО «ВИД-Консалтинг»

Валерия Наумова,

клинического психолога,

психоаналитического психотерапевта

Юрия Белановского,

руководителя

Добровольческого

движения «Даниловцы»

Марину Якугину,

координатора

Социально-волонтерского центра

Музея истории ГУЛАГа

Особую благодарность выражаем всем волонтерам,
участвовавшим в расшифровке материалов

- 010 Анастасия Зотова, студентка Высшей школы экономики и Snow College «Трагедия старости не в том, что человек стареет, а в том, что он душой остается молодым»
- 014 Валерий Наумов, клинический психолог, психотерапевт «Об уникальности и травматичности периода пандемии»
- 018 Ольга Анисимова: «Проект завершен, но наше общение с Юрием Витальевичем продолжается»
- 020 Юрий Витальевич Примаков: «Ты потерял отца. Теперь ты будешь сын полка. Сын Червоного казачества»
- 026 Светлана Гапонова: «Личная история конкретного человека сближает нас с историей XX века лучше, чем учебник или экскурсия»
- 027 Гузель Гумеровна Ибрагимова: «О том, что родители — “враги народа”, я впервые услышала только в университете»
- 035 Полина Шмелева: «Мне хочется верить, что, общаясь с моими подопечными, я сама становлюсь чуточку лучше»
- 037 Владимир Маркович Ржезников: «Их объединяло общее горе, про которое тяжело вспоминать, но нельзя забывать»
- 041 Светлана Хрущева: «Личное взаимодействие с подопечной Музея — непростой для меня опыт»
- 042 Диана Муравьева: «Встреча с Альбертиной Борисовной — еще одно доказательство того, что даже в необъятной и всепоглощающей тьме может быть луч надежды»
- 044 Альбертина Борисовна Шолохова: «Я читала протокол заседания Военной коллегии Верховного суда: заседание длилось пятнадцать минут, после чего вынесли приговор — расстрел»
- 049 Ольга Лозовская: «В волонтерский проект “Знаки заботы” я пришла, наверное, потому, что люблю слушать семейные рассказы о “том времени”»
- 050 Марина Ильинична Кузнецова: «После ареста родителей мы с Феликсом, младшим из братьев, попали в детский дом»
- 054 Евгения Назарова: «До сих пор не верится, что мне довелось быть свидетелем этой невероятной жизни»
- 055 Елизавета Васильевна Косминская: «Местная администрация уговаривала остаться: “Здесь же все бывшие заключенные, а мы вам комнату и козу дадим!”»
- 061 Дарья Калинина: «Здесь мы навсегда остаемся близкими и готовыми помочь друг другу людьми»
- 063 Клара Мкртичевна (Михайловна) Сотникова: «Мама до последнего дня своей жизни уверяла, что папа ищет меня. “Жди, Клара, папу!”»
- 067 Антон Кобец: «Они — эхо ушедшей, но не переосмысленной трагедии страны, страны с неутихающей болью»
- 068 Наталья Федоровна Сазонова: «А мама тем временем не сдавалась — подавала жалобы, добивалась пересмотра дела»
- 071 Анастасия Кэмпбелл: «Мы порой забываем об испытаниях, с которыми столкнулись родные и близкие репрессированных»
- 073 Татьяна Авсеевна Соколова: «Но, увы, он попал в эти “университеты нравственного преобразования”, как мой отец называл лагерь»
- 076 Дарья Шинкевич: «Разве можно рассказывать о репрессиях, об убийстве своих близких, о невозможности поступить в университет с клеймом “дочери врага народа”, и не переживать?»
- 078 Майя Вольдемаровна Кара-Мурза: «Отца арестовали в декабре 1937 года. Это случилось за три дня до Нового года»
- 084 Дарья Горелова: «Как-то Нина Марковна сказала отличную фразу: “Нужно жить “вкусно”!»»
- 086 Нина Мордковна (Марковна) Яблонская: «Я всегда верила, что мой отец невиновен, и ждала, когда он вернется»

- 092 Наталья Волкова: «Моя реальность изменилась благодаря скромным попыткам волонтерства в Музее истории ГУЛАГа»
- 093 Людмила Яковлевна Капельницкая: «Папу не расстреляли — не успели. 23 августа 1940 года папино дело закрыли “за недоказанностью”»
- 096 Яна Харламова: «Записать небольшую биографию человека — очень непростое дело»
- 097 Софья Ибрагимовна Кузьбожева: «В одной из тюрем мама даже разрыдалась: “Если расстреляли, то хотя бы сообщите!..”»
- 102 Анна Головлева: «Каждое дело — людям, иначе — зачем?»
- 103 Эрика Гейнриховна Лобанова: «Всем говорили, что это переселение не на всю жизнь, а временное. Ехали в товарных вагонах почти месяц»
- 110 Наталья Козлова: «Музей организовал проект в дистанционном формате — “Знаки заботы”. Испытывая на себе тяжесть изоляции, я сразу откликнулась на участие в нем»
- 111 Наталья Александровна Кудря: «Как и другие бывшие военнопленные, он был объявлен предателем. “Вам надо было застрелиться”, — так сказали ему на родине»
- 113 Мариэтта Захарян: «Хотя мы их называли “наши дорогие подопечные”, я чаще сама чувствовала себя опекаемой»
- 115 Людмила Сергеевна Астафьева: «Моего отца признали “врагом народа” и в июле того же года вынесли приговор: двадцать пять лет лагерей и пять лет поражения в правах»
- 122 Константин Андреев, руководитель Образовательного центра Музея истории ГУЛАГа: «Опыт создания творческих проектов: наметьте план исследования семейного прошлого»

Роман Романов, директор Музея истории ГУЛАГа, руководитель Фонда Памяти

проект социально-волонтерского центра

Вот уже больше восьми лет поддержка жертв сталинских репрессий — одно из ключевых направлений работы Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти. За эти годы нами была создана и отработана целая система взаимодействия волонтеров и подопечных — людей, пострадавших от массовых репрессий.

На регулярной основе координаторы Социально-волонтерского центра и волонтеры стараются помочь с разрешением самых разных вопросов: от бытовых до психологических. Мы организуем подопечным встречи в музее, походы в театры и на концерты, посещения врачей и юристов, уборку по дому и заказ продуктов.

Однако в период самоизоляции из-за пандемии коронавируса живое общение с подопечными стало опасным. Пожилые люди оказались изолированы от внешнего мира, ведь большинство из них не используют современные средства связи. Для того чтобы продолжать нашу работу, был придуман проект «Знаки заботы».

В этой книге мы собрали истории жертв политических репрессий, которые были записаны волонтерами во время общения с подопечными по телефону в течение пяти месяцев. Надеемся, что этот опыт будет полезен другим волонтерским объединениям и вдохновит на поиск новых решений даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях.

«Трагедия старости не в том, что человек стареет, а в том, что он душой остается молодым»¹

В России происходит смена парадигм старения и восприятия старшего поколения. Сегодня в стране активно развиваются проекты, которые помогают вовлечь пожилых в социальную жизнь и раскрыть их нереализованный потенциал. Музейные практики взаимодействия с людьми старшего возраста важны для сохранения их физического и психологического благополучия. Участие в культурной жизни влияет на ощущение личной идентичности и чувство принадлежности к социуму, снижает уровень тревоги и депрессии, укрепляет физическое здоровье и коррелирует с большей удовлетворенностью жизнью. Одним из положительных эффектов является укрепление социального статуса.

Социально-волонтерский центр Музея истории ГУЛАГа с 2013 года делает жизнь пожилых жертв политических репрессий комфортнее и способствует сохранению уникальных знаний о важном для страны периоде. Волонтеры помогают подопечным с бытовыми вопросами, сопровождают их на выставки и спектакли, вместе посещают больницы и поликлиники. До пандемии раз в месяц Центр приглашал подопечных в Музей на концерт или просмотр фильма. Эти встречи становились для них своеобразным выходом в свет.

«Они [Музей истории ГУЛАГа], наоборот, стараются нас вытащить из четырех стен. Вот до последнего времени — это были и выставки интересные, и походы в театр, а заодно, так сказать, и общение, мы могли увидеться и пообщаться друг с другом. Раз в месяц в Музее они устраивают нам такие встречи», — поделилась одна из подопечных Музея с исследователями Фонда Тимченко².

В течение двух лет, с 2018 по 2020 год, Центр реализовывал проект «Психология заботы». Волонтеры каждую неделю встречались с подопечными, поддерживали их и записывали интервью со свидетелями эпохи массовых репрессий. Доверительные отношения, которые неделя за неделей возникали между волонтерами и пожилыми людьми, не только перерастали в дружбу, но и помогали подопечным решиться передать в Музей предметы, связанные с историей с историей ГУЛАГа.

В период самоизоляции из-за пандемии живое общение с подопечными стало опасным. Психологическое состояние пожилых ухудшилось — старшее поколение столкнулось с неопределенностью и запретами, одновременно с этим увеличился и риск для их жизни. Особенно травматичным для людей в возрасте оказалось переживание собственной болезни или временной беспомощности. Изменившиеся реалии подтолкнули Центр к созданию проекта «Знаки заботы».

Потребность пожилых людей в поддержке стала острее, поэтому одной из задач проекта стала психологическая помощь. В то же время Музей старался сохранить память жертв о репрессиях: в течение пяти месяцев волонтеры еженедельно общались с подопечными и записывали воспоминания, которые вошли в книгу «Знаки заботы. Опыт работы Социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа в период пандемии».

1
«Портрет Дориана Грея» — роман ирландского писателя и драматурга Оскара Уайльда.

2
Фонд Тимченко — один из крупнейших семейных фондов в России, созданный в 2010 году. Стратегические программы фонда: «Старшее поколение», «Спорт», «Семья и дети», «Культура» — представляют основные направления благотворительности. timchenko-foundation.org

3
Движение «Даниловцы» началось в 2008 году по инициативе музыканта и педагога Андрея Мещериннова. Он предложил организовать досуг, творчество и общение для детей, больных раком. Так была создана волонтерская группа в НИИ нейрохирургии им. Бурденко, а вслед за ней группы в Российской детской клинической больнице, детском приюте и в подростковой колонии.

4
«Старение с удовольствием» (www.evelhecet.org) — это ассоциация социальной солидарности. Ее главной целью является разработка проектов, направленных на продвижение здорового старения и активного гражданства.

Прежде чем приступить к работе с подопечными, волонтеры прошли специальную подготовку: изучили нюансы возрастной психологии и обозначили саму ценность удаленной поддержки. Добровольцы могли посещать психотерапевтические сессии, где участники проекта делились чувствами и впечатлениями с профессиональным психологом.

По мнению руководителя Центра Варвары Усаневич, проект «Знаки заботы» можно считать успешным: при помощи волонтеров музей пополнил базу воспоминаний жертв политических репрессий, а подопечные почувствовали тепло человеческого общения.

«Среди пожилых людей особенно остро стоит проблема одиночества: им не с кем поговорить, зачастую они разговаривают дома сами с собой. Волонтеры, которые участвовали в проекте, безусловно, смогли скрасить одиночество подопечных и наполнить их жизнь смыслом — передать свои воспоминания потомкам, укрепить межпоколенные связи», — подчеркнула Варвара Усаневич.

Благодаря современным технологиям проект «Знаки заботы» стал международным. В проекте приняли участие волонтеры из Амстердама, Аксарки, Санкт-Петербурга, Москвы, Ярославля и Тольятти и подопечные из Эдинбурга, Тольятти и Москвы. Центр успел записать воспоминания подопечных: Марины Кузнецовой и Натальи Сазоновой, которые ушли из жизни до выхода книги.

Проект получил высокую оценку и среди экспертов. Юрий Белановский, руководитель добровольческого движения «Даниловцы»³, назвал главным результатом работы Центра повышение качества жизни подопечных, переживших политические репрессии. Пожилые люди получили как психологическую поддержку, так и признание важности и социальной значимости собственного опыта, которое необходимо для развития чувства причастности к социальной жизни.

«Волонтеры смогли узнать об истории страны из первоисточников и помочь сохранить важные воспоминания. Музей укрепил собственную связь с аудиторией и собрал информацию, необходимую для исследовательской работы», — отметил эксперт.

Юрий Белановский подчеркнул, что высокий уровень заинтересованности руководства и сотрудников Музея — одна из причин успешной реализации проекта. Благодаря неравнодушному отношению помощь удалось оказывать систематически, на постоянной основе.

В период пандемии волонтерские практики изменились: проекты пришлось перенести в дистанционный формат, притом что проблема одиночества стала гораздо масштабнее. Еще в 2012 году португальская организация «Старение с удовольствием»⁴ разработала проект, целью которого было создание дистанционного сообщества пожилых. Проект «Centro In Domo Nostra» (латинское выражение, означающее «центр в нашем доме») стал окном надежды для старшего поколения, чья повседневная жизнь проходит дома, вдали от социальных контактов. С помощью проекта планировалось помочь взаимодействию пожилых людей. Участники проекта ежедневно созванивались, чтобы обсудить самые разные темы, а раз в неделю для старшего поколения устраивали мероприятия с помощью телефонной конференции.

5
Фонд «Старость в радость» организован в 2011 году. Специалисты Фонда оказывают психологическую, информационно-консультационную, финансовую, медико-социальную и бытовую помощь пожилым людям и людям с инвалидностью в трудных жизненных ситуациях. В настоящее время Фонд помогает людям более чем в 60 регионах и по меньшей мере в 1000 учреждений — домах престарелых, ПНИ, отделениях сестринского ухода, домашних службах комплексных центров социального обслуживания. На постоянной основе Фонд реализует собственные программы, ориентированные на оказание помощи пожилым людям, проживающим дома и в интернатах (Медицина, Ежедневный уход, Уютный дом, Досуг, Неотложка). Фонд активно развивает волонтерскую и pro-bono помощь.

Понимая возросшую важность коммуникации, благотворительный фонд «Старость в радость»⁵ организовал акцию «Мы рядом», чтобы обеспечить пожилых людей из домов-интернатов и психоневрологических интернатов качественной интернет-связью и онлайн-общением. Волонтеры регулярно общались с подопечными и записывали видеоприветы, специалисты обучали добровольцев тому, как правильно выбрать интонацию и тему для разговора. В проекте могли принять участие и школьники, которые перешли на дистанционное обучение.

Кто-то из пожилых разговаривал по видеосвязи с родственниками, кто-то — с волонтерами. Для подопечных проводили занятия по суставной гимнастике, мастер-классы по оригами и концерты творческих коллективов. Фонд «Старость в радость» оплачивал услуги связи пожилым людям и покупал для них мобильные телефоны, планшеты и ноутбуки.

Старшее поколение столкнулось не только с одиночеством, но и с увеличившимся объемом информационного шума. В период переизбытка негативных новостей обострилась проблема нарушения памяти среди пожилых. Фонд «София»⁶ разработал дистанционный курс психологических тренировок памяти для людей в возрасте: чем раньше начинается профилактика деменции, тем выше вероятность приостановить развитие заболевания и значительно улучшить память.

В рамках проекта прошло 30 вебинаров, которые включали в себя упражнения на поддержание функций восприятия и усвоения материала с помощью творческих заданий. Целями курса стали профилактика развития деменции среди людей в возрасте и повышение социальной и творческой активности старшего поколения. Занятия для пожилых проводили квалифицированные психологи и профессиональные артисты.

Новозеландский центр SeniorNet⁷ занимается безвозмездным обучением пожилых людей навыкам работы с компьютером. Сообщество мотивирует их чаще обращаться к технологиям в своей повседневной жизни: отправлять электронные письма, совершать безопасные покупки в интернете и пользоваться веб-версиями банков. Особенно актуальной подобная практика стала в период самоизоляции.

До пандемии встречи проходили в очном формате, но в период распространения коронавируса появилась специальная онлайн-платформа SeniorHangouts⁸. Пожилые люди получили возможность заниматься с репетиторами-волонтерами из собственного дома. Представители старшего поколения не только обучались новым навыкам, но и поддерживали социальную активность, чувствуя себя менее одинокими.

Еще одна волонтерская практика, направленная на помощь людям в возрасте, — акция #МыВместе от ресурсного центра «Мосволонтер»⁹. В период пандемии старшее поколение оказалось в группе риска, а каждый выход из дома мог обернуться тяжелыми последствиями. Неравнодушные имели возможность присоединиться к акции и за свой счет купить и доставить продукты и лекарства пожилым.

Каждый участник получал список продуктов или медикаментов с указанием примерной стоимости набора, адреса и телефона подопечного. Пакеты с продуктами или лекарствами волонтеры оставляли возле двери — входить в квартиру инструкции запрещали.

6
 Благотворительный фонд «София» создан в 1998 году и осуществляет свою деятельность, направленную на социальную поддержку и помощь пожилым людям, находящимся в домах престарелых, инвалидам и одиноким старикам.

7
 SeniorNet — представляет сеть обучения, которая поддерживает и мотивирует пожилых людей уверенно использовать технологии в своей повседневной жизни.

8
 SeniorHangouts — популярная онлайн-платформа, управляемая SeniorNet, которая помогает пожилым людям подключаться и узнавать о технологиях во время ограничений, связанных с COVID.

9
 «Мосволонтер» — крупнейший ресурсный центр добровольчества в России, созданный в 2014 году. Это подведомственное учреждение Комитета общественных связей и молодежной политики города Москвы. Центр объединяет активных горожан, НКО, государственные учреждения и бизнес для решения социальных задач города.

10
 timchenko —
foundation.org/

Проекты помощи пожилым, которые реализовывались в пандемию, объединяет особое внимание к безопасности старшего поколения и к его потребности в общении. «Знаки заботы» подразумевали активное сотрудничество Социально-волонтерского центра и его подопечных: участники программы и волонтеры вместе способствовали сохранению воспоминаний о важном периоде истории страны. Пожилые подопечные выступили не столько в качестве «объектов заботы» проекта, сколько в качестве его соавторов.

По мнению исследователей Фонда Тимченко¹⁰, нужно учитывать, что прямой перенос опыта «Знаков заботы» будет затруднителен, поскольку изначально требуются специфические условия: возможность выделить эту работу в отдельное направление, соответствующая аудитория и способность выйти на прямой контакт с ней. Важно и наличие потенциала для формирования достаточно мощного волонтерского ядра, которое есть у Музея истории ГУЛАГа.

Об уникальности и травматичности периода пандемии

Удивительным образом работа Социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа продолжилась тогда, когда, казалось бы, замерли все привычные коммуникации между людьми. Пандемия нанесла страшный удар по нормальному укладу жизни, ее ритму — и личному, и профессиональному. Рушились планы, воцарилась атмосфера неизвестности, неопределенности будущего, а потому еще более страшной, смертельной опасности. Более того, под самым ощутимым ударом оказались люди пожилого возраста, старики, а ведь именно с людьми преклонного возраста работают волонтеры, оказывающие помощь жертвам политических репрессий и членам их семей.

Важность личного контакта подопечных с волонтерами и сотрудниками, пусть дистанционно, по телефону, по видеосвязи — как угодно, но живого контакта — переоценить невозможно. А в условиях изоляции и такой опасности — тем более ведь факт существования феномена трансгенерационной (межпоколенческой) передачи травмы уже многократно доказан и у специалистов в области душевного здоровья не вызывает никаких сомнений. Поэтому условия, в которых находились все, психологически оказались особенно травматичными для подопечных и их потомков.

Пандемия и изоляция актуализировали травматичный опыт предыдущих поколений, в нашей стране — наверняка, где принадлежность к группе риска означала почти неминуемое преследование и часто смерть. В пандемии группы риска определяются возрастными группами, наличием определенных хронических заболеваний, родом деятельности (в первую очередь врачи), социальной категорией — пенсионеры, студенты, школьники, работники предприятий. В истории страны похожие группы риска формировались на основе (не без горького сарказма) предпочтения цвета — «красные» и «белые», по политическим мотивам, по национальному признаку, по экономическим факторам (нэпман, кулак), по роду деятельности (военные, ученые, врачи, литераторы и т. п.). Была и отдельная каста неприкасаемых в лице «членов семьи врага народа», и даже этот нюанс, похоже, воспроизводился на фоне пандемии: члены семьи автоматически становились «неблагонадежными» в плане «здоровья нации» гражданами, и даже просто контактировавших с заболевшими государство обнаруживало и подвергало изоляции. Безусловно, теперь — с благими намерениями, направленными на нераспространение вируса. Однако для подопечных в особенности изоляция — это условия, напрямую воспроизводящие травму предыдущих поколений, ведь именно изоляция от общества всегда была существенным условием и аспектом преследования. Физическая изоляция от семьи, общества была ужасным ударом по психологическому здоровью репрессированных, но еще большим ударом часто становилась невозможность хотя бы какой-то связи с близкими, а то и отречение близких, спасающих себя и своих детей от той же участи.

Волонтеры не остановили свою работу. Не отреклись, не бросили, не оставили без живительного, эмоционально питающего контакта, своего голоса, своего участия. Я уверен, это сыграло ключевую роль в продолжении жизни подопечных во всех ее проявлениях.

Валерий Наумов,
клинический психолог,
психотерапевт

О гибкости

Важнейшим элементом заботы о подопечных является ее преемственность, постоянство контакта. Это имеет ключевое значение в обретении чувства большей уверенности, предсказуемости завтрашнего дня, это надежная платформа, на которую можно опереться. Знание того, что ты не исчезаешь из поля зрения тех, кто заботится о тебе, что нет своеобразных провалов (по-прежнему твое самочувствие, твои переживания, нужды остаются столь же важными для других), дарит ощущение контроля над собственной жизнью и позволяет ждать наступления завтрашнего дня не с тревогой, а с любопытством, интересом, надеждой.

Жизнь продолжается. Проект «Знаки заботы» стал проявлением той вариативности, гибкости подхода, которая критически необходима в работе с людьми, пережившими — прямо или через поколения — травму, тяжелейшие утраты и вряд ли переносимую боль. Этот проект доказал не только жизнеспособность самой идеи оказания такой помощи подопечным, но и укрепил саму идеологию и коллектив Социально-волонтерского центра Музея. Он помог вовлечь в эту работу не только москвичей, но и тех равнодушных людей, которые были готовы помочь дистанционно, без возможности в обычных условиях — из-за расстояния — физически посещать мероприятия и самих подопечных. Новые лица, новые члены команды, парадоксально для общей ситуации разобщения и изоляции только расширили круг единомышленников.

О щедрости

Я говорю здесь о щедрости души всех тех, кто участвовал в проекте «Знаки заботы». Что-то каждый из волонтеров тоже смог взять для себя из такой работы: чувство сопричастности к важному движению, больше исторических знаний о прошлом своей страны, возможность реализации своих способностей в общении. Но невозможно не увидеть, насколько много места в душе каждого равнодушного участника в такой работе — новичка или уже ветерана Социально-волонтерского центра — всегда остается для тех, кто нуждается в помощи. Даже тогда, когда тревогой и неизвестностью наполнена атмосфера в обществе, а общественный дискурс приобретает характер, скорее, противостояния, а не диалога. Щедрость такого вклада каждого участника проекта «Знаки заботы» — это явление смыслообразующее, налаживающее связь между людьми в условиях разрушения связей и в очередной раз укрепившее и продвигнувшее вперед работу Музея и Социально-волонтерского центра, расширив при этом методологию и круг участников. А с моей точки зрения как специалиста — явление, которое спасло немало жизней и уберегло подопечных от непереносимых душевных страданий.

Ольга Анисимова, Юрий Витальевич
Примаков, Светлана Гапонова,
Гузель Гумеровна Ибрагимова,
Полина Шмелева, Владимир Маркович
Резников, Светлана Хрущева,
Диана Муравьева, Альбертина
Борисовна Шолохова, Ольга Лозовская,
Марина Ильинична Кузнецова,
Евгения Назарова, Елизавета
Васильевна Косминская, Дарья
Калининна, Клара Мкртичевна
(Михайловна) Сотникова, Антон
Кобец, Наталья Федоровна Сазонова,

Анастасия Кэмпбелл, Татьяна
Авсеевна Соколова, Дарья Шинкевич,
Майя Вольдемаровна Кара-Мурза,
Дарья Горелова, Нина Мордковна
(Марковна) Яблонская, Наталья
Волкова, Людмила Яковлевна
Капельницкая, Яна Харламова,
Софья Ибрагимовна Кузьбожева,
Анна Головлева, Эрика Гейнриховна
Лобанова, Наталья Козлова,
Наталья Александровна Кудря,
Мариэтта Захарян, Людмила
Сергеевна Астафьева

Ольга Анисимова:

«Проект завершен, но наше общение с Юрием Витальевичем продолжается»

Мое детство пришлось на закат СССР, когда знакомство с историей проходило на фоне раскрытия тайн прошлого. Запомнились тотальный дефицит, разговоры о перестройке, депрессия отца по поводу потери работы в результате развала предприятия, на котором он работал всю сознательную жизнь. Тогда же впервые для меня всплыло страшное, как мне тогда казалось, слово «ГУЛАГ». В силу возраста я еще не знала, что означает эта аббревиатура.

Не знаю, как это может быть связано, но чем больше узнавала правды о событиях периода сталинских репрессий, тем более свободно начала себя ощущать. Своеобразное очищение через знания. Процесс затянулся на долгие годы.

Волею судьбы пять лет назад я оказалась в самом сердце «гулаговского рая»: на Крайнем Севере, в селе, основанном репрессированными. Рядом — заброшенные лагеря. Они расположились вокруг «Мертвой дороги», строительство которой велось с 1947 года в течение шести лет. Этот объект более известен как Стройка-501¹. В марте 1953 года проект был заморожен, а недостроенная железная дорога оказалась никому не нужна. Мне, южному человеку, оказавшемуся в этих местах, сразу бросился в глаза весь ужас событий девяностолетней давности. Помимо построек, немых свидетелей сталинской эпохи, здесь еще живы люди, чьи судьбы тесно связаны с репрессивной политикой государства.

Однажды мы с коллегами посетили один из хорошо сохранившихся лагерей. С нами в компании оказался гражданин Польши, который собирал материал для своей фотовыставки. Я подумала, что и у нас должна быть организация, занимающаяся подобными проектами. В тот момент в соцсетях я увидела группу «Музей

истории ГУЛАГа». Просмотрела ее контент и обнаружила объявление о готовящемся волонтерском проекте «Знаки заботы». Я сообщила о своем желании принять в нем участие и так стала одним из его волонтеров.

С моим подопечным Юрием Витальевичем Примаковым мы не общались вживую из-за проживания в разных частях государства, разных часовых поясах. Мне очень повезло, что, несмотря на солидный возраст, Юрий Витальевич вполне умело пользуется современными изобретениями человечества, осуществляя связь через смартфон или ноутбук. Он быстро отвечает на письма, всегда предельно интеллигентен, с хорошим чувством юмора и неимоверной житейской мудростью, сформированной с детства в украинско-еврейской среде со светлыми советскими идеалами. Задолго до начала проекта мне хорошо были известны истории людей, которые оказались его родственниками. Зная факты исторических событий, рассказы Примакова я воспринимала как чувственную иллюстрацию истории государства через повествование о прошлом одной семьи. Его эмоции, максимально сдержанные, но емкие ремарки иногда заставляли взглянуть на происходившее с героями воспоминаний с непривычной точки зрения. Проект завершен, но наше обще-

1
Обский ИТЛ
и Строительство
№ 501 (Стройка-501)
организован
в 1949 году с целью
строительства
железной дороги
на участке
Салехард — Игарка
 трансполярной
магистрали Чум —
Салехард — Игарка.
Строительство
осуществлялось
силами заключенных
исправительно-
трудовых лагерей
Северного
управления лагерей
железнодорожного
строительства
в 1947–1953 годах.
25 марта 1953 года
проект был
приостановлен,
дорога
законсервирована.

ние с Юрием Витальевичем про-
должается. Сложно отказаться
от возможности узнать его мне-
ние — всегда взвешенное, четкое
и честное — о том или ином собы-
тии в прошлом и настоящем.

«Ты потерял отца. Теперь ты будешь сын полка. Сын Червонного казачества»

Мои родители познакомились зимой 1914 года на собрании подпольного кружка учеников мужской и женской Черниговских гимназий.

Мама, Мария Ароновна Довжик, родилась в семье еврейских бедняков в 1898 году. Ее отец, простой рабочий, самостоятельно выучился и стал коммивояжером. Мой отец, Виталий Маркович Примаков¹, на год младше ее, был сыном почетного гражданина Чернигова, сельского учителя Марка Григорьевича Примакова. Отец участвовал в революционном подполье, в 1915 году был арестован за расклеивание листовок и отправлен в ссылку, в Сибирь.

Когда началась Февральская революция, мать работала в студенческом санитарном отряде, подбирала и перевязывала под обстрелом солдат. Отец был призван в армию и отправлен на Украину

для создания советской украинской армии.

В 1919 году Виталий встретился с Марией, когда был красным командиром войска Червонного казачества.

В 1923 году родители опять же случайно увиделись возле Крымского моста в Москве, а в следующем — поженились. Переехали в Ленинград.

В это время в Китае развернулись революционные события, и отец, начальник высшей кавалерийской школы, был приглашен в составе советских военных. Об этом он написал книгу «Записки волонтера». В семье хранится монгольский халат, в котором он через Монголию возвращался в СССР. После возвращения из-за границы отец попал в водоворот внутрипартийной борьбы и за свои выступления, как «неблагонадежный», был

1
Примаков Виталий Маркович (1897—1937) — советский военачальник, комкор (1935). Занимал руководящие посты в Красной армии, выполнял дипломатические поручения. В 1936 году был арестован одним из первых по «делу Тухачевского». 11 июня 1937 года специальным присутствием Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1957 году.

2
НЭП — новая экономическая политика, проводившаяся в 1920-е годы в СССР, предполагала государственное регулирование смешанной экономики с использованием плановых и рыночных механизмов.

переведен в Великий Новгород, где в 1927 году родился я.

Из Новгорода отец уехал в Афганистан военным атташе. Оттуда он в 1928 году отправил телеграмму о том, что отходит от своих троцкистских взглядов и отказывается от политической борьбы.

После Афганистана отец был назначен на дипломатическую работу в Японию. Оттуда он вернулся с идеей написать книгу о советском моряке, потерявшемся в японском городе. Мне он привез удивительные игрушки и японские сказки. Книжки мне понравились, и когда вырос мой сын, я тоже подарил ему японские народные сказки.

Мы тогда жили в Москве, в Колобовском переулке, мать работала в городской больнице. Моей подготовкой к школе занимались старые педагоги, сестры Полетаевы, к которым меня отводила няня. Помню зимние московские улицы и дворы, котлы для плавки снега.

После убийства Кирова в 1934 году в стране начались перемены — я их почувствовал, когда услышал разговор матери с ее подругой. «Сейчас такое начнется, подумать

страшно! Они там все с ума посходили!» Никто не знал, кто будет арестован следующим. Нарастал страх перед властью НКВД, перед будущим своих близких, и одновременно сохранялся энтузиазм и вера в идеалы революции.

Мама уволилась из больницы и поступила работать врачом на киностудию «Мосфильм». Ей помогла давняя подруга по подпольной работе, которая не побоялась взять маму — человека, боровшегося с Деникиным во время Гражданской войны, демобилизованного из РККА, не принявшего НЭП² и подавшего заявление о выходе из партии. Мы переехали в большой дом, где жили работники киностудии. Над нами жил Эйзенштейн, в соседнем подъезде — американский режиссер Джон Хьюстон. Наш двор был многонационален: нас с детства учили уважать представителей других народов. Так нас воспитывали в школе, в пионерской организации. Борьба китайцев за свободу, гражданская война в Испании, борьба абиссинцев против Муссолини была нашей борьбой. Все это подогревало интерес к истории, и я уже с пятого класса начал изучать институтские учебники и серьезные исторические труды. У мамы была велико-

Нарастал страх перед властью НКВД, перед будущим своих близких, и одновременно сохранялся энтузиазм и вера в идеалы революции.

лепная память, и она по вечерам декламировала мне по памяти на латыни Горация и Цицерона. Потом я читал этих авторов по-русски, и мне ближе становился древний мир.

После возвращения из Японии отец командовал стрелковым корпусом в Приволжском военном округе, затем был переведен на должность заместителя командующего Северо-Кавказским военным округом. В 1935 году отцу присвоили звание комкора. Он считал себя незаслуженно обойденным по службе из-за трений с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым, а в августе 1936-го за ним пришли. Ему — на тот момент заместителю командующего Ленинградским военным округом — было 38 лет. Обвинение было абсурдным: отца обвиняли в том, что в 1928 году, следуя по дороге в Кабул, он якобы заехал в Казахстан, чтобы встретиться в Алма-Ате с ссыльным Троцким. Это было невозможно — он выполнял секретное задание (спасение короля Амманулы-хана) в Афганистане.

Когда все обвинения отец легко опроверг, пытками из него вышибли признание в военном заговоре против Красной армии. Были арестованы также Тухачевский³, Уборевич⁴ и другие военачальники РККА.

Впоследствии при изучении документов следствия я так и не увидел упоминаний о том, как заговорщики работали на иностранные государства, через кого и какие материалы передавали, за какое

вознаграждение. Отца расстреляли в июне 1937 года.

В 1937 году по доносу односельчан была арестована Варвара Николаевна, мать отца. Она была одним из организаторов первого колхоза на Черниговщине. После лагеря ее отправили в ссылку, разрешили уехать в Свердловскую область к младшему сыну Евгению, где она умерла в 1947 году. Двух братьев отца, Бориса и Григория, забрали после 1937 года, они отсидели в лагерях. Но ни я, ни моя мать тогда не подверглись репрессиям. Возможно, потому, что мама всегда носила девичью фамилию Довжик, а узнав об аресте отца, мы переехали, и мать сменила место работы.

Главный врач Боткинской больницы (в то время госпиталя) помог маме устроиться начальником приемного отделения.

В 1941 году мне было четырнадцать лет, я отдыхал в Чернигове у бабушки с дедушкой. Дедушка работал бухгалтером, бабушка вела домашнее хозяйство. Когда началась война, мы эвакуировались в Башкирию. Сначала плыли на пароходе, а потом продолжили путь по железной дороге. Наши вагоны прицепили к большому эшелону, который вез на восток разоруженных красноармейцев, советских немцев. Им вдруг выразили недоверие — могут перейти к врагу — и отправили в тыл. Их охраняли меньше десятка конвоиров, вчерашних боевых товарищей, и уставленный на паровозе пулемет, но никто из них и не думал убежать.

3
Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — советский военачальник, маршал СССР (1935). Главный фигурант процесса по делу «Антисоветской троцкистской военной организации». Расстрелян 11 июня 1937 года. Реабилитирован в 1957 году.

4
Уборевич Иероним Петрович (1896—1937) — советский военачальник, командарм 1-го ранга (1935). Расстрелян 11 июня 1937 года по делу «Антисоветской троцкистской военной организации». Реабилитирован в 1957 году.

Мне было странно: эти люди говорили по-русски, они были «наши», но Сталин им не доверял.

5
Шарль де Голль (1890—1970) — французский военный и государственный деятель. Во время Второй мировой войны — лидер французского Сопротивления. После освобождения Франции от фашистских захватчиков — председатель Совета министров Франции.

Мне было странно: эти люди говорили по-русски, они были «наши», но Сталин им не доверял.

Паек эвакуированные получали на станциях бесплатно. На стоянках мы бегали за продуктами, помогали разносить бидоны с едой. Носили из дальних магазинов хлеб в рубашках — снимали их, застегивали на все пуговицы и набивали буханками. Поезд часто стоял, пропускная воинские эшелоны и составы с заводским оборудованием. Мы встретили первые эшелоны беженцев из Москвы. Те кричали из вагонов о том, что Москву бомбят! Так и доехали до Стерлитамака, а там и до деревни, где поселились у колхозницы.

На второй же день после приезда я пошел с дедом на работу — в поле мы обмолачивали уже сжатую пшеницу цепами. Работа была тяжелой, дед больше со мной не ходил, а меня определили на комбайн. Вместе с башкирским пареньком мы насыпали из бункера зерно в мешки и оттаскивали их в сторону. Урожай был хороший и бункер комбайна быстро наполнялся. Мешки грузили в грузовик. Иногда нам помогали взрослые. Кормили в поле вкусно и досыта. В деревне я смертельно заболел дизентерией, маме пришлось взять отпуск и приехать. Когда я поправился, меня назначили дежурным в сельсовет. Мама не смогла вернуться в Москву, так как город был объявлен на осадном положении и никого не пускали. Тогда маму назначили районным эпидемиологом в Башкирии, и мы переехали в Стерлибашево.

В 1942 году наконец мы смогли вернуться в Москву. Во время войны жили в бараке. Я работал в Боткинском госпитале санитаром, таскал носилки с ранеными и старался успевать учиться в школе. Из-за сильной близорукости для армии я не годился.

Мать работала в госпитале без выходных, часто круглосуточно, но она никогда не жаловалась на усталость, всегда была энергичная, бодрая, заботливая. В госпитале больше всего похвал и благодарностей было в ее адрес. Это стало известно адъютанту генерала де Голля⁵, по окончании войны он разыскивал «мадам Довжик» для награждения. Мама, узнав об этом, сразу же взяла больничный, и на этот раз все обошлось благополучно. Де Голль с помощником вернулись во Францию, а мама не была арестована за связь с иностранцами.

Окончив школу, я решил поступать на исторический факультет МГУ, но мать сказала: «Тебя могут арестовать при поступлении. Попробуй в технический». Так я оказался в МАМИ. Мама не могла вернуться на «Мосфильм», так как ее подруга, директор киностудии, была уже арестована.

В 1948 году я окончил институт. При распределении на работу в списках против моей фамилии стояла приписка красными чернилами: «С осторожностью». Что это означало, я понял позднее, когда узнал, что Кокчетав в Северном Казахстане, куда меня направляли, был местом ссылки неугодных

В 1948 году я окончил институт. При распределении на работу в списках против моей фамилии стояла приписка красными чернилами: «С осторожностью».

людей. Все попытки остаться работать в Москве провалились, и я отправился к месту назначения с ящиком полудрагоценных камней, который предстояло доставить на завод. На производстве меня определили технологом сразу в несколько отделов.

Население этого города было смешанным — в основном ссыльные. Ученики «вредителей» (студенты МВТУ, которым читал лекции профессор Рамзин⁶), старообрядцы, и те, кто имел плохую анкету вроде меня.

В бараке, где я жил, за нами следили. Очевидно, этим занимался хромой техник с нашего завода. Вскоре арестовали соседа по бараку, офицера польской армии. Меня водили на допросы, и я понял, что наши с ним разговоры записывали. Сосед ругал Сталина, а я как комсомолец защищал советскую власть. На суде, как мог, отстаивал поляка, объясняя его взгляды буржуазным воспитанием. В итоге ему дали десять лет, а меня отпустили. Директора нашего завода, к моему счастью, переводили на Дальний Восток, поэтому он и подписал приказ о моем увольнении. Я уехал в Москву искать работу.

В 1951 году началась кампания против безродных космополитов, а моя мать была еврейкой. Про отца я с детства писал в анкетах — «служащий», опуская, что он «военнослужащий», хотя в то время многие помнили хорошее о Виталии Марковиче Примакове. С работой было

сложно, и в итоге я устроился в КБ «Сантехмонтажпроект». Коллеги — все старше меня, многие инвалиды, почти все — евреи. Их больше никуда не брали. Работа была трудная: мы разрабатывали оборудование для строительства, и мне удалось сделать несколько удачных проектов.

Когда пришли известия о XX съезде партии⁷, мы поняли, что рухнула огромная империя лжи и насилия. Неожиданно нам в барак, где я жил с мамой с 1943 года, позвонил Петр Якир⁸, представился и сказал, что подал документы на пересмотр дела своего отца. Мы с матерью все обсудили и тоже отправили заявление в военную прокуратуру на пересмотр дела моего отца. Через несколько месяцев нам вручили справку о его реабилитации. В 1957 году отец был восстановлен в партии. Только после реабилитации отца мама начала вдруг говорить, что партия уже не та, что она переродилась, и абсолютная власть портит всех. Она всегда осуждала отца за его левые взгляды, считая, что единство партии — необходимое условие успехов в построении коммунизма. К Сталину она относилась без почтения.

Мы возобновили все связи с Примаковыми. Были организованы регулярные встречи с Черниговским землячеством, на которых приняли решение о необходимости восстановления исторической правды и реабилитации сотен людей, которые под командованием отца дрались за советскую власть. На первом совете землячества один генерал обнял меня

6
Рамзин
Леонид
Константинович
(1887—1948) —
инженер-
теплотехник,
профессор.
В 1930 году был
одним из главных
фигурантов
открытого процесса
по сфабрикованному
ОГПУ «делу
Промпартии»,
обвинялся
во вредительстве.
Суд приговорил
Рамзина к расстрелу
с заменой на 10 лет
лишения свободы.
Во время заключения
профессор работал
в закрытом
конструкторском
бюро над новой
оригинальной
конструкцией
прямоточного котла.
В 1936 году был
освобожден.

Когда пришли известия о XX съезде партии, мы поняли, что рухнула огромная империя лжи и насилия.

7
На XX съезде партии
в феврале 1956 года
первый секретарь
ЦК КПСС
Н. С. Хрущев
выступил с докладом
«О культе личности
и его последствиях»,
в котором
разоблачались
преступления
сталинского
режима и массовые
репрессии.

8
Якир Петр Иванович
(1923—1982) —
сын
репрессированного
советского
военачальника
И. Э. Якира,
историк, участник
правозащитного
движения в СССР.

и сказал: «Ты потерял отца. Теперь
ты будешь сын полка. Сын Червон-
ного казачества». С тех пор я стал
«сыном» Червонного казачества
и делал все, что мог, чтобы вместе
с ветеранами восстановить его
славу. Я работал секретарем
совета ветеранов в Москве вплоть
до 1985 года.

Светлана Гапонова:

«Личная история конкретного человека сближает нас с историей XX века лучше, чем учебник или экскурсия»

Так случилось, что два года подряд я читала лагерную прозу, и тема истории России этого периода увлекла меня настолько, что захотелось узнать больше. Я слышала, что в Москве есть Музей истории ГУЛАГа, посетила его и узнала, что при Музее существует Социально-волонтерский центр. Оставила заявку на участие в волонтерской деятельности, прошла собеседование и стала помогать. В 2021 году начался проект «Знаки заботы». Сначала мы с другими волонтерами прошли обучение с психологом, затем каждого из нас закрепили за конкретным подопечным Музея.

Мне посчастливилось познакомиться с Гузель Гумеровной Ибрагимовой, удивительным человеком, поразившим меня своим умением находить хорошее в любой ситуации. Когда видишь эту обаятельную женщину и слышишь ее уверенный голос, нельзя не заразиться ее оптимизмом и боевым духом. Готовясь к встречам, при упоминании слова «подопечный» я ожидала другого. Визиты и общение с Гузель Гумеровной и ее супругом Маратом Галиевичем стали для меня новым, необычным и позитивным опытом.

Я благодарна Музею за возможность участия в этом проекте. Я смогла увидеть события прошлого века российской истории совсем иначе: личная история конкретного человека сближает нас с историей XX века лучше, чем учебник или экскурсия. Записывая историю Гузель Гумеровны, я приблизилась к осмыслению прошлого и репрессий, прочувствовала то время. Это изменило мое восприятие жизненных трудностей.

«О том, что родители — «враги народа», я впервые услышала только в университете»

Гузель Гумеровна
Ибрагимова

Нашего отца, Галеева Гумера Биляловича, забрали 10 марта 1937 года, а 20 августа арестовали маму как жену «врага народа». Папа был писателем, основателем и первым редактором журнала «Советская литература» на татарском языке. Его обвинили в контрреволюционной деятельности и отправили в лагерь на десять лет. Мама, Харира Зиннатовна, работавшая тогда начальником финансового отдела Казанского горисполкома, была приговорена к шести годам лагерей.

Я и моя сестра Алсу остались с бабушкой и дедушкой в их доме в Казани. Мне — два с половиной года, сестре — восемь, она только пошла в первый класс. В детский дом нас забирали хитростью. Я лежала в больнице с гнойным менингитом, когда за мной пришли из НКВД, но мой доктор, профессор Лепский, сказал: «Я ребенка не отдам, пока не вылечу. Заберите вместе со мной». Он был

главным детским врачом в Казани, и вся элита лечилась у него, поэтому в тот день нас не тронули. Но через десять дней меня все-таки увезли из больницы. Сестру забрали под расписку первого сентября прямо из класса, иначе бабушка с дедушкой ни за что не отдали бы нас. Они кинулись искать, но куда бы ни обращались, сведений о нашем местонахождении не было.

Мы с сестрой провели в детском доме два года и три месяца. Нас нашел дедушка, Биктагиров Зиннатулла Биктагирович. Потомственный рабочий, он некогда состоял на извозе на Казанском пороховом заводе. У деда была своя лошадь и телега, он отвозил порох из цехов с готовой продукцией в пороховые погреба. В восемнадцатом году во время бело-чешской интервенции на территорию завода упала бомба. Дедушка успел откатить бочки с готовым порохом. Если бы они взорвались, то взорвался бы

весь завод. Ему передавило ногу и выбило глаз, и он стал инвалидом первой группы. За этот поступок — подвиг! — Калинин его наградили именными часами и грамотой.

Однажды к бабушке с дедушкой приехал папин друг. В писательской среде о нем ходили разные слухи. После ареста он отсидел несколько месяцев и как-то быстро освободился. Однако для нас этот человек делал только хорошее. Злые языки говорили: искупает вину. Позже он занял высокий пост, получил за свои книги Сталинскую премию и умер в почете. Он приехал, бабушка с дедушкой плачут: дети пропали. Он посоветовал дедушке, мол, ты возьми свои награды и поезжай в Москву к Калинин¹. Дал денег на поездку. Дед был неграмотный, взял с собой мамину сестру, тетю Раю, и отправился в Москву. Приемная Калинина располагалась напротив Библиотеки имени Ленина в маленьком двухэтажном особняке. По всей улице в особняк тянулось очередь: люди, как ходоки к Ленину, шли со своими проблемами. Было такое время, когда любой мог попасть к высокопоставленному лицу на прием. Дедушка бросил на стол Калинин¹ часы и грамоту и на ломаном русском языке

сказал: «Ты меня наградил, так забирай свои игрушки и отдай мне детей! Где мои дети?»

Дедушку с тетей Раей попросили подождать, напоили чаем с баранками, а через полчаса был известен нужный адрес.

Все это время мы с Алей находились в городе Ирбите Свердловской области. Меня поместили в ясельный детдом, а сестру — в школьный. Директор ее детдома, между прочим, ученица Надежды Крупской, говорила Але: «Не забывай, что у тебя есть сестренка. Я тебя буду каждое воскресенье к ней водить, чтобы вы не потерялись». Я помню, как меня забирали на эти встречи. Сестра рассказывала, что видела, как меня подкармливали на кухне мерзлой морковкой. Во втором классе по совету директора Аля печатными буквами написала письмо Сталину — о том, что родители не виноваты и мы хотим жить с мамой и папой. Ответа, скорее всего, не было. После визита в Москву тете Рае разрешили отвезти нас домой к бабушке с дедушкой. Пока родители были под арестом, тетя заменила нам маму, мы так и звали ее «мама Рая», а потом и дети Алсу так называли ее.

¹ Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — советский государственный и партийный деятель, председатель Президиума Верховного Совета СССР (номинальный глава государства), принимал участие в массовых репрессиях.

2
21 февраля 1948 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии ими срока наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Все бывшие заключенные, осужденные за контрреволюционные преступления, подвергались повторному аресту и направлялись в ссылку.

Когда я пошла в первый класс, все соседи и нянечки в школе по-доброму говорили нам: «сироточки». Я не помню, чтобы меня третировали из-за того, что у меня нет родителей. Во-первых, нас таких было много в школе. Во-вторых, все знали, что мама и папа репрессированы. О том, что родители — «враги народа», я впервые услышала только в университете.

Когда я была ребенком, общество было резко разделено. Одна часть считала, что репрессированные — враги народа, что зря Сталин не посадит, а вторая считала, что такие хорошие люди не могут быть плохими, и это несправедливость. Я прошла все ступени советского образования: училась в школе, была пионеркой, потом меня приняли в комсомол, я была секретарем комсомольской организации, членом райкома комсомола в нашем районе. Про нашу семью абсолютно все все знали.

Впервые я получила «пощечину», когда училась в седьмом классе, а сестра — на втором курсе мединститута. Папа к тому времени отсидел десятилетний срок в Норильске и в начале 1948 года вернулся домой. Он пробыл с нами

около года, когда последовал его второй арест. В сорок девятом началось «дело врачей» и «дело Кузнецова», оно же «Ленинградское». Из всех закрытых, режимных городов, а Казань была именно таким городом, бывших политзаключенных высылали на поселение². В лагере отец окончил курсы медбрата и после возвращения устроился работать медстатистом в клинику. Из клиники его и забрали. Это случилось в июне, когда я сдавала экзамены. Мама пришла с работы и сказала: «Доченька, завтра пойдем прощаться с папой. Его переводят». Папа содержался в Казани в Плетневской пересыльной очень жестокой тюрьме, располагавшейся под Кремлем. Ее заметное здание стоит до сих пор. В тот день я пропустила торжественную линейку в школе, где вручали похвальные грамоты. Простились с папой, и я зареванная пришла в школу к концу торжественной части. Все знали, что у нас случилось. Классная руководительница и директор школы стали меня успокаивать и вручили грамоту.

Мама вернулась домой только через пять лет, в сорок втором году. Мне кажется, она очень боялась повторного ареста:

«На врача или повариху, только не на “идеологический фронт”», — сказали они. В лагере все литераторы были на лесозаготовках.

не разрешала нам хранить никакие письма, «прочитал — уничтожь»; не разрешала заводить разговоры на политические темы, говорила: «Это не твои проблемы, занимайся своим делом». Этот страх был с ней до конца жизни. По этой же причине родители не позволили сестре поступать на филфак, несмотря на ее писательские способности. «На врача или повариху, только не на “идеологический фронт”», — сказали они. В лагере все литераторы были на лесозаготовках, на самых тяжелых работах, потому что ничего другого не умели. Опыт говорил: там выживают лишь с теми профессиями, которые применимы везде. Сестра стала врачом.

Второго папиного ареста мы не ожидали, это было шоком для всех. Мама работала в райфинотделе — ее тут же уволили. Если на работе предстояли сокращения, то обычно выбирали маму. При этом она была добросовестным сотрудником, держалась за место всеми силами, ведь надо было кормить двоих детей. Семья осталась без средств к существованию.

Папин товарищ помог нам и в этот раз. Он занимал уже довольно высокий пост и распорядился: «Пусть Гузель едет в Москву, к министру финансов РСФСР Поволоцкому. Билеты я оплачу». В Москве у папиного товарища была сестра, которая должна была меня приютить. Я взяла свой комсомольский билет, села на поезд до Москвы. В Москве отправилась в Центральный комитет комсомола

на Старую площадь. В проходной меня встретила молодая женщина в униформе: темная юбка, белая блузка, темный галстук. Я со слезами рассказала, в чем дело, что мне надо попасть к министру финансов РСФСР. Она взяла меня за руку, отвела в комнату, где меня накормили, потом отвезла на метро в министерство. Станцию метро я запомнила: «Новослободская», с яркими витражами. На Суцесвской улице размещалось Министерство финансов РСФСР, где меня принял Поволоцкий.

Я прекрасно помню кабинет: длинный стол, за ним стулья, по углам два кресла, поперек еще один стол, за которым сидел симпатичный мужчина средних лет. Четырнадцатилетняя девочка, вся в слезах, я рассказала о своей ситуации. Поволоцкий налил мне воды и позвонил министру финансов Татарстана Шарофееву: в двадцать четыре часа восстановить специалиста на работе с выплатой простоя. Мама не работала почти пять месяцев. Когда я вернулась домой, ее восстановили в должности, выплатили деньги, на эти средства нас смогли и одеть, и обууть. Вот что за государство парадоксов у нас такое было: с одной стороны, оно казнило, с другой — само же помогало по первой просьбе?

Следующий удар я испытала в десятом классе, когда осталась без заслуженной серебряной медали, хотя получила аттестат всего с одной четверкой. Тогда существовал лимит медалей. Одним из претендентов на серебряную вдруг оказалась дочь

Почистили селедку на газете с портретом Сталина. А утром его забрали. Кто же из четверых донес?

школьного врача Нина Черемина. Все знали, что ее «вытянули» по отметкам. При рассмотрении аттестатов медаль отдали ей, а меня — дочь врага народа — вычеркнули. Директор тогда сказала: «Гулечка, мы ничего не смогли сделать».

Не успела я толком опомниться, как последовал еще один удар. Я подала заявление на химический факультет Казанского университета. Сдали общие экзамены: из тридцати пяти баллов я набрала тридцать четыре, неправильно поставила лишь одну запятую. Мне сразу сказали: «На химфак мы вас не примем, потому что на третьем курсе должны будем студентов посылать на практику на номерные заводы, а вас в силу вашей биографии — не сможем». Наверное, боялись, что я такая-сякая что-нибудь взорву.

У одного мальчика была такая же история. Мы стояли у окна в университетском коридоре, у ректората, и плакали. Мимо проходил декан физико-математического факультета Борис Лукич Лаптев. Он вернулся, обнял нас и сказал: «Детки, я знаю, почему вы плачете». Спросил у меня: «Ты как сдала?» Я ответила. Он сказал: «Умница! Давай к нам на физмат. Математика — наука без политики. А там разберемся, что дальше будет». А мальчику он предложил или физмат, или в авиационный институт на факультет моторостроения. Толя пошел в авиационный. Борис Лукич, царство ему небесное, удивительный был человек. У него самого случилась трагедия

в семье. Его брат, художник, после персональной выставки с четырьмя друзьями выпивал в мастерской — обмывали событие. Почистили селедку на газете с портретом Сталина. А утром его забрали. Кто же из четверых донес? Жена его не выдержала, покончила с собой. Осталась дочка. Воспитание племянницы Борис Лукич взял на себя.

Физмат я окончила в 1957 году. К тому времени родителей уже реабилитировали, только папа не дождал до этого три месяца, трагически погиб в ссылке в июне 1954 года. После второго ареста его отправили в Красноярский край, в деревню Подпорожье Казачинского района. У нас не было права писать ему, с ним переписывался троюродный брат из деревни, у которого была другая фамилия. Он писал нам, и мы узнавали о папиной жизни на поселении, у меня сохранились эти письма. Через него же мама передавала посылки. Папина смерть была подстроена: во время работ на лесоповале уголовник, сводя счеты, подпилит сосну так, что та упала на отца. Мы получили телеграмму о его тяжелом состоянии, и мама поехала, но не застала папу в живых. Маму как «члена семьи изменника Родины» реабилитировали через полгода после папы.

Окончив университет, я вышла замуж за Марата Галиевича Ибрагимова и уехала из Казани. Когда мне оформляли документы в Обнинск на закрытый, бериевский, объект, меня проверяли полгода, но все-таки допустили. На пред-

А про Сталина он отвечал, что правители приходят и уходят, а родина остается.

приятни Марат был секретарем парторганизации отдела, его вызвал парторг и спросил: «Кого ты привез?!» А он говорит: «Вы хотите, чтобы я партбилет положил? Я положу, но от нее не откажусь». И парторг ему сказал: «Марат, теперь я тебя еще больше стал уважать». Я узнала об этом только через восемнадцать лет...

Ни мама, ни папа нам с сестрой ничего не рассказывали, берегли нашу психику. «Вам надо жить. Зачем сейчас переполнять душу отрицательными эмоциями? Вот подрастете, встанете на ноги...» Сейчас я понимаю, что мама с папой поступали с нами очень мудро. Мы же по молодости были не любопытны, о многом не спрашивали. Родители обещали: «Потом расскажем». Папа — не успел. Только советовал учить языки — сам он знал пять, «интересоваться жизнью», а про Сталина отвечал, что правители приходят и уходят, а родина остается. Родители были глубоко убежденными коммунистами.

Мне было семнадцать лет, когда сестра вышла замуж и отправилась с мужем в Алма-Ату. Мы с мамой остались вдвоем, и она начала понемногу рассказывать мне о лагере. В 1937 году ее тогда забрали с работы в легком платье и туфельках, не позволив ничего взять с собой. Какое-то время мама провела под следствием в Куйбышеве, а после осуждения была этапирована в лагерь. Она оказалась в Мариинском отделении Сиблага³ (г. Мариинск), в Западной Сибири. Сидела в камере изолятора с сестрами Тухачевскими и Анной

Михайловной Бухариной⁴. Получать посылки не разрешалось, в первую зиму у мамы были лишь туфли и какая-то лагерная обувь, и она отморозила ноги на «общих работах». Бабушка с дедушкой смогли отправить ей теплые вещи только через год. С возрастом у мамы стали сильно болеть ноги, мучали ревматизм и артрит.

В Мариинске мама подружилась с Анной Бухариной, они были ровесницы. И дети одногодки: у той — сын Юра двух с половиной лет, у мамы — я. Они вспоминали нас, плакали и пели. Голоса у обеих были прекрасные. Когда мама училась в старших классах, ее даже приглашали в Москву в консерваторию. В 1920-е годы ездили эмиссары из Москвы и Петербурга по провинциальным городам, искали молодые таланты, и кто-то на нее указал. А дедушка петь не пустил, для него все артисты были циркачами, несерьезными людьми. В камере петь запрещалось, поэтому мама часто сидела в карцере.

За три года на «общих работах» уголовники ее дважды проигрывали в карты и дважды спасали от смерти — из-за красоты и великолепного голоса. Бараки для политзаключенных и для «урок», то есть бандитов, стояли отдельно, но недалеко друг от друга. Уголовники не подчинялись лагерным законам, не работали, жили своей жизнью, у них были свои начальники и начальницы — паханы. Главная из бандиток играла как-то со своими в карты. На вопрос о ставках она случайно указала на идущую мимо маму. После случился общий

3
Сибирский ИТЛ (Сиблаг) — один из крупнейших лагерей ГУЛАГа, действовал с 1929 по 1960 год. В 1942 году в лагере содержалось 78 тысяч заключенных.

4
Ларина (Бухарина) Анна Михайловна (1914—1996) — жена известного партийного деятеля Н. И. Бухарина, расстрелянного в 1938 году по делу «Антисоветского правотроцкистского центра». Анна Бухарина была арестована и провела в заключении и ссылке 19 лет. После освобождения боролась за реабилитацию своего мужа Николая Бухарина.

Берия, Берия, вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков!

5
Берия
Лаврентий
Павлович
(1899—1953) —
советский
государственный
и партийный
деятель, нарком
внутренних дел
СССР (1938—1945),
член Политбюро
ЦК ВКП(б)
(1946—1953),
организатор
массовых репрессий.
Один из главных
претендентов
на власть в стране
после смерти
И. В. Сталина.
Арестован в июне
1953 года. В декабре
1953 года приговорен
к расстрелу
по обвинению
в измене родине,
шпионаже
и заговоре с целью
захвата власти.
Не реабилитирован.

6
Маленков
Георгий
Максимиланович
(1901—1988) —
советский
государственный
и партийный деятель,
член Политбюро
ЦК ВКП(б), один
из претендентов
на власть после
смерти Сталина.

банный день. У мамы и у бандитки были очень длинные волосы, а мыла выдавали малюсенький кусочек. Мама отдала свой кусочек мыла этой женщине, мол, у тебя более густые волосы, а я обойдусь, щелоком помою. Просто по-человечески поступила. Так мама спасла себе жизнь.

А второй случай был, когда проиграли маму в мужском бараке. Это произошло накануне праздника, на котором мама пела украинскую песню «Дивлюсь я на небо». Бандит, что ее проиграл, был украинцем. Мама так растрогала его своим пением, что он сидел и плакал. Он сказал: ее нельзя трогать, это такой соловей, пусть поет! Доброта и талант спасли маму от смерти.

Имея за плечами финансово-экономический институт и опыт работы экономистом, она смогла перевестись с «общих работ» в контору и последние два года в лагере трудилась в тепле. Когда лагерный срок подошел к концу, маму как хорошего работника даже не хотели отпускать. Ей пришлось еще полгода проработать там вольнонаемной, она жила за зоной.

Мама рассказывала все это без надрыва, никого не проклиная. Конечно, у родителей внутри сидела обида, но они не озлобились, не клеймили даже Сталина. К тому времени и я уже кое-что читала, знала судьбы многих и остро воспринимала несправедливость и жестокость по отношению к невинным женщинам. В одной газетной статье объяснялось, почему арестовывали жен:

чтобы не было много воя, чтобы они не ходили по инстанциям, не просили, не требовали, не возбуждали народ.

Когда умер Сталин, начался всеобщий психоз. В нашем университете поставили громадный портрет в цветах, почетный караул, и все рыдали, вся профессура. Люди действительно ощущали потерю. Я думаю, что большинство не очень верило, что расправы над людьми напрямую были делом рук самого Сталина, думали, что Сталин даже не знает о репрессиях. После похорон ощущался чуть ли не конец света. Для меня ничего не изменилось. Только когда было выпущено закрытое партийное письмо о развенчании культа личности, которое читали у мужа на партсобрании, случился шок, после которого уже начались разговоры. До этого вся страна наблюдала за партийными переворотами, а они происходили молниеносно, один за другим. Я в это время работала вожатой в пионерлагере. Приехала вторая смена из города, и десятилетние мальчишки начали распевать песенку: «Берия⁵, Берия, вышел из доверия, а товарищ Маленков⁶ надавал ему пинков!» Мы были в ужасе! Мы не знали о смещении Берии, поскольку в лесу даже радио не было. Мы думали нас сейчас заберут и посадят. А дети хохотали.

Когда я переехала в Москву, то стала заниматься изданием научной литературы. В конце 1980-х прилетела в Красноярск читать лекции. После мероприятий меня отвезли в Казачинский район,

Во втором классе по совету директора Аля печатными буквами написала письмо Сталину — о том, что родители не виноваты.

где отец находился в ссылке, и сказали, что место находится в зоне затопления и могила отца под водой. Я бросила цветы в воду. Через шестьдесят с лишним лет татарская община Красноярского края с поисковиками нашли и погост, и могилу папы в целости и сохранности. Оказалось, что сама деревня находится на левом, низком берегу Енисея и действи-

тельно попала тогда под затопление. А поселение ссыльных, как стало известно от старожилы Подпорожья, располагалось на другом, правом берегу, на крутояре. Мы побывали на могиле отца. Община подготовила памятную доску, мы с сыном поставили памятник. Камушки с берегов Енисея привезли на могилку мамы в Казани. На душе стало легче.

Полина Шмелева:

«Мне хочется верить, что, общаясь с моими подопечными, я сама становлюсь чуточку лучше»

В рассказе о своем волонтерском опыте я хочу вспомнить слова английского поэта Джона Донна из эпиграфа к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол»:
«Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой утес, меньше станет Европа, и так же, если смоем край Мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

До прихода в Музей истории ГУЛАГа работу в волонтерских проектах я всегда рассматривала как способ передать свой опыт, знания и помощь тем, кому это требуется. Каково же было мое удивление, когда в проекте «Знаки заботы» я поняла, что и сама — тот человек, кому нужна поддержка, чтобы разобраться в личных вопросах. Общаясь с подопечными, я открыла новые грани человеческого бытия: от боли и страданий до полного, жизнеутверждающего, абсолютно бескомпромиссного оптимизма и любви к жизни.

Мне посчастливилось родиться в семье с еврейскими корнями, где никто из родственников не был репрессирован. Тем не менее я выросла на историях о том, как мои прадедушки и прабабушки переезжали из одной страны в другую, бросали свои дома ради безопасной и свободной жизни. Тяжелым наследием советских репрессий, с которыми, так или иначе, столкнулась каждая еврейская семья, была постоянная осторожность, сокрытие своего происхождения, чему меня учили с детства. Это наложило отпечаток на мое самосознание, и я всегда искала ответы на вопросы самоопределения. Более того, я всегда хотела понять психологию людей, которые прошли через все испытания судьбы и сумели сохранить свое достоинство и человечность.

Уверена, что именно поэтому я не случайно оказалась в паре со своими подопечными: Ржевниковыми Михаилом Марковичем и Менорой Александровной. Нас связывает общее происхождение, история поколений семей, о чем я узнала только после первого телефонного разговора. Я очень хорошо помню наше личное знакомство: я приехала к Михаилу Марковичу и Меноре Александровне в пятницу вечером после тяжелой рабочей недели, и уже сразу, в дверях, была окружена такой заботой и теплотой, что вся накопившаяся усталость и неловкость от первого знакомства улетучились вмиг. Они сразу усадили меня за стол и стали угощать. Мои близкие живут не в Москве, но в тот вечер на кухне Михаила Марковича и Меноры Александровны я почувствовала себя как дома.

Общение с Ржевниковыми проходило, как встреча со старыми друзьями: я была приятно удивлена, что в свои восемьдесят четыре года Михаил Владимирович интересуется искусством, литературой, кино; выяснилось, что мы посещаем одни и те же художественные и архитектурные выставки. Но я догадывалась о том, что за этим безгранично добрым и теплым человеком стоит большая личная трагедия: его родной отец, Марк Соломонович, был репрессирован.

Дважды семья Владимира Марковича начинала все сначала, сохраняя единственную ценность: веру в себя, в своих близких, в справедливость и лучшее, что ждет их впереди. По рассказам Ржезниковых, отец Владимира Марковича никогда не держал ни на кого зла и не задавался вопросом о том, почему ему в жизни выпала такая тяжелая ноша. Я верю, что человечность, которой обладал Марк Соломонович, и бескомпромиссная любовь ко всему и всем, что нас окружает, являлась его исключительным

даром. Поэтому история семьи Ржезниковых остается для меня бесконечным источником вдохновения. Мне хочется верить, что, общаясь с моими подопечными, я сама становлюсь чуточку лучше. Этот уникальный опыт волонтерства я с трепетом берегу в сердце, как напоминание о том, что в трудных ситуациях действительно является самым главным — не терять человеческого достоинства, доброты, веры и дарить свет своей души.

«Их объединяло общее горе, про которое тяжело вспоминать, но нельзя забывать»

В первый раз моего отца, Марка Соломоновича Ржезникова, забрали из дома ночью, 24 апреля 1937 года. Мы мирно спали: папа, мама и я. Мне было всего полтора месяца.

Зная о судьбах тех, кто получил «10 лет без права переписки»¹, можно сказать, что отцу повезло. Его приговорили по печально известной 58 статье УК РСФСР к пяти годам заключения и долгим этапам отправили на Колыму. В годы войны добавили еще пять лет, так что отец освободился только в 1947 году. Еще за пару недель до приезда отца маму вызвали в органы и попросили освободить комнату на некоторое время. Потом соседи рассказали, что у нас жили два неразговорчивых субъекта. Родители догадывались, что их комната теперь нашпигована жучками. Со статьей «о поражении в правах» задерживаться в Москве было опасно. Отец взял направление в Нерльскую районную больни-

цу Калининской области. Времени на сборы в дорогу было в обрез, уже весной 1947 года отец уехал. О Колыме я услышал спустя десять лет. Тогда никаких разговоров об этом и быть не могло.

Летом, после окончания третьего класса, меня отвезли к отцу. Ему хотелось восполнить недостаток мужского воспитания, а сельская жизнь на природе, считал он, должна укрепить мое здоровье. Меня, выросшего в городе, в центре Москвы, покорила природа среднерусской полосы.

Нерльская, когда-то еще земская, больница располагалась на живописном пригорке, вокруг простирались поля, за которыми темнели луга. Больница была окружена забором из акаций, чьи стручки мы, ребяташки, превращали в свистульки. К больничным корпусам вели аллеи берез и тополей, повсюду в верхушках деревьев были гнезда грачей.

Отец до ареста прошел школу знаменитых хирургов Розанова² и Бурденко³. Быстро распространился слух о том, что в больнице появился опытный хирург. Местным жителям больше не приходилось ездить в крупные лечебницы в Кашин, Кимры или областной центр. Хирургическое отделение было всегда заполнено. Мы жили неподалеку от хирургии, и нередко среди ночи раздавался осторожный стук в окно. Отец одевался и спешил к тяжелобольному. Помню, как на поле рядом с больницей приземлился самолет У-2, «этажерка», и тогда папа полетел на сложную операцию в соседний район. Отец оказался не только выдающимся хирургом, но и прекрасным организатором.

Шли первые послевоенные годы. В больнице не работал водопровод, не было света. Если требовалась срочная операция в поздний час, лишь несколько керосинок освещали операционный стол. На телеге привозили продукты для больничной кухни, дрова и уголь для отопления. В классе, где я учился, большинство ребят были из соседнего детского дома.

Уже к концу первого года трудовая деятельность отца в хирургическом

отделении Нерли была признана лучшей в области, в качестве награды он попросил грузовик. Так лошадку с телегой заменила полторка. Авторитет больницы вырос настолько, что в ней стали проходить практику студенты второго курса Московского медицинского института.

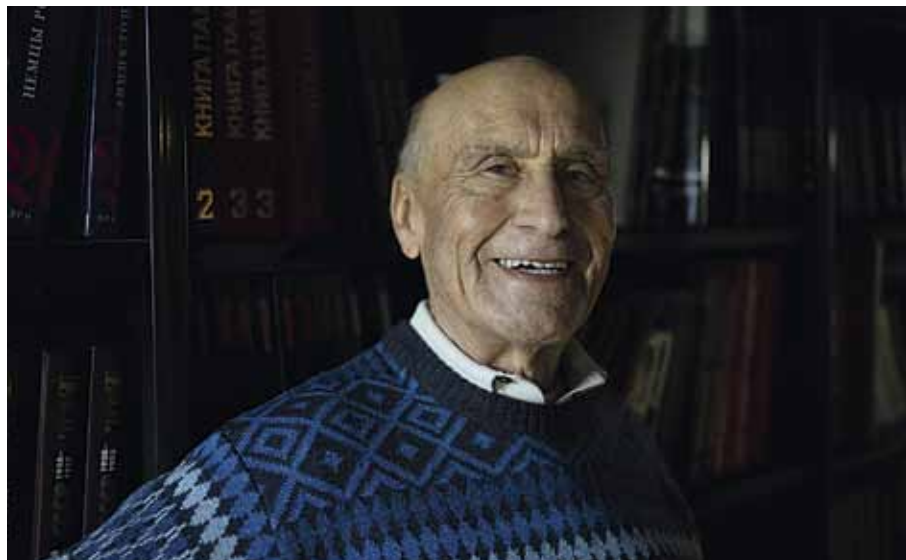
Мы прожили в Нерли до весны 1949 года. 24 апреля отца снова арестовали. На этот раз обыск проходил днем. Меня отправили во двор к местным ребятам, и мы с другом спустились вниз по пригорку. Что-то заставило меня оглянуться на дорогу, идущую к центру поселка: я увидел отца с чемоданчиком в руке, а за ним двух человек в форме. Отец тоже повернулся ко мне, потом к тем двоим, остановился и помахал мне рукой. Я подбежал, он долго и внимательно смотрел мне в глаза, потом сказал, что уезжает в командировку и, чуть помолчав, добавил: «Надолго... Постарайся не огорчать маму». Все трое торопились продолжить путь.

Подбежал приятель, и мы молча пошли домой. Дома я застал лежащую на кровати маму. Возле нее сидела соседка и прикладывала ко лбу мокрую тряпку. Мама недавно приехала в Нерль: неза-

1
Установленная в 1937—1938 годах формулировка устного ответа сотрудников НКВД на запросы родственников тех, кто был расстрелян.

2
Розанов Владимир Николаевич (1872—1934) — хирург, заведующий хирургическим отделением Кремлевской больницы. С 1929 года главный врач Кремлевской больницы.

3
Бурденко Николай Нилович (1896—1946) — хирург, основоположник советской нейрохирургии, главный хирург Красной армии в 1937—1946 годах.

4
Шаламов
Варлам Тихонович
(1907—1982) —
писатель,
получивший
известность как автор
цикла рассказов
о жизни заключенных
на Колыме.

долго до этих событий ее уволили с работы. Теперь нам предстояло возвращение в Москву.

Папу, как и в 1937-м, осудили по 58 статье УК РСФСР на пять лет и после тюрьмы отправили в ссылку в Сибирь. О жизни ссыльных в селе Сухобузим Красноярского края, где отец отбывал ссылку, подробно написано в прекрасной повести Л. П. Миклашевской «Чему свидетели мы были». Людмила Павловна с большой симпатией пишет о докторе, в котором нетрудно узнать моего отца.

У меня хранятся две тюремные фотографии отца — 1937 и 1949 годов. На первом снимке на нас смотрит тридцатипятилетний статный молодой человек с густой шевелюрой, в тюремной одежде. На втором фото — пожилой мужчина с измученным лицом, припухлым взглядом и едва заметным ежиком волос. Фотографии разделяют двенадцать лет и неслыханные горести разлук и тяготы ссыльной жизни, которые выпали на долю отца. Он состарился за это время на десятки лет.

В 1953 году умер Сталин, а летом 1954-го папа вернулся в Москву,

был полностью реабилитирован, начал работать в Бауманской больнице на Госпитальной улице. Впервые после семнадцати лет тюрем и ссылок он смог почувствовать себя свободным. Порой, после трудной операции с неясным исходом, он оставался ночевать в больнице. А бывало, в нашей многонаселенной квартире на Сретенке в поздний час раздавался телефонный звонок, и отец, не задумываясь, спешил на помощь.

В 1957—1958 годах мы стали принимать особых гостей, «колымчан», как называл их отец. Их объединяло общее горе, про которое тяжело вспоминать, но нельзя забывать. По их рассказам я стал знакомиться с Колымой. Услышанные истории во многом были похожи на прочитанные позже сочинения Варлама Шаламова⁴. Но в семье отец старался вовсе не рассказывать обо всех ужасах, через которые ему самому пришлось пройти. Ему не хотелось лишний раз тревожить наши сердца и память, мы ведь с мамой также страдали вместе с ним.

Среди гостей было много людей, которые благодарили отца за спа-

В 1953 году умер Сталин, а летом 1954-го папа вернулся в Москву, был полностью реабилитирован.

сение. Так, перед войной потребо- валась срочная операция вольно- наемному, случай был крайне тяжелым, и лагерный хирург отказался оперировать. Позвали отца, больной был спасен, а папу оставили работать в лагерной больнице. Помню рассказ одного страдальца о том, как он буквально погибал в лагере, попав на Колыму за неосторожно сказанное слово. Отец, узнав, что этот юноша — студент-медик, смог пристроить его санитаром, что спасло тому жизнь.

А в Бауманской больнице усилиями отца было открыто первое урологическое отделение, которое он и возглавил. В отделении проходили стажировку военные врачи из соседнего Главного военного госпиталя им. Бурденко, и затем было организовано второе урологическое отделение. Спустя годы отец отошел от операционной практики, но встретил восьмидеся-

тилетие на работе в поликлинике. Только в 82 года он оставил врачебную деятельность.

В 2016 году дочка отвезла меня в Нерль. Знаменитая больница, увы, не сохранилась. Зато незадолго до этого, спустя почти шестьдесят лет после отъезда отца, мне прислали очерк, опубликованный в сухобузимской газете: «Ссылных докторов помнят до сих пор». На развороте размещено фото 1954 года, в центре которого — отец. Статья начинается со слов: «Имя врача Ржезникова Марка Соломоновича во многих сухобузимских семьях вспоминают с благоговением: во время работы в центральной больнице он спас не одну жизнь». Как хорошо, что память хранит подобные благие дела людей. Горько, что из памяти народной уходит зло, содеянное режимом Сталина...

Светлана Хрущева:

«Личное взаимодействие с подопечной Музея — непростой для меня опыт»

Мой путь волонтера начался в далеких нулевых на форумах психологической поддержки. Помогать тем, кому сейчас хуже, чем мне, было способом справиться с собственными демонами. Я долгое время стеснялась подобного опыта: форум был создан в помощь совершившим попытку суицида или думающим об этом. Заглянула случайно — и застряла на несколько лет. Понимала, что пока общаюсь с людьми, они живут. Главное — не пытаться стать психологом, не пытаться «лечить» их.

Потом был проект для детской больницы, где выхаживали недоношенных детей, в том числе и моего сына. Я делала фотографии для сайта, организовывала сбор вещей для отказников. Периодически еще бывают какие-то точечные проекты, такие как поездки в детские дома, сбор вещей для пострадавших в Крымске во время наводнения, подготовка фотографий зверюшек для приюта, участие в проекте «Старость в радость» — написание писем и отправка посылок старикам.

Были еще годы корпоративного волонтерства. Я работала одним из кураторов огромного проекта: мы сдавали кровь, сажали лес, опекали подшефные детские дома. Таким образом, попробовала разные виды и форматы волонтерства и, наконец, пришла к музейному.

Времени куда-то ездить фактически не было, да и пандемия внесла коррективы в офлайн-активность. Я искала возможность помогать удаленно и стала расшифровывать архивные документы, к тому же всегда любила работать с текстами и теперь была рада такой возможности. Мне нравится копаться в старых письмах и воспоминаниях, разбирать сложный почерк. Нравится слушать личные истории людей, пусть печальные и непростые, но заслуживающие уважения и сохранения. Сначала я думала, что ограничусь удаленным волон-

терством, но незаметно погрузилась в другие музейные проекты: оценка книг для библиотеки музея, встречи волонтеров. Все больше втягиваюсь и в офлайн-проекты.

Личное взаимодействие с подопечной Музея — непростой для меня опыт. В этом проекте я должна была записать ее историю. Я даже представить не могла, как это — общаться с пожилым человеком, возможно, травмированным, с непростой судьбой. Форумы и небольшой журналистский опыт подсказывали, что главное — быть осторожным, не задавать провокационных вопросов, а попытаться расположить к себе собеседника. На «задание» я пошла с другим волонтером, Дианой, это меня немного успокаивало. Мучил вопрос — как воспримет нас пожилой человек, получится ли беседа? Боялись мы зря. Получили фантастический опыт. Альбертина Борисовна — прекрасный, интересный и образованный человек, кандидат наук. В копилке ее памяти сохранилось много удивительных воспоминаний, которые мы оформили в полноценную историю. В такие моменты ощущаешь себя нужным и полезным.

С нетерпением жду нового проекта Музея, где мне представится возможность участвовать в качестве фотографа и запечатлеть не только воспоминания, но и эмоции подопечных.

специалист по внутренним коммуникациям, Москва, 39 лет

Диана Муравьева:

«Встреча с Альбертиной Борисовной — еще одно доказательство того, что даже в необъятной и всепоглощающей тьме может быть луч надежды»

Летом далекого уже сейчас 2017 года я, еще студенткой первого курса кафедры музеологии, искала музей для прохождения практики или стажировки. Наткнулась на страничку Социально-волонтерского центра на сайте Музея истории ГУЛАГа, заполнила анкету волонтера и стала помогать зрителям в Музее.

По правде говоря, в течение нескольких лет я была не самым усердным волонтером, но все изменилось прошлым летом, после знакомства с сотрудниками волонтерского центра вживую. Открытость и доброта Яны, искренняя улыбка Марины, а главное, глубокие голубые, излучающие свет глаза Варвары вдохновили меня на активное участие в волонтерской жизни Музея. Я стала чаще помогать зрителям, принимать участие в монтаже временных выставок Музея, выезжать на регулярные субботники в места памяти, а также навещать наших чудесных бабушек и дедушек — подопечных волонтерского центра. Волонтерство в Музее истории ГУЛАГа для меня — это не просто помощь Музею в свободное время. Это возможность каждый день делать мир вокруг себя чуточку лучше. Помощь подопечным — всегда встреча: с людьми, историей, а иногда и с самим собой.

Проект «Знаки заботы» предполагает симбиоз живого общения и изучения семейной истории. При общении с подопечными чувствуешь, что погружаешься в прошлое, будто перелистываешь страницы недавней истории. Всякий раз я удивляюсь тому, как открыто и честно подопечные делятся с нами своими непростыми историями. Иногда достаточно теплого

взгляда или слова, и разговор получается искренним и живым.

В рамках проекта мне посчастливилось работать с чудесной женщиной — Альбертиной Борисовной Шолоховой. Она поразила меня особой силой духа. После первых неловких минут знакомства завязалась приятная беседа. Альбертина Борисовна постепенно перешла к воспоминаниям о своем отце, о детстве и юности, а также о зрелых годах своей жизни.

Отец Альбертины Борисовны, Борис Иванович Шолохов, был начальником планово-производственного отдела на Загорском оптико-механическом заводе. В 1937 году по ложному обвинению он был арестован, 1 сентября 1938 года приговорен к расстрелу. В памяти Альбертины Борисовны, которой в то время было всего 5 лет, образ отца сохранился туманно, смутно. Даже теперь, а сколько лет прошло, в голосе пожилой женщины слышны грусть и боль от ранней потери отца. На детство и юность Альбертины пришлось много испытаний: и политические репрессии, и Великая Отечественная война. Но, несмотря на все тяготы жизни, моя подопечная многого достигла: получила высшее образование, защитила кандидатскую диссертацию по химическим наукам, получила несколько патентов на изобретения.

Для меня встреча с Альбертиной Борисовной — еще одно доказательство того, что даже в необъятной и всепоглощающей тьме может быть луч надежды. Эта надежда — в желании жить, прощать и любить вопреки всему. И я постараюсь пронести этот луч света вслед за героиней этой истории как можно дольше. Польскому философу

Тадеушу Котарбиньскому приписывают слова: «Прошлое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего». Так и благодаря нашему знакомству память об отце Альбертины Борисовны, семье и о ней самой не будет предана забвению, она будет жить в моем сердце и в этой замечательной книге.

«Я читала протокол заседания Военной коллегии Верховного суда: заседание длилось пятнадцать минут, после чего вынесли приговор — расстрел»

Мой отец, Шолохов Борис Иванович, родился 26 марта 1906 года в семье сельской учительницы. Его отца, своего дедушку, я почти не помню: он рано ушел из жизни. После окончания реального училища папа поступил в Саратовский университет на экономический факультет. Там он встретил свою будущую жену, мою маму — Винницкую Аиду Григорьевну. Аидой ее назвал мой дед — большой меломан — в честь главной героини оперы Верди. Сохранилась фотография, где он сидит важный, облокотившись на рояль. По специальности дед был землемером, работал в Харбине на строительстве КВЖД. Там родилась мамина старшая сестра, которую назвали Тamarой, как главную героиню оперы «Демон». В 1926 году мои родители получили дипломы и уехали на работу в Омск. Их, как молодых специалистов, посылали в разные города, пока наконец в 1930 году они не оказались в Москве, где в 1933 году родилась я.

Мы жили на улице Машиностроения. Мама работала на московском автозаводе ЗИС. Папа входил в состав руководителей строительства оптико-механического объединения в Загорске, был начальником планоно-производственного отдела.

Отец был средним ребенком в семье, старший брат — на 10 лет старше, а с младшим они были погодками. Никому из них не пришлось воевать. Младший брат работал в наркомате и, скорее всего, имел бронь — был освобожден от военного призыва. Старший брат в совхозе работал ветеринаром, а мой дед по отцу — пасечником. Каждое лето меня отправляли туда на каникулы.

Летом 1937 года мы жили за городом, снимали часть деревенского дома. Дом был с большущей крытой верандой и двумя комнатами: в одной разместилась молодая пара, а в другой — я с отцом

знаки заботы
Альбертина Борисовна
Шолохова

1
Пятаков
Георгий Леонидович
(1890—1937) —
советский партийный
и государственный
деятель. Один
из главных
обвиняемых
на процессе
по сфабрикованному
делу «Параллельного
антисоветского
троцкистского
центра» (1937).
Расстрелян.
Реабилитирован
в 1988 году.

2
Спецобъект НКВД
«Коммунарка» —
бывшая дача
Ягоды, с 1937 года
место массовых
захоронений
жертв репрессий,
расположенное
в поселении
Сосенское
Новомосковского
АО Москвы.
В 2021 году на месте
бывшего полигона
Музеем истории
ГУЛАГа открыт
информационный
центр, где
представлены
данные на 6609
захороненных.
В результате
поисковых
и исследовательских
работ на полигоне
были локализованы
места массовых
захоронений
и составлена
подробная карта
130 котлованов
массовых
захоронений
и определена
их общая площадь —
1943 квадратных
метра.

и нянкой Аксютой. Приехав из тамбовской деревни, Аксютя еще пятнадцатилетней девчонкой помогала бабушке с ее тремя сыновьями, а после моего рождения стала нянчиться со мной.

С этим домом связано мое последнее воспоминание об отце. Летний воскресный день, тепло, двери и окна открыты, я гуляю на улице. Выходит молодая пара и выносит мне горстку конфет-карамелек, как сейчас помню — в форме яблок и груш. Я мигом приканчиваю их. Захожу в комнату, вижу стол, покрытый скатертью, на столе вазочка с конфетами. Рядом стул, я забираюсь на него, сгребая, сколько поместилось в кулачок, карамельки и ухожу. В какой-то момент появляется отец. Я стою перед ним, а он вытягивает из брюк ремень, а меня загоразживает добрая Аксютя. Только этот эпизод, связанный с отцом, и запечатлелся в моей детской памяти.

В конце мая 1937 года было арестовано все руководство строительства комбината, включая моего отца. Я не видела, как его забирали из дома. Помню лишь, как мы со взрослыми ходили, наверное, на Лубянку, носили передачи. Аресту отца предшествовало его понижение в должности. Когда такое происходило, обычно люди догадывались, что последует дальше. Историю ареста я знаю смутно — только со слов мамы и других людей. В то время шел процесс над партийным деятелем Пятаковым¹. Его обвиняли в том, что он якобы тайно улетел на три дня в Стокгольм на встречу с сыном Троцкого. Об этом писали все газеты. Мой отец и его коллеги ехали с места стройки комбината в Москву и в дороге обсуждали этот процесс. Говорили с удивлением, мол, как же так, заместитель наркома тяжелой промышленности три дня отсутствовал, и никто не заметил. Кроме водителя

в машине находился военпред, представитель Наркомата обороны на строительстве военных объектов. Вскоре после обсуждения поступил донос от этого военпреда. Доказательств у меня нет. Из всех, кто находился в машине, не пострадали только он и водитель. Всего по делу проходило пять человек. Еще говорили, будто незадолго до ареста отец — был в гостях у сокурсницы. В ее квартире на стене висел портрет Троцкого. За то, что отец не сообщил об этом в соответствующие органы, его обвинили в недоносительстве. Отцу много чего вменяли в вину.

Дома со мной арест отца никто не обсуждал. Считалось, что и без лишних вопросов все понятно. Я сейчас многое из далекого прошлого вспоминаю. Думаю, почему не спросила, не узнала у взрослых подробностей? У меня есть справка, где говорится, что отец был осужден 1 сентября 1938 года. Я читала протокол заседания Военной коллегии Верховного суда: заседание длилось пятнадцать минут, после чего вынесли приговор — расстрел. Все точно зафиксировано, до минут. Похоронен отец на Коммунарке².

После ареста отца из семьи никто не пострадал. Мой дядя даже работал затем в Госплане, был начальником отдела сельского хозяйства. Маму не допрашивали, возможно, из-за того, что их брак с отцом не был оформлен в ЗАГСе. Но в материалах следственного дела были указаны и семейное положение отца, и члены семьи — и жена, и дочка. В трудовой книжке мамы есть запись за 1937—1938 годы: «уволена по собственному желанию». Маму я практически не видела в течение года после ареста отца. Меня взял к себе старший брат папы. Жена брата проводила

В конце мая 1937 года было арестовано все руководство строительства комбината, включая моего отца.

со мной много времени — у них не было детей.

Мама, бабушка и братья отца понимали, что такое «десять лет без права переписки», но все равно надеялись. Моя мама, еврейка, неверующая, — ждала и надеялась. Помню, засыпаю и сквозь сон слышу, как взрослые разговаривают об одной московской гадалке, которая может предсказать, кто из осужденных жив, а кто нет.

Мама вернулась в Москву в 1938 году и продолжила работать на ЗИСе в плановом отделе. Нас выселили из нашей московской квартиры. Родственники скинулись и помогли нам построить дом в Вешняках. Стали жить в Вешняках, на работу и учебу ездили в Москву на электричке. Мама вставала в шесть утра и шла по грязи и глине к платформе, никакого асфальта тогда не было. Ехала в переполненной электричке, потом сорок минут в неотапливаемом трамвае. После войны к нам в Москву часто приезжала нянька Аксюта. Она вязала мне носки, свитера, шапки, варежки.

Всю войну я жила то с бабушкой, то с тетей Тамарой в Куйбышеве. Сюда вывезли правительство, партийную верхушку, дипломатические миссии, Большой театр. Мы даже с двоюродной сестрой ходили на балет. Мама эвакуировалась вместе со своим заводом в Ульяновск, но к нам время от времени приезжала. Помню, как они с тетей сидели и решали, могут ли позволить себе бутылку молока. Его тогда разносили молочницы

в темных бутылках без крышек, со скрученной бумажкой в горлышке вместо пробки. Почему-то я запомнила, что эта бутылка молока стоила семнадцать рублей. Мама и тетя считали, хватит ли у них денег покупать молоко раз в два дня и варить кашу.

В Куйбышеве я пошла в школу, училась в вечернюю смену. Каждый день после второго урока нас кормили чем-то вроде больших пончиков. Мы сидели и ждали, когда же нам их дадут. Не могу сказать, чтобы мы голодали — не ели досыта, но еда была. Лебеду не ели. В конце лета по Волге проходили баржи с огромными тыквами, такими тяжелыми, что один человек поднять не мог. Эти тыквы скатывали в магазин и продавали некоторое количество, даже без карточек. До сих пор люблю тыквенную пшеничную кашу...

Я окончила школу в Москве — хорошо, но без медали, к сожалению. Поступила в Ломоносовский химико-технологический институт. Для этого надо было сдать шесть экзаменов. Четыре экзамена я сдала на пять, а пятый провалила — у меня случился очередной приступ малярии. Но председатель приемной комиссии разрешил мне сдавать последний экзамен — профильный, по химии. Я сдала на пять, и меня приняли.

В партию я не вступала. До 1956 года мне казалось, что на всякий случай не надо заявление подавать, а потом особо не рвалась. Когда умер

Мама, бабушка и братья отца понимали, что такое «десять лет без права переписки», но все равно надеялись.

3 «Оттепель» — неофициальное название периода, наступившего после осуждения культа личности Сталина первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым. Характеризовалась началом процесса реабилитации осужденных по политическим мотивам, либерализацией политической и общественной жизни страны. «Оттепель» продолжалась с середины 1950-х до середины 1960-х годов.

Сталин, я училась на третьем курсе института. Нам объявили о его смерти утром. Сказали, что все должны идти к Колонному залу. Мы попали в толкучку и потерялись на подходе к Пушкинской площади. Я держала приятельницу за руку, и мы двигались вдоль забора. Холодно, снег еще лежит, и выйти некуда. Какой-то парень вытянул нас из толпы и помог перелезть через забор. Дворами добрались до моих родственников — дяди и тети, живших тогда на площади Маяковского. Нам повезло, что тетя оказалась дома, напоила нас горячим чаем. Но я все равно потом две недели лежала с высокой температурой.

В Сталина при его жизни все верили, даже моя бабушка, потерявшая сына в годы репрессий. Когда я пришла домой в слезах после вступительного экзамена в институт, моя бабушка, мудрая женщина, ругалась и говорила, что найдет правду, а если нужно будет, то и до Сталина дойдет. Верила, что он может все решить.

В 1956 году я окончила институт. Самое начало «оттепели»³. Так как брак родителей не был официально зарегистрирован, документы на реабилитацию отца оформлял его брат. Комнату, в которой мы жили на улице Машиностроения, нам так и не вернули. Мама получила справку о реабилитации. Мне, как дочери «врага народа», справка очень помогала, у меня был даже допуск к секретным документам. После реабилитации отца мама ездила на Загорский комби-

нат получать деньги: тогда выплачивали трехмесячные зарплаты семьям репрессированных.

Позже, когда я сама в 1992 году ознакомилась с делом отца на Лубянке, первое, что меня попросили сделать — подписать бумагу о том, что я не буду мстить. Система нас боялась, такую бумагу просили подписать всех, кто приходил на Лубянку ознакомиться с материалами дел. Доноса я не видела. Среди документов, которые я читала на Лубянке, была папка с другим делом — на сотрудников районного НКВД города Загорска за фальсификацию дела против моего отца и других руководителей стройки комбината и за последовавший срыв ввода в эксплуатацию какого-то цеха. Сотрудников НКВД, судивших моего отца, назвали вредителями и приговорили в 1938 году к десяти годам лагерей. Их не реабилитировали.

После окончания института я осталась работать в Москве. Вышло постановление о химизации народного хозяйства, и моя специальность оказалась очень востребованной. Меня сначала распределили на завод резинотехнических изделий, но одна из сокурсниц отсоветовала там работать. Я пришла в Институт пластмасс, в отделе кадров мне выдали письмо для министерства, переписали направление, и меня сразу взяли. А на заводе даже обрадовались, так как не знали, что делать с молодым неопытным специалистом.

В Институте пластмасс мне поручили заниматься акустической за-

В Сталина при его жизни все верили, даже моя бабушка, потерявшая сына в годы репрессий.

щитой подводных лодок. Я проработала там два года и совершенно случайно узнала, что в соседний отдел приехали специалисты по химизации. Оказалось, в академическом строительном институте организовали новую лабораторию (применение пластмасс в строительстве). Я перешла в эту лабораторию, где и трудилась тридцать пять лет. Работала рядом с домом в Вешняках. Зарплату платили хорошую, 1200 рублей — выше, чем у мамы с ее сорокалетним стажем. Защитила кандидатскую. Мама так всю жизнь на одном заводе и проработала — до 1963 года. Она несколько раз переходила из одного цеха в другой, последним был, кажется, прессовой. Она умерла в 1982 году, когда ей было семьдесят лет. Тетя

Тамара всех пережила и умерла в 1996 году в возрасте 90 лет.

С 1992 года я на общественных началах участвовала в работе «Московского Мемориала»⁴, была координатором от нашего округа. Мы помогали реабилитированным оформлять документы и льготы. Каждый год при содействии мэрии организовывали две поездки: в Бутово⁵ и Коммунарку. Устраивали специальные вечера, концерты для семей репрессированных, арендуя дом культуры «Москвич» или «Меридиан», дарили подарки. Сейчас я такими делами уже не занимаюсь, да и не с кем работать. Раньше много детей репрессированных приходило. Внуки не приходят.

4 Региональная общественная организация жертв политических репрессий «Московский мемориал».

5 Бутово (Бутовский полигон) — место массовых захоронений более 20 тысяч жертв сталинских репрессий, расположенное рядом с поселками городского типа Боброво и Дрожжино Ленинского городского округа Московской области.

Ольга Лозовская:

«В волонтерский проект “Знаки заботы” я пришла, наверное, потому, что люблю слушать семейные рассказы о “том времени”»

Когда я была маленькой, бабушка значила для меня очень много. Она была необыкновенной: образованная, умная, с прекрасной памятью. Бабушка хорошо умела рассказывать и любила играть со мной. Мне ни с кем не было так интересно, как с ней.

Она много рассказывала о себе, своем детстве и юности, о комсомоле, работе, войне. Ее истории ложились на мои детские игры: куклы тоже жили в двадцатые-тридцатые-сороковые-пятидесятые годы. Наверное, тогда и возник мой интерес к тому, как жили люди в те непростые времена.

Несколько лет назад я увлеклась изучением жизни и творчества расстрелянного в тридцать восьмом году человека. Удивительно, но первый раз его имя я услышала от бабушки. Тогда, занимаясь его биографией, я первый раз попала в архив. Я рассматривала пожелтевшие от времени бумаги, и мне казалось, что я прикасаюсь к истории. Семейная история, генеалогия стали моей второй работой — не менее любимой, чем преподавание.

В волонтерский проект «Знаки заботы» я пришла, наверное, потому, что люблю слушать семейные рассказы о «том времени». Мне очень повезло: моей подопечной и собеседницей оказалась Марина Ильинична Кузнецова. В первые дни я не понимала, что нам делать, как строить разговор, даже составляла план вопросов. Марина Ильинична — настолько интересный рассказчик, что от плана мы быстро отошли.

Мое внимание привлекла тема детства и школы. Из рассказов Марины Ильиничны я узнала о том, о чем раньше даже не помышляла. Мы касались не только истории, Марина Ильинична рассказывала о семейной жизни, об отношении к детям — все это заставляло задумываться.

Для проекта мне нужно было записать воспоминания собеседницы, и я сделала это. Марина Ильинична открылась еще с одной стороны. Оказывается, раньше она работала редактором, теперь она отредактировала и мои записи тоже. Я пытаюсь сама писать книжки, и ее консультации были для меня бесценными.

У нас не всегда хватает времени, чтобы созвониться, но Марина Ильинична почти каждый день присылает мне что-то интересное: статью или видео, просто красивую открытку или фотографию. Так приятно — проснуться утром и увидеть открытку с видами Эдинбурга, где сейчас живет Марина Ильинична.

преподаватель шведского
и русского языков как иностранных,
Санкт-Петербург, 45 лет

«После ареста родителей мы с Феликсом, младшим из братьев, попали в детский дом»

Мой отец, Илья Львович Ильин, родился в 1898 году в Полоцке, в семье служащих, работал секретарем Киевского обкома ВКП(б), а впоследствии был переведен на работу в Астрахань. Мама, Мария Марковна, на два года старше, была родом из города Лида Виленской губернии, работала директором Тонкосуконного комбината в Киеве. 2 марта 1935 года в Киеве на свет появилась я. В семье уже были дети: Владимир, 1921 года рождения, и Феликс, 1931 года.

Отца арестовали 20 июля 1937 года по обвинению в участии в контрреволюционной организации. Виновым он себя не признал. 27 ноября его приговорили к расстрелу. Вскоре после его ареста, 28 августа забрали и мать. Через десять месяцев, в июле 1938 года, ее приговорили к восьми годам исправительно-трудовых лагерей как ЧСИР, «члена семьи изменника

Родины». Срок она отбывала в Темниковском лагере.

Третьим арестованным в моей семье оказался мой старший брат Владимир. Его забрали в октябре 1937 года и приговорили к пяти годам ИТЛ. Тогда ему исполнилось всего шестнадцать лет. Он был этапирован в Севвостлаг, а затем в Мариинское отделение Сиблага НКВД СССР. Володя умер в лагере в 1942 году в возрасте двадцати одного года от пеллагры — за неделю до освобождения.

Также были репрессированы братья и сестры моего отца.

После ареста родителей мы с Феликсом, младшим из братьев, попали в детский дом. Помню, когда нас забирали, Феликс вцепился в меня и никак не хотел отпускать. Нас разлучили и отправили в разные учреждения. Детский дом, где я оказалась, находился в Киеве.

В военные годы его эвакуировали в Казахстан, город Чимкент.

Я помню себя в самом начале войны, как нас сажали в грузовики, а небо потемнело от фашистских самолетов. После войны мы вернулись на Украину.

О детском доме у меня сохранились теплые воспоминания. Дети — особенно никто не занимался, но нас и не обижали, старались как-то поддержать — поили рыбьим жиром, а чтобы было не очень противно глотать, давали по кусочку соленого огурца. Было голодно, мальчишки постарше ходили воровать огурцы, помидоры, арбузы, а потом приносили это девочкам. Какой-то специальной дисциплины не было, мы собирались группами и уходили гулять с местными детьми, иногда заходили к ним домой. Родители этих детей относились к нам с теплотой и сочувствием, всегда угощали: жареной воздушной кукурузой или высушенным на солнце творогом.

У нас были интересные детские представления о войне и победе: почему-то считалось, что, когда закончится война, с неба будут сыпаться конфеты. Я помню, когда нам сказали, что война закончилась, мы стали смотреть на небо — а конфеты не падали! И я спросила других: а когда же будут падать конфеты?

Дети постарше победу представляли по-другому: они вспоминали жизнь до войны, о том, как они хорошо жили с родителями, считали, что в произошедшем с ними виноват Гитлер. А когда закончится война, то они поедут к своим родителям, и все будет как прежде. Но так, как прежде, быть уже ничего не могло.

У меня на войне никто не погиб. Все мои родные погибли до войны. В то время я, конечно, не задумывалась, где мои мама и папа, —

вокруг были такие же дети без семей, в моем окружении вопросов о родителях не задавали. Дети постарше говорили так: мы очень хорошо жили, потом не стало мамы и папы, а потом началась война.

Немцев я представляла своеобразно — как зверей, с рогами и хвостами. Однажды нас, детей из детдома, куда перевозили. На железнодорожной станции в открытых вагонах для перевозки скота мы увидели пленных немцев. Пленные просили хлеба, мальчишки швыряли в них собранными на рельсах камнями, а мне хотелось плакать. Эти фашисты были внешне обычными людьми, светло-волосыми, славянской внешности, а мы бросали в них камни. Я была поражена.

В детдоме была школа, но толком нас не учили: на всех была одна учительница. Я очень хотела учиться: помню, как рисовала на песке какие-то палочки, черточки, и мне казалось, что это буквы, и я спрашивала: что это я написала?

Мама освободилась в 1945 году и забрала меня. Тогда я была в детском доме в Дрогобыче. В детском представлении мама — всегда молодая, красивая женщина в кружевах, светловолосая, похожая на фею. А моя мама, хоть и красавица, была уже немолодой, с седыми волосами, она показалась мне усталой, изможденной. Но каким счастьем было вновь обрести ее, тем более что она вела себя заботливо, внимательно, и я относилась к ней так же.

Мама работала бухгалтером в техникуме, жила в комнате в общежитии в городе Черкассы. Жизнь была трудной, не было одежды, посуды. Но были друзья. Все подруги мамы — и те, кто был репрессирован, и те, кого это миновало — очень уважали ее и любили меня, занимались со мной.

Я помню себя в самом начале войны, как нас сажали в грузовики, а небо потемнело от фашистских самолетов.

Долгое время была неизвестна судьба моего брата Феликса.

Во время войны его вместе с детским домом вывезли из Украины в Казахстан. В двенадцать лет его как переростка отправили работать в колхоз. Но мальчик бежал. Мама искала сына, еще когда сидела в лагере. Она обращалась в Красный Крест, в различные инстанции, писала письма, в основном обращаясь к людям, которых она знала лично по прежним временам, надеясь на их участие и помощь. Одно из писем было адресовано в ЦК Г. М. Маленкову. Она просила найти сына и привезти его в детский дом в Темники Мордовской АССР, поблизости от места ее заключения.

Как оказалось позднее, после бегства из детдома Феликс работал на шахте, откуда был призван в армию. Вероятно, командиры части, узнав, что он потерял родителей, посоветовали ему сообщить в Красный Крест, который занимался поиском пропавших родственников. И случилось чудо: два заявления — мамы и Феликса — встретились, сотрудники Красного Креста их объединили, и Феликс вернулся домой. Это случилось в 1954 году.

Я почти не расспрашивала маму о произошедшем в семье, старалась беречь ее.

А мама и до, и после реабилитации оставалась убежденной коммунисткой, фанатично верящей в идеи партии. Для нее очень важным было восстановление в ВКП(б)—КПСС. Она плакала,

когда умер Сталин, и я тоже плакала.

При этом у мамы был постоянный страх нового ареста. Иногда она меня предупреждала, что может не прийти домой, и подробно объясняла, что делать в таком случае: мне надлежало взять паспорт и деньги и ехать в Москву, где жили сестры матери.

Как-то мама обмолвилась, что мой отец был кристально чистым человеком, он пострадал незаслуженно, потому что «когда лес рубят — щепки летят». «Бывают ошибки», — говорила она.

Эта абсолютная вера в партию меня до сих пор мучает. Сейчас я не могу понять, как мама могла верить в идеи коммунизма. Как можно было всю жизнь посвятить служению идеалам коммунизма? Она расстраивалась, что я не вступаю в партию. А я очень серьезно относилась к этому, считая, что партии нужно посвятить жизнь, все силы, способности. Но у меня не было таких условий, все свободное время я посвящала семье.

Конечно, я росла с убеждением, что наша страна — лучшая в мире, и мы живем лучше всех. В те годы растили нового, советского человека, который искренне верил в то, что в стране все замечательно.

Когда я училась в институте, многие мои сокурсники, многие знакомые подвергали происходящее сомнению, каким-то критическим оценкам, но не я.

Как-то мама обмолвилась, что мой отец был кристально чистым человеком, он пострадал незаслуженно.

Я была счастлива, и это счастье было не в каких-то внешних проявлениях. Да, мы с мамой жили достаточно бедно, не было каких-то необходимых вещей, но была семья, школа, я любила учиться, меня любили учителя и одноклассники, вокруг было много интересного. Школу я вспоминаю с удовольствием и благодарностью.

Перед вступлением в комсомол мама наставляла меня: надо сказать собранию, что отец был партийным работником и погиб. Но никаких вопросов о судьбе отца мне не задавали. Все-таки обычно семьи, в которых были репрессированные, как-то притесняли, а меня — нет. Я не могу объяснить почему, но я никогда не слышала в то время, что я дочь «врага народа».

После окончания школы с серебряной медалью я поступила в Московский энергетический институт. В дальнейшем жила в Москве, работала сначала инженером-энергетиком, затем редактором в техническом издательстве «Энергия».

Я осталась в Москве, временно проживаю в Эдинбурге, у меня выросли дочь и сын, подросли внук и внучка, появилась правнучка. Я надеюсь, что моих потомков никогда не коснутся ни войны, ни репрессии. Я надеюсь, что они будут жить в мире более благополучном, чем тот, в котором пришлось жить моему поколению.

Евгения Назарова:

«До сих пор не верится, что мне довелось быть свидетелем этой невероятной жизни»

Девять лет назад я переехала в Москву, и так получилось, что Музей истории ГУЛАГа стал первым московским музеем, в котором я побывала. Тогда он располагался еще в старом здании на Петровке, не таком эффектным, как нынешнее, но экспозиция произвела на меня очень сильное впечатление. Да что там экспозиция — сам факт существования такого музея. Я написала о своем желании быть волонтером, и для меня нашли идеальное занятие в библиотеке. Раз в неделю-две я забирала стопку книг (это были опубликованные воспоминания бывших узников лагерей), читала их и делала пометки: какие упоминаются имена и локации. Кажется, потом эти сведения использовали для составления библиографических карточек. В какой-то момент мне стало тяжело постоянно читать и думать о сломанных судьбах репрессированных. Вернулась я снова в Музей уже в проект Социально-волонтерского центра «Психология заботы»: он зацепил возможностью поговорить с живыми свидетелями времени, это далеко не то же самое, что читать о них в книгах.

Наша первая встреча с Елизаветой Васильевной Косминской состоялась в декабре 2019 года. Но, кажется, я влюбилась в нее еще раньше — во время первого же телефонного разговора. «Как ваше здоровье?» — спросила я, не зная, о чем начать разговор с незнакомым человеком. Елизавета Васильевна ответила чуть лукаво, но с достоинством: «Милая, мне, на минуточку, девяносто девять лет. Правильно ли я понимаю, что ваш вопрос — чистой воды политекс?» Мы рассмеялись и, кажется, поняли, что подружиться. Через полгода после знакомства мне повезло: я поздравила Елизавету Васильевну со столетним юбилеем.

Елизавета Васильевна принадлежит к типу людей, которых я не встречала раньше и уже не встречу. Примерно так досоветскую интеллигенцию показывают в кино. Идеальная осанка, хорошие манеры, прекрасная речь — такую собеседницу можно слушать бесконечно. Свой «моральный закон» Елизавета Васильевна пронесла и через неустроенную юность, лагерь и долгие годы жизни в Советском Союзе, не растеряв ни капли этого редкого, а потому особенно драгоценного дара. Все

это Елизавета Васильевна о себе знала: «Таких уже не осталось. Я — коллекционный номер».

К моменту нашего знакомства Елизавета Васильевна не могла ходить, но, несмотря на это, умела создавать атмосферу редкого гостеприимства: мы часами беседовали за чашкой чая, и мне казалось, что время останавливается. Герои ее историй буквально оживали: вот мама, которая запрещает ей носить часы, потому что не все могут позволить себе такую роскошь, а вот отец — снимает с вешалки пальто, чтобы уйти «навстречу своему аресту» и больше не вернуться. Вот сама Елизавета Васильевна — тогда еще школьница — бежит по пустому перрону и уже понимает, что мать за ней больше не придет. Вот следовательно на Лубянке не дает ей спать и требует сознаться в разглашении гостайны.

Если быть честной, до сих пор не верится, что мне довелось быть свидетелем этой невероятной жизни. И вряд ли целый век истории можно уместить в несколько страниц, но хочется верить, что я стала для Елизаветы Васильевны достойным биографом.

журналист, главный редактор
в креативном агентстве, Москва,
33 года

«Местная администрация уговаривала остаться: “Здесь же все бывшие заключенные, а мы вам комнату и козу дадим!”»

Елизавета Васильевна
Косминская

Я родилась в 1920 году в Ульяновске, в семье Василия Елпидифоровича и Елены Леонидовны Головиных. Папа работал в Министерстве путей сообщения, мама занималась домом — она была очень начитанная, интеллигентная женщина, окончила Высшие женские Бестужевские курсы. Часть моего детства прошла в Ленинграде. Помню нашу многокомнатную квартиру в доме Перцова на Лиговском проспекте — она казалась огромной. Полы дома натерали до блеска, они становились скользкими, и я часто падала. Для гостей накрывали роскошные столы с заливной осетриной и другими деликатесами. Всюду, где бы мы ни жили, у родителей была своя компания. Дома любили читать и устраивали литературные вечера, играли на рояле. Поэзия Блока, Ахматовой, Мандельштама — все известные стихотворения я знала наизусть с голоса и увидела их в книгах намного позже, когда научилась читать. Немецкая

гувернантка водила меня гулять в Летний сад, там учила писать, используя готический шрифт. С ней мы разучивали «Лесного царя» Гете — я помню это стихотворение до сих пор, хотя прошло уже почти сто лет.

Из-за папиной работы мы много переезжали. Как только я пошла в школу, отца повысили в должности и перевели в Калугу. Прекрасный город, но после Ленинграда все здесь казалось очень маленьким, домики — буквально с меня ростом.

Потом папу ненадолго перевели в Москву. В то время народным комиссаром путей сообщения был Андрей Андреевич Андреев. Он написал какое-то распоряжение, а папа его не выполнил, потому что считал, что Андреев не понимает специфики работы на транспорте. В качестве наказания отца отправили в Ростов-на-Дону, где местным начальником

железной дороги был известный чекист Яков Абрамович Лившиц¹. Он папу, наоборот, ценил как большого специалиста. Потом Лившица назначили заместителем наркома, и он пригласил папу в Москву на должность начальника движения НКПС. Это была большая должность. Знаю, что назначение согласовывали лично со Сталиным: чиновникам показалось, что папу как-то подозрительно зовут — Василий Елпидифорович. Но Сталин сказал, что все в порядке — отчество происходит от старинного славянского имени.

В шикарной трехкомнатной квартире в Москве я прожила до старших классов: ездила к немке учить язык, ходила с подружками в консерваторию, театры, на выставки. До семнадцати лет ни разу не открывала дверь магазина: продукты привозили домой, а у отца был личный водитель. Папу мы почти не видели — он работал днями и ночами: транспорт тогда был на подъеме. Отца даже наградили орденом Ленина. Мама была участницей женского движения, организованного женой Орджоникидзе, Зинаидой Гавриловной².

Все изменилось в 1937-м. Мы жили в ведомственном доме на Новой

Басманной улице, где к 1937 году аресты начали происходить каждую ночь: приезжали машины, зажигался свет в окнах, хлопали двери... В моей семье не верили, что все, кого забирают — враги: родители объясняли массовые аресты борьбой за власть и считали, что нам этого до конца не понять. Мама волновалась, а папа был абсолютно спокоен: ему казалось, что арестовывают только членов партии, а он — беспартийный инженер. В какой-то момент его отстранили от работы, но и тогда отец был уверен, что это временно. Когда дома раздался звонок и его пригласили в министерство, он, собираясь, сказал матери: «Вот видишь, наверняка для меня нашлась подходящая должность». Больше мы его не видели.

Это случилось поздно вечером, при гостях, которых, конечно, тут же как ветром сдуло. Мы плакали и ждали отца до утра, а потом к нам пришли с обыском. Стало понятно, что это конец: в воздухе повисла страшная пустота, будто была жизнь — и вдруг закончилась. Обыск длился несколько часов, у нас почему-то изъяли бинокль, нож для разрезания бумаги и орден Ленина. Окна квартиры выходили в Сад имени Баумана, и в саду

1 Лившиц Яков Абрамович (1897—1937) — государственный деятель, заместитель наркома путей сообщения СССР. В годы Гражданской войны сотрудник ВЧК, принимал участие в массовых арестах и расстрелах на Украине в начале 1920-х годов. Один из обвиняемых на Втором московском процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (1937). Расстрелян. Реабилитирован в 1988 году.

2 Орджоникидзе Серго (1886—1937) — государственный и партийный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком тяжелой промышленности СССР. Умер в 1937 году, предположительно покончил жизнь самоубийством.

3
Кузнецкий мост,
24 — приемная
НКВД в Москве.

безостановочно играла популярная песня «Скажите, девушки, подружке вашей» — я запомнила ее на всю жизнь. Нам дали три дня на то, чтобы освободить квартиру.

До сих пор не знаю, куда делись все наши вещи — рояль, шкафы, спальный и столовый гарнитур из карельской березы, машина «Эмка»... Вроде бы что-то продавали, но этих денег я никогда не видела. Нас выселили в барак в Пушкино: меня, маму и пожилую няню.

Каждый день я ездила в школу на электричке, а мама вечером ждала меня на перроне. Когда она не пришла, я сразу поняла, что ее тоже арестовали. Была зима — помню, что мама в те дни встречала меня в беличьей шубе. Потом эта шуба спасла ей жизнь: в лагере мама износила ее до дыр, даже спала в ней, все восемнадцать лет. После ареста маму отправили в Казахстан, по сути — в степь, где приходилось рыть землянки, чтобы обезпечить себе ночлег. Мама очень болела, но выжила. Раз в месяц мы переписывались — отправлять письма чаще ей было нельзя. К тому же она никогда не писала о своих болезнях, не хотела меня волновать, зная, что я ничем

не смогу помочь. Вместе с ней в лагере были жены многих знаменитых репрессированных коллег отца. По ее словам, женщины в лагере старались помогать друг другу.

Первое время мы с няней ничего не знали о родителях. Чуть свет она ехала на Кузнецкий мост³ занимать очередь к окошку, а я сменяла ее после школы. Маму в конце концов мы разыскали, а о судьбе отца долго ничего не было известно. В скором времени мне передали, что он осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки. На самом деле его расстреляли в 1939-м.

Я училась в выпускном классе и решила поступать в Институт истории, философии и литературы — его оканчивали многие советские писатели. На экзамене по литературе взяла неординарную тему: писала сочинение по «Похвальному слову Глупости» Эразма Роттердамского. С литературой у меня всегда было хорошо, это мамина заслуга, но в списке зачисленных студентов моей фамилии не оказалось. «У вас же родители репрессированы. А что вы хотели? У нас идеологический институт». Плакала, конечно,

К 1937 году аресты начали происходить каждую ночь: приезжали машины, зажигался свет в окнах, хлопали двери...

но что делать. Пришлось устроиться на работу учетчицей в небольшую контору, откуда я вскоре попала в Главлесосбыт. Мне было семнадцать лет, но я никогда не позволяла называть себя Лизочкой — только Елизаветой Васильевной.

В то же время нас с няней выселили из барака. Я пришла на работу в слезах: рассказала начальнику, что случилось, а меня услышал инженер из соседнего кабинета и предложил выйти за него замуж. Я его почти не знала и совсем не любила — такой брак, конечно, не мог быть счастливым. Но у него была комната в бараке, а это — крыша над головой. Мы переехали вместе с няней. Вскоре меня взяли на работу в Министерство лесной промышленности.

Не могу сказать, что муж плохо ко мне относился. Мы прожили несколько лет, началась война, и его призвали на фронт. Министерство лесной промышленности эвакуировалось в одну ночь: я осталась без работы и без денег. Няня надоумила пойти в военкомат и попросить справку, чтобы мы получали какой-то паек. Там я познакомилась с местным начальником, и он предложил мне работу: «Платить нечем, но буду кормить и давать карточки». Это уже было спасение.

Всю войну я провела в Москве: работала в военкомате, составляла биографии солдат, которых отправляли на фронт. Мы с утра до ночи были на холоде, руки обледеневали, но за работу выставляли котел каши. Спали там же, в здании

школы, где располагался военкомат. Мы с подружкой — она была медсестрой — занимали физический кабинет.

Однажды (это было где-то в начале 1942 года) меня вызывает военком — полковник, очень хороший человек. Говорит: «Косминская, зайди ко мне». Захожу, а он мне — письмо на стол и говорит: «Почитай, я пока выйду». Смотрю, а там письмо, которое написал военному мой муж: «Моя жена, Елизавета Косминская, не пишет мне, в то время как я защищаю нашу родину. Интересно, чем она в тылу занимается? Кроме того, я узнал, что в такое время она работает в военном комиссариате. Считаю важным предупредить, что у нее родители — враги народа: и отец, и мать. А немцы под Москвой, так что будьте бдительны».

После такого заявления военком должен был меня вышвырнуть, но он не только оставил меня на работе, но и выписал специальный допуск второй степени. В дальнейшем это очень помогло при устройстве на работу. Муж после войны разыскал меня: оправдывался, что ревновал. Я ушла от него. Не могла представить, как жить с мужем после такого поступка. От этого брака у меня осталась только красивая фамилия.

Няня умерла в войну, а я собрала вещи и съехала из барака мужа. Это, конечно, было очень легкомысленно: где-то перебивалась, жила одно время в полуразрушенном здании общежития станко-

4
Микоян Анастас Иванович (1895—1978) — государственный и партийный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б)—КПСС. В 1938—1949 годах занимал должность министра внешней торговли СССР. Принимал участие в массовых репрессиях.

У вас же родители репрессированы. А что вы хотели? У нас идеологический институт.

5 Каргопольский ИТЛ (Каргопольлаг) — располагался в Архангельской области. Действовал с 1937 по 1960 год. Число заключенных достигало 30 тысяч человек. Заключенные лагеря были заняты на лесозаготовках, работали на деревообрабатывающих предприятиях.

6 После смерти Сталина 27 марта 1953 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии. Указ предусматривал освобождение из мест заключения лиц, осужденных на срок до 5 лет включительно, независимо от срока наказания осужденных за должностные и хозяйственные преступления. Осужденные за контрреволюционные преступления освобождению не подлежали. Всего было освобождено свыше 1 200 000 человек.

строительного института. После войны все постепенно стало налаживаться: благодаря допуску второй степени я устроилась работать во Внешторг. Министром тогда был Микоян⁴, и работала я с полной самоотдачей, ровно до тех пор, пока в 1949 году меня не вызвали в МГБ.

Приезжаю, а там полный кабинет чекистов: «Елизавета Васильевна, мы очень вам доверяем, несмотря на то что ваши родители враги народа. Кроме того, вы такая общительная, со многими можете найти общий язык. Мы хотели бы, чтобы вы оказывали нам услуги». Обещали обучение в разведшколе и Париж, раз уж я знаю французский язык, но я наотрез отказалась быть доносчицей. Об этом разговоре стоило бы молчать, но мне было так страшно, что я рассказала своим коллегам. Тогда меня вызвали второй раз и арестовали за разглашение государственной тайны. Год я провела на Лубянку: часами сидела у следователя, но рассказать мне было нечего. Спать запрещалось, и когда я упала со стула в ходе допроса, следователь, видимо, решил, что с меня хватит. Он был не зверь — так, обычный человек, который отсиживал свои часы. И вот я оказалась в лагере вслед за родителями. Меня направили в Каргопольлаг⁵.

Барак — это огромное помещение, двухъярусные нары и соответствующий контингент. Почему-то особое впечатление на меня произвели шайки, до этого я никогда не видела деревянные ведра. Я была очень худенькой, и на мне болталась вся лагерная одеж-

да — штаны, телогрейка — меня буквально не было видно за ними. Сначала работала на «общих работах» на лесоповале, и это было очень тяжело, да и что с меня взять, городской девчонки. Удивительно, но блатные меня не трогали. Была по весне такая работа: выносить из хранилища овощи и грузить на машину, которая развозила ящики по точкам. На нее назначили четырех самых отъявленных блатных девок и меня. Блатные потребовали, чтобы я им рассказывала сказки, развлекала их. Я пересказала всю русскую и зарубежную классику. Они, помню, очень переживали за героев: «А он что?! А она ему что сказала?!» Блатные никогда не делали мне гадостей, хотя я была человеком другого круга.

Вскоре начальник лагеря назначил меня машинисткой в управление. Мне даже вернули одежду — туфли и платье, и давали за работу сладкий чай с булочкой. Работа была скучная — одни цифры. Но как-то выписали за заслуги сапоги и палку. Палка очень нужная в лагере вещь, чтобы возвращаться в барак в темноте.

Я освободилась в 1953 году по амнистии⁶. Местная администрация уговаривала остаться: «Здесь же все бывшие заключенные, а мы вам комнату и козу дадим!» Звучало соблазнительно, но мне хотелось в Москву. Меня нехотя согласилась принять тетка: у нее в комнате стоял большой шкаф, и первое время я буквально жила в нем. В 1950-х добилась реабилитации. Позже нам с мамой удалось получить

И вот я оказалась в лагере вслед за родителями. Меня направили в Каргопольлаг.

однокомнатную квартиру в хрущевке, затем — получше, в панельном доме.

Несколько десятков лет я проработала референтом-переводчиком в Академии наук. Долгое время моим начальником был Александр Иванович Опарин⁷ — автор теории происхождения жизни. Тогда она была очень популярна, мы устраивали международные конгрессы, которые мне очень удавались. Я была хорошим организатором, и Опарин меня ценил. Я бывала в его доме как близкий человек. Мне вообще везло с работой, я всегда была на хорошем счету. Даже сейчас, когда я на пенсии,

меня помнят в Академии и поздравляют с праздниками.

Мама любила повторять известное изречение Эммануила Канта: «Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благословением, тем чаще, чем продолжительнее мы размышляем о них, — звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Минуло уже сто лет, я прошла огонь и воду, а мне до сих пор кажется, что я приспособлена к другой жизни. Во мне совершенно нет ни меркантильности, ни практичности — один «моральный закон». Так, вероятно, и останется.

7
Опарин Александр Иванович (1894—1980) — советский ученый-биолог, создавший теорию возникновения жизни на Земле. Академик АН СССР (1946).

Дарья Калинина:

«Здесь мы навсегда остаемся близкими и готовыми помочь друг другу людьми»

История моего волонтерства началась в 2016 году, когда я восемнадцатилетней девочкой приехала из Подмосковья в столицу поступать в вуз. Университет открыл для меня двери в мир волонтерского движения.

Пока в моей копилке не так много проектов, но я всегда стараюсь найти баланс между учебой и занятостью в программах помощи. Я участвовала в культурно-образовательном проекте «Ночь искусств», международном фестивале творчества людей с особенностями психического развития «Нить Ариадны», помогала в организации этих мероприятий и познакомилась с удивительными людьми и их творчеством.

Волонтерство в проектах «Психология заботы» и «Знаки заботы» Музея истории ГУЛАГа отличается от моего прежнего опыта, потому что это проект длиною в жизнь. У него нет расписания и точно обозначенного дня завершающего этапа, когда нужно прощаться со всеми. Нет. Здесь мы навсегда остаемся близкими и готовыми помочь друг другу людьми.

Мою подопечную зовут Сотникова Клара Мкртичевна. Когда на собрании волонтеров нам зачитывали список подопечных, которых нужно будет навещать, я долго сидела молча и не откликнулась. Была названа следующая фамилия: Сотникова, метро «Раменки». Полное молчание. Ведущая вечера Варвара добавила: «Бабушка любит говорить рифмами и сочиняет стихи». Я отозвалась, не представляя, однако, где находятся эти «Раменки» и как туда добираться. Не знаю почему, но эта ремарка про стихи произвела на меня особое впечатление. Вероятно,

мой отклик был связан с моей лучшей подругой, которая тоже увлекается поэзией. «Значит, и в этот раз подружимся», — подумала я.

Клара Мкртичевна (я называю ее Кларой Михайловной, она одобрила) — очень жизнерадостный человек. Несмотря на почтенный возраст — 85 лет, у нее отличная память, хорошее зрение и богатая речь. По образованию она преподаватель немецкого языка, и если бы я была чуть мотивированней, Клара Михайловна непременно обучила бы и меня. Я уже знаю пару немецких пословиц.

У Клары Михайловны интересная, но непростая судьба. Она родилась в украинском городе Краматорске в 1936 году, за пять лет до начала войны, в семье учительницы Сотниковой Евдокии Ивановны и начальника цеха машиностроительного завода Исаакьяна Мкртича Аристакесовича. Когда Кларе Михайловне было полтора года, ее отца репрессировали и забрали из семьи. Забрали навсегда. Она до сих пор с трепетом хранит три фотографии, которые были сделаны в фотоателье, где она, полуторагодовалая девочка, сидит рядом с мамой и папой.

В результате клеветы отец был расстрелян по 58 статье. Клара Михайловна росла с мамой и старшей сводной сестрой, и им помогали бабушка с дедушкой.

студентка, клинический
психолог, Москва,
24 года

В студенческие годы Клара Михайловна встретила своего будущего мужа Владимира Павловича, который тоже учился в Москве. Однако познакомилась она в родном Краматорске на вечерке выпускников класса Владимира Павловича. Клару Михайловну пригласила старшая сестра, директор этой школы. Познакомились там, а видеться стали уже в Москве. Они гуляли по Ленинским (ныне Воробьевым) горам, беседовали, заходили в любимое кафе «Спорт», где всегда заказывали баранью отбивную, картошечку фри, сезонный салат, а на десерт — кофе со сливками и эклеры. Клара Михайловна не раз мне об этом рассказывала, и по тому, как точно она воспроизводила мельчайшие детали тех событий, я понимаю, насколько радостно ей вспоминать то время.

Когда я приезжаю к Кларе Михайловне в гости, она всегда тепло меня принимает, угощает, делится

всем, что узнает. У нее всегда есть что рассказать: истории из прошлого, мнение о настоящем, ну и, конечно, стихотворения. Она писала их в разные периоды своей жизни и, что удивительно, читает по памяти. А самое раннее из стихотворений она написала еще школьницей, когда они с мамой были вынуждены ночевать в школе во время войны. Стихотворения пронизаны благодарностью и любовью к родным. И я вижу, как она хочет делиться этими добрыми чувствами с окружающими. Я восхищаюсь ее жизнерадостностью и стойкостью.

Сейчас я учусь в университете, подрабатываю, посещаю факультативы, и свободного времени практически нет. Поэтому встречи наши нечасты, в основном это разговоры по телефону. Но даже их достаточно, чтобы зарядиться добром. Я рада нашему знакомству и дружбе.

«Мама до последнего дня своей жизни уверяла, что папа ищет меня. “Жди, Клара, папу!”»

Клара Мкртичевна
(Михайловна) Сотникова

Мой папа, Исаакьян Мкртич Аристакович, на русский лад — Никита Евсеевич, родился 21 апреля 1898 года. В этом, 2022 году ему исполнилось бы 124 года. Но прожил он неполные 40 лет. Папу оклеветали и объявили «врагом народа». Но кто это сделал, узнать не удалось. Несправедливый приговор через несколько лет был пересмотрен, отменен, а папа реабилитирован, к сожалению, только посмертно.

Мог ли такой человек, как мой отец, быть «врагом народа и своей Родины»? Однозначно, нет! Он родился в семье священника древнего армянского рода Исаакьянов. Был крещен, верил в Бога. Дети в семье воспитывались строго, знали, что ложь — большой грех, росли добрыми, были приучены помогать друзьям.

В 1917 году девятнадцатилетний Мкртич вступил в партию и был направлен по партийной линии

на Кавказ бороться с дашнаками. Несмотря на ранение, оставался в строю. В Гражданскую войну сражался под руководством Фрунзе¹ и сам командовал большим подразделением. Однажды подчиненное ему формирование оказалось в окружении, через сутки на рассвете воинов ожидал расстрел. Прихожане храма, где был священником мой дед, Аристаков Григорьевич, предупредили его о предстоящем расстреле. Дед, преодолев за ночь двадцать километров, добрался до места расположения частей Красной армии и привел помощь, спас от расстрела подопечных сына.

После войны папа получил заслуженные награды — ордена и медали, а также подарок от Фрунзе — браунинг с личной надписью. В день папиного ареста награды и браунинг были изъяты при обыске на глазах у всей семьи. Люди в форме искали и брали все,

Работники НКВД над папой сильно издевались, а папа им отвечал: «Я, кроме правды, ничего не знаю».

что хотели. Папа спрашивал их: «Что вы ищете?» — «Что надо». — «А что надо? Я вам скажу, где это находится, если у меня это есть!» К окончанию обыска было конфисковано много его личных вещей. Пришедшие приказали: «Возьмите ребенка из кровати!» Папа взял меня на руки. Сотрудники, проводившие обыск, вытащили из детской кровати матрац, разрезали его, выпотрошили и, не найдя ничего интересного, швырнули на пол. После этого скомандовали папе: «На выход!» Это произошло 11 октября 1937 года. Папу увели, и я его видела еще два раза, когда он находился под следствием.

Следствие длилось до конца марта 1938 года. Работники НКВД над папой сильно издевались, а папа им отвечал: «Я, кроме правды, ничего не знаю». Его заставляли оговаривать знакомых и даже незнакомых ему людей — он не оклеветал никого.

В какой-то момент отцу удалось договориться, чтобы ему организовали свидание с женой. Он был уверен, что мама обязательно возьмет с собой меня, любимую и долгожданную дочку. Папа безмерно меня любил. Он оказался прав: мы пришли вдвоем. Через минуту я сидела на руках у папы. Он меня целовал, обнимал, и я скоро уснула. Дежурный объявил, что время свидания истекло. Папа шепотом, указывая на меня, спящую, сказал: «Ребенок уснул, его будить нельзя, будет нервничать». И, слава богу, дежурный ждал, пока я проснусь сама.

Следователь Винокур и сотрудники НКВД не ставили перед собой задачи выяснить, виновен ли мой отец, скорее наоборот. Их цель была — найти того, кто согласился бы озвучить сфабрикованную версию. Они нашли такого человека. Им оказался пожилой еврей с того же Новокраматорского завода, где папа был начальником одного из цехов. «Свидетель» должен был рассказать, будто бы папа агитировал его вступить в организованную им троцкистскую группу. Старика плохо подготовили, он запутался в показаниях, и последнее слово осталось за обвиняемым. Несмотря на это, страшный приговор был объявлен, и папу расстреляли в городе Сталино на Украине, теперь это город Донецк.

Отец до сих пор со мной: я много думаю о нем, разговариваю с ним, рассказываю, как мы жили без него, как мама ждала его больше десяти лет — срок заключения, объявленный тогда ей. Она думала, что нас просто трудно найти в Москве, и до последнего дня своей жизни уверяла, что папа ищет меня. «Жди, Клара, папу!»

Кто мог быть причастен к этому?

Мой отец, Мкртич Аристакесович Исаакьян, был уважаемым работником на заводе, умел правильно и рационально организовать производственный процесс в своем цехе, уважительно относился к коллегам. Думаю, папины достижения на производстве, авторитет жены в городе, успешность семьи в целом обусловили его арест.

1
Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925) — советский военачальник и теоретик, участник Гражданской войны. В 1924—1925 годах проводил реформу в Красной армии, направленную на сокращение численности армии и установление принципа единоначалия. Умер после операции язвы желудка. По неофициальной версии, операция была спланирована с целью умерщвления Фрунзе.

Если такой человек, как мой муж, — враг народа, то и я тоже враг народа.

Тогда наша семья состояла из восьми человек: папа с мамой, мы с сестрой, мамины родители и две мамины родные племянницы. Девочки остались сиротками после смерти маминой сестры. Когда началось строительство жилого здания для инженерно-технических рабочих завода, папе выделили четырехкомнатную квартиру. Во время ареста маму предупредили, что описывать имущество не будут, а оставят ей, жене, на сохранение. Вопреки этому, нашу семью выселили из квартиры, где у нас была большая библиотека — примерно пять тысяч книг — и пианино старшей сестры. Нам ничего не разрешили взять с собой: ни мебели, ни техники, ни даже куклу из моих игрушек!

Семья была вынуждена разделиться. Мамины родители уехали в Москву к своей старшей дочери Евгении, а нас переселили в десятиметровую комнату.

В нашу оставленную квартиру въехал какой-то мужчина с семьей и прожил там до последних дней. А мама, лишившись всего, даже не догадалась поинтересоваться, что за человек это был. Интересно, что после возвращения из эвакуации мама иногда обнаруживала на рынке памятные нам вещи, которые она узнавала с первого взгляда. После реабилитации папы мы не получили никакой компенсации за утраченное имущество. Нам объяснили, что в фонд государства от нашего имущества ничего не поступило.

А что мама? В 1937 году ее вызвали на заседание парткома, и сам парторг города Краматорска уговаривал ее отказаться от мужа — «врага народа». Ей обещали многие льготы и «любую помощь, какую Евдокия Ивановна попросит». Но уговорить маму не удалось. Она достала из кармана свой партийный билет, положила его на середину широкого стола и сказала: «Если такой человек, как мой муж, — враг народа, то и я тоже враг народа». Парторг Диденко попросил всех присутствующих проголосовать за исключение из членов партии Сотниковой Евдокии Ивановны. Все члены парткома подняли руки и опустили головы.

Мама не отдавала себе отчета, чем и как она рисковала в тот момент. Одну ее подругу исключили из партии и приговорили к десяти годам заключения только потому, что был осужден ее муж-коммунист. Их сын попал в детдом, его усыновили чужие люди, которые изменили его имя и фамилию. А родители отбывали срок: отец умер в тюрьме, а мать старалась выжить ради сына. Выжила. Вышла на свободу и принялась за поиски. Она потратила на это несколько лет и с помощью добрых людей нашла своего ребенка. Такая же участь могла постичь и нас с сестрой, если бы маму осудили. Нам могли разделить, поместить в разные детдома, я тогда была еще очень маленькая. Мы бы никогда не нашли друг друга.

Но мама рискнула, защищая своего мужа. К этому времени

6 октября 1936 года папу расстреляли, но нам сообщили приговор — «10 лет без права переписки».

она успела сделать много социально-важных дел для Краматорска, куда ее направили в 1920 году по завершении женского Съезда работниц, казачек и батрачек. Мама работала с сиротами и беспризорниками. Она спасла и обеспечила достойную жизнь многим детишкам, за что город был ей очень благодарен. Когда началась война, многие из них ушли на фронт. А мы в тот период не могли выехать из Краматорска, хотя немцы уже бомбили город. Нас не эвакуировали, так как мы — семья репрессированного. Помог один из маминых бывших беспризорников, который в ту ночь дежурил на вокзале и узнал маму. Он был рад встрече и в тот же вечер сам посадил нас на пос-

ледний поезд. Так нам удалось уехать в Астрахань и прожить там до 1943 года, пока не был освобожден Краматорск.

После нашего возвращения в родной город маму разыскал парторг Диденко, пригласил на заседание парткома, чтобы восстановить ее в партии.

Перед последним допросом папа добился встречи с мамой и дал ей наказ: воспитывать меня патриотом и говорить мне о нем только правду. Мама выполнила это завещание. Она много рассказывала мне о нем, только правду, основанную на конкретных фактах и событиях. Я очень люблю родителей и горжусь ими.

Антон Кобец:

«Они — эхо ушедшей, но не переосмысленной трагедии страны, страны с неутихающей болью»

Моих двух прадедов, как и миллионы советских людей, не обошли репрессии. Один был арестован в Свердловской области и отправлен на десять лет в магаданские лагеря, о судьбе другого мы до сих пор пытаемся найти сведения в архивах. Его дочь, моя бабушка, родилась в Сусумане Магаданской области в 1949 году, люди или обстоятельства ей не раз намекали, будто он — «враг народа». У нас дома это часто обсуждалось, но мне хотелось знать больше. Со временем увлечение семейным прошлым переросло в более серьезное занятие. Несмотря на то, что я уже имел дипломы магистра юриспруденции и бакалавра теологии, я поступил в Тольяттинский государственный университет на исторический факультет.

С четвертого курса университета я стал искать и изучать музеи с тематикой, близкой моим интересам. Каково же было мое удивление, когда я открыл сайт Музея истории ГУЛАГа и увидел вкладку «Социально-волонтерский центр» с анкетой и приглашением стать волонтером Музея. Я сразу заполнил анкету. Так началась моя волонтерская деятельность — с интереса к истории своей семьи.

В Музее мне довелось помогать зрителям на экспозиции, работать с документами фонда на оцифровке, каталогизировать книги в научной библиотеке. Я продолжаю расшифровывать видеointервью и аудиозаписи, а также архивные документы для научного отдела.

Опыт общения с подопечными Музея истории ГУЛАГа стал для меня абсолютно новым. Любой музей всегда казался мне местом, где история «замерла». Но в этом пространстве люди, с которыми я встретился, были живыми носителями информации, и у каждого из них был свой взгляд на «историю себя» и своей семьи. Они — эхо ушедшей, но не переосмысленной трагедии страны, страны с неутихающей болью.

С Сазоновой Натальей Федоровной у меня был первый опыт записи воспоминаний. Я испытывал смешанное чувство интереса и одновременно неуверенности в том, смогу ли, общаясь с пожилым человеком, прорваться в глубины его памяти о пережитом. Наше знакомство прошло легко. Полгода мы встречались и записывали воспоминания. Порой у нас случались необычные разговоры. В них были и нежные и трепетные воспоминания Натальи Федоровны о близких, и — что меня больше всего поразило — полное принятие ею несправедливости по отношению к своему деду. «Да, это было», «тяжелое время», «много таких, как мы, было вокруг» часто всплывало в разговоре. Это стало для меня открытием, ожидания были совсем иными.

К моему огромному сожалению, в июле 2021 года Натальи Федоровны не стало. Оборвалась еще одна тонкая нить, связывающая нас с прошлым, но осталась ее живая «устная история» — ее дар нам, редкая возможность для переосмысления этого прошлого.

«А мама тем временем не сдавалась — подавала жалобы, добивалась пересмотра дела»

Своего деда, Василия Филипповича Валикова, я помню плохо. Видела его несколько раз, когда была маленькой. В основном я знала о нем со слов матери. Жили они с бабушкой, Матреной Семеновной, в городе Туле, где родились моя мама, Нина Васильевна, и дядя, Николай Васильевич. Потом мама уехала учиться в Москву и там осталась. В Москве в 1942 году родилась я. Подросла, пошла в школу имени Зои и Александра Космодемьянских на Войковской.

К деду мы приезжали иногда в гости, и он к нам приезжал, но это случалось редко. Чаще писали друг другу письма. У деда почерк был очень красивый, «учительский», как говорила мама. В детстве я думала, что он и правда работает учителем. А на самом деле он был экономистом-плановиком на заводе.

Почему его арестовали в 1937 году, никто не мог понять. Мама вспо-

минала, что Василий Филиппович всегда был очень правильным, требовательным, любил везде наводить порядок. Очень переживал, если что-то не было организовано как надо. Он постоянно писал в партийные органы жалобы про разные «неустройства». В Туле в то время по улицам ездили конные повозки, но навоз после лошадей не убирали. Так дедушка возмутился и написал куда следует. И то ли руководству надоели его жалобы и предложения, то ли донос на него поступил, но в «органах» посмотрели: что-то ему все не так, он что же, получается, против советской власти? И арестовали его.

Пока шло следствие, мама почти каждый день носила деду передачи в тюрьму. Она рассказывала, как вставала спозаранок, ехала туда, стояла в очереди.

Судили деда тройкой¹ в 1938 году, приговорили к десяти годам лаге-

1
Тройка НКВД — внесудебный орган, созданный по приказу наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Тройки создавались при республиканских, областных и краевых управлениях НКВД, в состав каждой тройки входил начальник Управления НКВД, секретарь партийной организации и региональный прокурор. Приговоры выносились заочно и не подлежали обжалованию.

рей. Наказание он отбывал в лагере на Дальнем Востоке, в Амурской области. Присылал оттуда письма. Они до сих пор хранятся в семье как память о Василии Филипповиче. Он писал и маме, и ее брату: подбадривал детей, спрашивал про дела, заботился. Они отвечали. Письма тогда шли долго, ведь места совсем дикие: пока почту соберут, пока донесут. Василий Филиппович сообщал, что к нему однажды сразу три письма от брата пришли. Из письма от 13 августа 1939 года: «Ваня! Передо мною сразу три твоих письма от 27-VI, 17-VII и 24-VII. Одно из сообщений, сообщение о прохождении моей или, вернее, Нининой жалобы, очень важное для меня — я за него тебя благодарю особо...»

Еще Василий Филиппович во всех письмах, которые он из лагеря писал, за мамину учебу переживал. Он всегда говорил маме, как важно учиться. В письмах очень радовался тому, что она поехала в Москву. И хотя беспокоился, что она далеко от дома, от семьи, но все равно радовался. Он сильно жалел, что не может ей помочь и подсказать, так как заключен в лагере, но очень хотел, чтобы она и дальше училась. Из письма от 6 июля 1939 года: «Как обстоит дело с учебой Нины, мне понятно, но что ей посоветовать, я не знаю, так как оторван от жизни и не могу правильно ориентироваться. Один мой совет ей: работать и учиться всему-всему, а где — ее молодость, сообразительность помогут сделать выбор». Своего сына, дядю моего, Николая Васильевича, который тогда был еще школьником, он тоже все время спрашивал об отметках.

А мама тем временем не сдавалась — подавала жалобы, добивалась пересмотра дела, писала и ездила в разные органы, доказывая, что ее отца осудили несправедливо. Он никогда ничего плохого про советскую власть

не говорил, честно работал на заводе. О нем хорошо отзывались и давали положительные характеристики. Все эти характеристики с его работы и места жительства собирала мама. Она надеялась, что приговор отменят и отца освободят. В это время дедушка писал домой письма о своей тоске по свободе, ждал вестей о рассмотрении жалоб. Мама за него хлопотала, думая, что это просто ошибка, и следователям надо объяснить: Василий Филиппович человек честный, его ценят на работе и дома.

И действительно, через год дело пересмотрели, приговор тройки был отменен. Дедушка освобожден из лагеря и вернулся домой в Тулу. Его даже на заводе восстановили в прежней должности. Вот ведь как получается, три года человека мытарили — арестовали, в тюрьму посадили, допрашивали, в лагерь выслали, — а потом вернули обратно, будто ничего и не было.

Через много лет, в начале нулевых, мы с племянницей ездили в архив на Лубянку, нашли там дело Василия Филипповича. В деле указано, что по происхождению дедушка — из семьи кулаков. Но семья его была бедная, имела лишь клочок земли, даже батраков не нанимала. Прадед пытался заниматься торговлей, да ничего не вышло. Как только Василию Филипповичу исполнилось восемнадцать лет, он сразу из деревни уехал в Тулу — работать на заводе и учиться на курсах.

В архивном деле мы тогда прочитали о том, что дедушка виновным себя не признал, а уличен был показаниями свидетелей. Он обвинялся в том, что плохо говорил о советской власти и хотел, чтобы Гитлер захватил СССР. Нашли свидетелей, которые подтвердили, будто, работая на заводе имени Крыленко, дед среди

В это время дедушка писал домой письма о своей тоске по свободе, ждал вестей о рассмотрении жалоб.

окужающих «вел антисоветскую агитацию» и высказывал «погромные настроения». Впоследствии допрошенные свидетели отказались от своих слов. Были в деле и показания рабочих, с которыми он трудился в одном цеху. Все они говорили, что никогда ничего такого не слышали.

Дедушка вышел на свободу перед самой войной. Вернувшись, дома пробыл недолго. Осенью 1941 года, когда немцы подошли к Туле, его вместе с заводом эвакуировали. На следующий год дедушка был мобилизован в армию и отправлен на фронт. Как раз в это время под Ржевом наши войска перешли в наступление — туда он и попал, в минометную роту. Удивительно, что он тогда не погиб.

С фронта дед тоже писал письма. Они хранились и у нас, и в семье моего дяди. Мама их мне показывала, рассказывала. Дедушка старался нас приободрить. Еще писал, что мучается от ревматизма, да оно и понятно: ему к тому времени стукнуло 45 лет. Позже его перевели в снабженцы, а там уже спокойнее было. Дед прослужил так до самого конца войны и вернулся обратно в Тулу на завод. Работал плановиком. Его даже на повышение отправили в областное министерство финансов. Только дед после войны совсем недолго прожил, до 1951 года.

Мы с мамой по-прежнему жили в Москве. Я окончила школу, потом педагогическое училище, а после устроилась работать в Курчатовский институт лаборантом. А про Василия Филипповича у нас в семье часто вспоминали...

Анастасия Кэмпбелл:

«Мы порой забываем об испытаниях, с которыми столкнулись родные и близкие репрессированных»

В конце моего университетского обучения я узнала о волонтерском проекте Музея истории ГУЛАГа. Я приняла в нем участие и открыла для себя особое отношение к истории и людям как к чему-то по-настоящему живому и ценному. Это знание останется со мной надолго. Музей истории ГУЛАГа — одно из редких мест, в котором понимаешь, насколько история влияет на жизнь каждого из нас, даже если мы этого и не осознаем полностью. По-моему, именно эта попытка углубления в прошлое, изучения исторических событий и проработки их последствий и есть то, что делает нас более гуманными.

Когда я читала о проекте «Психология заботы», я радовалась, что такие проекты существуют в России. Но не предполагала, что сама смогу быть причастной к такому благородному делу, учитывая мою жизненную ситуацию и географическую отдаленность. О «Знаках заботы» я узнала в феврале 2021 года во время учебы в магистратуре в Амстердаме. Тогда еще сохранялись строгие ограничения, введенные в связи с пандемией, начинался новый учебный семестр, я только что переехала в новое общежитие — было одиноко. Именно в этот момент появилась возможность участвовать в проекте и наполнить смыслом те непростые дни.

Подготовительные лекции с психологом, которые проходили до знакомства с моей подопечной, были очень правильным началом этого проекта. Именно психолог помог соединить абстрактный концепт «исторической памяти» с конкретным человеком.

В день, когда должен был состояться наш первый разговор с Татьяной Авсеевой Соколовой, я внезапно заволновалась: «А вдруг у меня не получится ее разговорить? Вдруг по телефону я покажусь грубой?»

Ведь как мы все теперь понимаем, общение онлайн происходит

по-другому: невозможно предложить чашечку чая, чтобы «растопить лед» или скрасить беседу. Но к моему облегчению, с первых минут наш разговор с Татьяной Авсеевой был живым и насыщенным, а под конец первого часа я поняла, что никогда еще встреча с незнакомым человеком — да еще и по телефону! — не проходила так легко. Проект предполагал помощь волонтеров своим подопечным, но мне было так хорошо и интересно во время разговоров с Татьяной Авсеевой, что иногда казалось, будто это она заботится обо мне.

Мы с самого начала много смеялись и шутили, Татьяна Авсеева — жизнерадостный и светлый человек. В прошлом она работала связистом и сохранила в памяти много забавных историй о любимом деле. Ее теплая манера общения и профессиональный опыт учат тому, как людям нужно взаимодействовать друг с другом, особенно во время жизненных испытаний. Знакомство с Татьяной Авсеевой — большое везение: она человек, который идет по жизни с улыбкой, несмотря на все удары судьбы. Мне кажется, это талант, ведь в разговорах, затрагивающих столь тяжелые темы, найти причину для улыбки трудно. Такой подход к жизни помогает многое преодолеть.

Татьяна Авсеевна не сразу была готова обсуждать трагедию, которая случилась в ее детстве. Сначала она поделилась веселыми историями из своей жизни, много рассказывала про детей, внуков, мужа, про молодость родителей. Мне нужно было записать хотя бы некоторые воспоминания о ее репрессированном отце, и я спросила напрямую: можем ли мы поговорить именно о нем?

Но и тут Татьяна Авсеевна удивила меня и преподнесла важный для меня урок. Она сказала, что, обсуждая сталинский террор и тех, кто стал его жертвами, мы порой забываем об испытаниях, с которыми столкнулись родные и близкие репрессированных. Часто мы недооцениваем силу духа, которую проявляли женщины, оказавшиеся в годы террора в тяжелейших условиях. Татьяна Авсеевна хотела мне рассказать, как ее мама выживала в то время: после ареста мужа она осталась без заработка и поддержки.

Проект «Знаки заботы» дал мне возможность явственно понять: каждая конкретная история в прошлом являлась пусковым механизмом для цепи трагических событий в жизни многих людей.

К сожалению, мне не удалось поговорить с Татьяной Авсеевной столько, сколько хотелось бы, но я очень благодарна Музею истории ГУЛАГа за это знакомство и за новый для меня опыт.

«Но, увы, он попал в эти “университеты нравственного преобразования”, как мой отец называл лагерь»

Татьяна Авсеевна
Соколова

Мои мама и папа родом из Псковской губернии, одногодки — оба с 1916 года. У отца, Вессета Авсея Иосифовича, латвийские корни, его семья когда-то переехала из Латвии в Советский Союз. Родился он в городе Себеж. Мама, Шайкевич Бела Яковлевна, из деревни Старосокольники. Родители работали в Себеже, где и познакомились; оба участвовали в самодеятельности, хорошо пели. Мама папе сразу понравилась, они поженились в 1937 году. Папа работал монтером связи, всегда носил с собой «кошки» — приспособление для подъема человека на опору линии электропередач.

Когда отца арестовали, мама осталась одна с грудным ребенком — мне тогда было три месяца. Я тоже женщина и понимаю, как ей было тяжело в двадцать один год оказаться в таком положении. Мама работала в школе учителем, и ее выгнали с работы. Кому нужна в школе жена «врага народа»?

Несколько месяцев мама мучилась без помощи, пока отец сидел в тюрьме под следствием. Правда, у папы был хороший следователь, который разрешал привозить передачи. Когда отца перевели в другое место, мама смогла уехать со мной к бабушке. Мамины родители жили в Торопце, и мы переехали к ним в коммунальную квартиру. В этой квартире было печное отопление. В одной из комнат жила женщина, которая часто закрывала печную трубу раньше времени. Она делала это с одной целью, чтобы «звереныш» — то есть я — «умер». Она говорила: «Нечего растить ребенка врага народа». Дедушка наказал ее как следует: вызвал участкового, а тот пригрозил — ребенок ни при чем. Мне примерно полгода тогда было. Мужа этой женщины тоже посадили вскоре. Судьба сурова...

Мы выживали с трудом. Во время войны в доме не было стекла, поэтому было очень холодно. Когда

я заболела корью, у меня на коже даже не выступила сыпь, которая обычно сопровождает эту болезнь. Зато случилось осложнение на уши: сужение частотного диапазона слуха — с тех пор я слышу не все частоты.

Долгое время мама не могла найти работу. Она по молодости и по глупости — сама еще ребенок! — всем говорила, что муж «сидит по такой-то статье», и ее никто не брал. Мама очень честной была. Но мир не без добрых людей. Ей встретился один бухгалтер: пожилой человек, инвалид. Он посоветовал: «Не говорите никому, что ваш муж сидит! Они этого не знают!» Он ее пожалел, взял к себе на работу, обучил новой профессии и дал возможность прокормиться.

На работу устроиться было по-прежнему трудно, но мы уже не бедствовали. Мама стала бухгалтером, правда, пока начинающим. Я помню, как мама забирала меня из детского сада, и я допоздна сидела с ней на работе, играла там. Можно сказать, выросла в ее конторе.

Когда папа вернулся в 1940 году, я была маленькая и не запомнила.

Он уже тогда был болен. Потом пришла война и до 1944 года мы с мамой оставались одни в Торопце. Немцы стояли от нас в ста километрах и каждую ночь бомбили город. Было очень страшно. Где находился папа, я не знаю. Я не спрашивала про отца. Он появился позже. Мы с ним не подружились, он был нервный и строгий. В 1943 году папа стал членом партии. После войны устроился работать связистом в контору. Ему поручили заниматься восстановлением средств связи, разрушенных во время войны. Как хорошего специалиста все время повышали в должности. В 1947 году папу перевели в Великие Луки, там я проучилась до окончания школы.

Здоровье папы было испорчено в лагере. Он рассказывал мне, взрослой, что там сильно били, издевались, кормили селедкой, но не давали пить. Его болезнь началась с заболевания почек, потом он перестал ходить. Когда потерял ногу, получил автомобиль для работы и ездил сам за рулем. Лишившись второй ноги, он ушел с работы, но продолжал помогать советами. Папа никогда ни на что не жаловался.

Позже его врач скажет, что мама подарила ему пятнадцать лет жизни. Она так тщательно ухаживала за ним: лекарства, доктора... Мама говорила, что в молодости он был очень здоровым, спортсменом! Но, увы, попал в эти «университеты нравственного преобразования», как мой отец называл лагерь, где отбывал наказание. Он так говорил, потому что находился в лагере вместе с двумя сидельцами: большим ученым и священнослужителем. Оба были в почтенном возрасте и приняли его как сына, или даже как внука. Первое время заключенных не гоняли на строительные работы, и они обучали папу литературе, искусству и разным наукам. С их слов он запомнил наизусть «Евгения Онегина». Когда я подросла и узнала об этом, я тоже выучила эту поэму и очень ее любила. Я не знаю, как сложилась судьба тех двух солагерников, но отец всегда вспоминал о них с большой благодарностью.

Мама страдала, она очень любила папу. А я до семнадцати лет даже не ведала ничего, дети эгоистичны. Я росла активным ребенком, занималась в разных кружках, участвовала в самодеятельности, мне было как будто не до мамы. Думаю, ей было очень тяжело:

за папой надо было ухаживать. Но она его очень любила.

Когда началась реабилитация репрессированных, папе, наверное, только тогда стало известно, что на него написал донос лучший друг. Для нас это был такой удар! К тому времени друг уже умер. Я его тоже хорошо знала, общалась с его дочерью. Дружили семьями: в субботу, например, мы приходили к ним в гости, а в воскресенье — они к нам. Я спрашивала у родителей, почему этот человек так поступил? Мама ответила: «От зависти. У него был туберкулез, с женой не ладилось — то сходились, то расходились. А у нас была счастливая семья, в доме весело, мы любили друг друга, и ребенок рос замечательный».

Друг написал, будто мой отец «постоянно рассказывает анекдоты про Сталина». Может быть, отец и рассказывал, он действительно был весельчаком и любил анекдоты. Отец был секретарем комсомольской организации, все думали, что его дело связано с этим. А оказалось — лучший друг, с которым дружба не разлей вода, с которым вместе отмечали праздники. Как он вообще мог сидеть за одним столом с моим отцом?!

Дарья Шинкевич:

«Разве можно рассказывать о репрессиях, об убийстве своих близких, о невозможности поступить в университет с клеймом “дочери врага народа” — и не переживать?»

Моя волонтерская история началась случайно. В какой-то момент я стала интересоваться и много читать о политических репрессиях в России. Больше, чем художественная и документальная проза заключенных ГУЛАГа, меня впечатлили, наверное, только их стихи. Некоторые были восстановлены авторами по памяти, потому что оригиналы когда-то пришлось уничтожить.

Я всем советую прочитать стихи репрессированных, но только — после ознакомления с воспоминаниями участников событий. Иначе можно очень поверхностно понимать, о чем идет речь, расположившись с книгой в теплой кровати, в любимом кресле, за приятным завтраком — в сильном контрасте с теми обстоятельствами, в которых находились герои этой книги.

У меня юридическое образование, по мере освоения отдельных дисциплин меня интересовал вопрос коллективной вины человечества. Как только начинаешь изучать историю, понимаешь, насколько разные эпохи и события сжимаются в одни и те же общественные закономерности: каждое событие — новый виток старой пружины, новый уровень чего-то, что существовало прежде.

Как только начинаешь знакомиться с правом, думаешь о справедливости — как ее достичь в каждом конкретном кейсе? И думаешь, можно ли вообще что-то сделать, чтобы тебя не перемололо? Помню, как на выходе из Музея истории ГУЛАГа прочитала в книге отзыв: «А что лично ты готов сделать для того, чтобы это больше никогда не повторилось?» Посмотрела минут десять на этот текст, и ушла. Я — не знаю.

Я пришла в волонтерский проект Музея в первую очередь за новым опытом: понять, что происходило с моей страной совсем недавно. Здесь мне очень повезло познакомиться с Майей Вольдемаровной Кара-Мурзой. Я всегда говорю, что мне везет с людьми, которых я встречаю.

Готовясь к нашему разговору, я просмотрела видеозаписи празднования юбилея Майи Вольдемаровны, находящиеся в открытом доступе. Я собрала ряд сведений о ней, чтобы понимать, что не нанесу вреда, напоминая о тех или иных событиях, задавая вопросы. Разве можно рассказывать о репрессиях, об убийстве своих близких, о невозможности поступить в университет с клеймом «дочери врага народа» — и не переживать?

Разговор с Майей Вольдемаровной происходил удаленно, по телефону, из-за пандемии. Я узнала, что Майя Вольдемаровна практически ничего не видит и нуждается в помощи. Но во время беседы у меня создалось стойкое ощущение, что человек на том конце провода намного бодрее и сильнее.

Я старалась, чтобы мои вопросы были максимально нейтральными, конкретно-историческими. Я спросила Майю Вольдемаровну о том,

помнит ли она смерть Сталина, связывала ли она какие-то надежды с 1953 годом, что реально изменилось тогда — обстановка, атмосфера; сказалась ли на ее жизни амнистия Берии. Постепенно вопросы стали более личными. То, что воспринималось мной как историческое прошлое, для Майи Вольдемаровны на самом деле было ее жизнью. Она рассказала об обучении в школе в период Великой Отечественной войны, о том, как на нее повлияли политические события, о которых я могла только читать.

Майя Вольдемаровна прожила огромную, полную событий жизнь и смогла рассказать о ней искренне и интересно. Я уверена, что за пределами работы Социально-волонтерского центра и его проекта «Знаки заботы» мне никогда бы не представилась возможность поговорить с ней на такие серьезные темы.

«Отца арестовали в декабре 1937 года. Это случилось за три дня до Нового года»

Так случилось, что в нашей семье были репрессированы мой отец и дядя, а потом я вышла замуж за человека, который тоже пострадал от кровавой власти.

Мой папа, Вольдемар Бисиниекс, родился в 1884 году, а его младший брат Георг — в 1885 году. Оба родом из Латвии, по вероисповеданию лютеране. Оба состояли в социал-демократических кружках и участвовали в революции 1905 года. В царское время, когда Латвия была в составе Российской империи, они были арестованы, сидели в Рижском центре и были отправлены в Иркутск на каторгу. Дядя Георг бежал и оказался в Англии, где стал работать мелким клерком и постепенно дослужился до звания посла Латвии в Англии. Его портрет размещен в галерее рядом с портретами заслуженных работников министерства иностранных дел в Риге.

В 1933 году Георг стал консулом Латвии в России, жил в Петербурге. В 1934 году, после убийства Кирова, дядя попал под подозрение, потому что жена убийцы Кирова, Николаева, была латышкой. Николаева хотела с мужем уехать из Петербурга в Латвию, они приходили на прием к моему дяде. Эти действия послужили аргументом в пользу причастности моего дяди к убийству Кирова. Впоследствии версия с дядей отпала, но Совет консулов все же отстранил Георга от должности. Дядя вернулся в Латвию и работал директором банка, когда в 1940 году подвергся аресту НКВД. Его расстреляли в 1941 году и, вероятно, захоронили на Коммунарке.

Папа был старым большевиком, с 1904 года — членом партии РСДРП. От иркутской каторги его освободили февральские события 1917 года, к революции он присоединился уже в Риге. В 1923 году он

приехал в Москву и получил должность председателя правления Всекобанка.

Мама, Матвеева Елизавета Афанасьевна, родилась в многодетной семье в Орле в 1903 году, в 1917-м переехала в Москву, где ее попытались выдать замуж. Она бежала из-под венца и тоже «влилась» в революционное движение: ходила с ведром, кистью и рулоном революционных плакатов, которые расклеивала по городу. Потом она получила маленькую должность стеклографистки в том самом банке, где работал папа. Папа был старше мамы на девятнадцать лет. Увидев ее, он сразу влюбился, и они поженились. В 1931 году в семье появился первенец, мой брат.

Я родилась в апреле 1933 года в Москве в доме 54 по улице Герцена (ныне улица Большая Никитская). Раньше там располагался Дом старых большевиков и персональных пенсионеров, сейчас находится посольство Бразилии. Теперь невозможно догадаться, что в этом доме на бельэтаже когда-то проживали мы. Многочисленные попытки установить на дом

памятную табличку с именами родных оказались безуспешными.

Отца арестовали в декабре 1937 года. Это случилось за три дня до Нового года. К нам ворвались ночью, когда мы с папой и старшим братом были в квартире, а мама лежала в родильном отделении Кремлевской больницы на сохранении. Она должна была вот-вот родить нам сестренку. Какие-то «доброхоты» потом сообщили ей, что ее мужа увели, а детей отдали в детский дом. Узнав о том, что произошло в ту ночь, мама потеряла ребенка.

Когда папу забрали, нас с братом одели и куда-то повезли на большой черной машине. Мы сидели на заднем сиденье, между нами — мужчина в шляпе. Мне было четыре года, но я хорошо все запомнила: декабрь, проезжавшие мимо трамваи, сугробы. Я испугалась и мало что соображала тогда. Брат, несмотря на страх, понял, что нужно действовать, нажал на ручку дверцы и вывалился из машины в сугроб. Мы остановились, шофер вышел. Не знаю, что происходило снаружи, но в машину брат не вернулся. Вероятно, побег сочли за попытку самоубий-

Когда папу забрали, нас с братом одели и куда-то повезли на большой черной машине.

ства и отправили его в психиатрическую больницу, а не туда, куда нас везли.

Я попала в приемник-распределитель, который находился в Даниловском монастыре и полностью назывался «Даниловский детский приемник-распределитель ГУЛАГа НКВД для детей, оставшихся без родителей» — для детей «врагов народа». Монахов здесь уже не было, монастырь был полностью отдан под нужды репрессивного ведомства.

Я помню, как плакала, кричала, звала маму. Помню детские кровати с перегородками и детей. Я не знаю, как долго прожила в детприемнике. Потом вспышка, яркое воспоминание — меня тащат по мраморным коридорам, приводят в комнату. За столом сидит женщина, а спиной ко мне — моя мама. Она нашла меня. Все это время маме приходили письма, как будто мы писали ей с Дальнего Востока. На самом деле я знаю, что из Москвы нас не увозили. Мама рассказывала, что ей не собирались возвращать детей, но она добилась, чтобы вернули.

Мы приехали домой на улицу Герцена, в нашу двухкомнатную квартиру. Одна комната была опечатана зеленой пломбой, вторую — оставили нам. Мама много плакала.

До войны я успела недолго походить в детский сад. В 1941 году наш детский сад переехал на лето

на дачу. Была такая практика: для размещения детей снимали частные дачи. Там я застала начало войны. Некоторое время никто не знал, что нужно делать в такой ситуации, и нас держали там. Когда привезли наконец в Москву, город уже бомбили. Детей разобрали родственники, я осталась одна. Я хорошо помнила домашний телефонный номер, назвала имена родителей, но к телефону никто не подходил. Как я узнала позже, маму с братом эвакуировали в Татарскую Республику, и она ничего не могла сделать.

В октябре 1941 года я все еще находилась в Москве, жила в опустевшем детском саду, спала на раскладушке, слушала звуки бомбежек. Помню, как люди снаружи бегали с сумками, мешками, кругом паника, мародерство. Вскоре меня определили в полуподвальное помещение в одном из переулков у Трубной площади — интернат для детей репрессированных.

Зимой интернат эвакуировали в Сибирь. Нас погрузили в теплушки и повезли по железной дороге. Я помню, как в состав попала бомба, и мы ползли по снежному откоосу железнодорожного полотна. Нас поместили в другой состав и повезли дальше на восток. Я все время переживала: как же мама найдет меня, если даже сама не знаю, где я.

Так как документов не было, после прибытия в Омск наш возраст определяли по росту,

Зимой интернат эвакуировали в Сибирь. Нас погрузили в теплушки и повезли по железной дороге.

по ответам на вопросы. Поговорив со мной, решили, что мне пора в школу. Видимо, я была самая старшая в группе. Я одна ходила в школу по виадуку: каждый день подолгу преодолевала его, пока не добиралась до школьного здания барачного типа. По окончании первого класса за успешную учебу мне выдали грамоту с изображением Ленина.

В конце зимы детей перевели в разные детдома в соответствии с возрастом. Меня переправили на плоскодонке через реку Иртыш в поселок Красный Яр — он до сих пор существует. Там я должна была учиться во втором классе. В Сибири было очень морозно, от постоянного холода у меня все было отморожено. Поверх одежды мы укутывались в простыни и шли по глубокому снегу след в след. Кормили нас один раз в день. Помню, что постоянно чувствовала голод, без конца болела. Я поняла, что я тут пропаду, просто пропаду! Мне казалось, что мама меня совсем не ищет, и я решила бежать из Сибири.

В Красном Яру я познакомилась с двумя учительницами, которые жили на краю поселка. Они были француженками, но замечательно говорили по-русски. У одной был сын Игорь. Стало известно, что они получили пропуск в Москву. Я помнила, что это мой родной город, даже писала на домашний адрес письма «треугольники». Чтобы иметь хоть какую-то связь с Москвой, я подружилась с Игорем, мы стали вместе ходить в школу.

Как-то, подслушав разговор, я выяснила, что на следующий день они отправляются поездом Омск — Москва. Я тайком выскочила из интерната и самостоятельно переправилась через замерзший Иртыш. Не знаю, как нашла вокзал. Прочитала на вокзале, какой поезд идет в Москву, вычислила, в какой вагон сядут мои знакомые, и запрыгнула на ступеньку этого вагона, когда поезд уже отправлялся. Когда я вошла в купе учительниц, все оторопели. Не знали, сдавать меня проводнику или нет, но в итоге не сдали. Они ехали втроем, свободная полка была заставлена вещами. На нее меня и положили, спрятав среди чемоданов. Чем кормили — не помню. Сколько ехали — не знаю. В дороге я серьезно заболела, у меня поднялась высокая температура, но я старалась не подавать звуков. Наше купе проверяли с собаками, те лаяли на чемоданы, и мое сердце останавливалось, но никто не придавал значения лаю собак.

На Ярославском вокзале мы попрощались, и я, умный ребенок, по памяти пошла пешком домой. Позже мама говорила, что увидела меня в окно, но я до сих пор не понимаю, как это возможно, ведь я шла с другой стороны. Мама была вне себя от радости! Шел 1943 год. От последствий моего пребывания в Сибири мы избавлялись долго: у меня был детский туберкулез, вши, фурункулы, чесотка.

Я застала маму совершенно больной. Она постоянно лечилась в психиатрических больницах с ди-

Помню, что постоянно чувствовала голод, без конца болела. Я поняла, что я тут пропаду, просто пропаду!

агнозом «реактивное состояние». У мамы совсем не было сил, она все время плакала. Нами, детьми, она не занималась, на работу ее не брали как жену «врага народа». Когда мама смогла устроиться в артель для инвалидов, где клеили конверты, мы с братом помогали ей выполнять рабочую норму.

Из нашего дома нас выселили в Грохольский переулок, мы теперь не имели никакого отношения к старым большевикам. Площадь проживания была приемлемой, но без удобств, а раньше у нас были газ, телефон и ванная комната. Готовила я на примусе, который постоянно «взрывался». Мыться ходили в Астраханские бани. Так жил народ.

Я серьезно занималась маминым здоровьем: маленькая, да удаленькая, разговаривала с врачами, совсем как взрослая. Маму лечили электросном и жестокими методами, направленными на утрату тяжелых воспоминаний. Врачи утверждали, что мама перестанет плакать, вспоминать свою жизнь, своего мужа.

Здоровье мамы улучшилось, однако с нами она была агрессивна, несколько раз пыталась сдать в детдом.

Когда мама стала работать в Театре Ермоловой, она расцвела. Она не была артисткой, но сама творческая атмосфера способствовала выздоровлению. Моя душа тоже была в театре, я ведь проводила там много времени. Пока мама работала,

я постоянно изображала кого-нибудь на сцене, в том числе и балерин. Однажды за таким занятием меня увидела Суламифь Мессерер, актриса Театра Ермоловой, тетка Майи Плисецкой. Она сказала маме: «Слушайте, Майечку надо отдать в Большой театр. Посмотрите, какая она пластичная!» А я худенькая была после Сибири. Мама повела меня в балетную школу, но оказалось, что у меня нет должного подъема стопы.

Так мы жили довольно долго, пока я не вышла замуж. Моим мужем стал Алексей Сергеевич Кара-Мурза, историк и мой преподаватель в техникуме. Символично, что и у нас была разница в возрасте в девятнадцать лет. Я в него влюбилась как в героя-фронтовика. Алексей Сергеевич был изумительно образован, из очень хорошей семьи. Оказалось — тоже репрессирован. Будучи студентом исторического факультета МГУ, он был арестован за то, что раздавал своим товарищам-студентам книги «не того содержания» из домашней библиотеки. Мужа отправили на БАМ, где заключенные Амурлага добывали камень для насыпи. Он рассказывал мне о жизни в бараках. Меня потрясла одна деталь: когда наступала весна, и пригревало солнышко, то рельсы, уже уложенные на эту насыпь, становились красными. Это из барачных на рельсы выгнали клопы, чтобы погреться!

Муж отсидел три года, пока не начались перемены. На смену Ежову пришел Берия, он старался проде-

Папу расстреляли осенью в предместье Петербурга, в Левашово. Сколько же его мучили!

монстрировать свой либерализм, изменение политического курса. Не показная реабилитация, а просто выпустили часть людей из тюрем. Но никаких подтверждающих документов не было, в то время еще никто и не помышлял о реабилитации.

Отца и дядю я реабилитировала после XX съезда, подала заявление, ничего не побоявшись. Мне нужно было выхлопотать пенсию для мамы. Я добивалась также, чтобы отца восстановили в партии.

Я боялась изучать дело папы. С ним ознакомился мой внук. Видимо, отца так били, что на допросе он рассказал о некоей встрече в поезде, где брат Георг его якобы завербовал. Получается, признал часть вины. Дяде тоже задавали вопросы о встрече с отцом, но он все отрицал. Папу расстреляли осенью в предместье Петербурга, в Левашово. Сколько же его мучили!

Все мы, все мы обожжены этим. Вся наша семья теперь такая — критически мыслящая. Ничего на веру не принимаем, тысячу раз все проверяем...

Дарья Горелова:

«Как-то Нина Марковна сказала отличную фразу: “Нужно жить “вкусно”!”»

Историю я любила с детства и не понимала, почему мы на уроках в основном изучаем военные действия и политику, но мало внимания уделяем личным историям людей. В девятом классе я участвовала в российской научной конференции школьников «Открытие»: записывала воспоминания моей двоюродной бабушки, которая сначала жила в Тверской области, а потом уехала на заработки в Нижний Тагил. Я даже решила поступать на исторический факультет. Но родители отговорили меня. Среди аргументов были такие: это несерьезно, невозможно хорошо зарабатывать, работая историком. Теперь у меня другая профессия, но любовь к истории осталась.

Приезжая в другие города, я всегда нахожу время для музеев и люблю слушать экскурсоводов. В 2019 году в Ярославле я случайно увидела у школьника белый значок Музея истории ГУЛАГа. Так как я планировала поездку в Москву, то все сложилось само собой. Изучая сайт Музея перед поездкой, я наткнулась на сообщение о том, что требуются волонтеры. Решение было принято за секунду. Я посетила Музей, написала координатору волонтеров и присоединилась к команде.

Моя волонтерская деятельность в Музее истории ГУЛАГа началась с расшифровки видео- и аудиоматериалов для проекта «Мой ГУЛАГ». У меня не было возможности постоянно находиться в Москве или периодически приезжать, поэтому такая форма волонтерской помощи стала для меня идеальной. Работать с историями репрессированных очень тяжело. Я помню, как плакала над расшифровками интервью, и мои слезы капали на компьютер. Приступая к очередной истории, я каждый раз морально готовилась, а после ее расшифровки всегда брала время на отдых.

Позже я узнала о проекте «Психология заботы», но физически все еще не могла ездить в Москву каждую неделю, чтобы помогать подопечным Социально-волонтерского

центра. Я заинтересовалась, мне очень хотелось общаться вживую, но я продолжила заниматься расшифровками видео- и аудиоматериалов.

В 2021 году в Музее появился новый проект «Знаки заботы», в котором можно было участвовать удаленно: взаимодействовать и поддерживать подопечных по телефону. Я очень ждала начала наших встреч!

С моей первой подопечной мы не смогли созваниваться, не позволило ее состояние здоровья. Другие волонтеры к тому моменту уже включились в проект, а у меня затягивалось первое знакомство. Наконец мне дали контакты другой подопечной, Нины Марковны Яблонской. Я посчитала, что ее имя Нина — хороший знак, предвещающий нам удачную совместную работу. Так звали одну из моих родных бабушек — по маминной линии. К сожалению, ни одну из них я не застала: обе ушли в 1990 году, а я родилась в 1991-м.

И вот я начала работать с Ниной Марковной Яблонской. Помню, как волновалась, когда звонила ей первый раз. Сначала мы просто познакомились и общались на повседневные темы, потом Нина Марковна стала делиться воспоми-

нениями. Когда я занималась расшифровками аудио- или видеоматериалов, я знала, что всегда есть возможность «поставить» на паузу и выплакаться вдоволь. Здесь же такой возможности не было: работа шла в реальном времени. Помню, как подступил ком в горле из-за слез, когда Нина Марковна рассказывала мне свою историю.

Я полюбила наши с ней разговоры, я восхищаюсь этой женщиной: она столько всего сделала! Как-то Нина Марковна сказала отличную фразу: «Нужно жить “вкусно”!» Я так и стараюсь жить.

«Я всегда верила, что мой отец невиновен, и ждала, когда он вернется»

Вот уже на протяжении почти тридцати лет я каждый год бываю на Бутовском полигоне. Когда я приехала сюда впервые, то увидела поросшее высокой травой поле с ямами, в которых стояла вода. Сейчас эта территория полигона приведена в порядок, установлен мемориал жертвам репрессий. Я всегда прохожу мимо ряда гранитных плит с выгравированными на них именами. Каждая мемориальная плита — это один день 1937 или 1938 года с именами людей, которые в тот день были расстреляны здесь. На одной из них есть имя моего отца — Мордко Рубинштейн. Я всегда кладу гвоздики к подножию этой плиты.

Мой отец, Рубинштейн Мордко Матысевич, был арестован 9 марта 1938 года ночью в Москве. Мне тогда было три года и десять месяцев. Будь я хотя бы на год постарше, я бы наверняка запомнила черты его лица, глаза. Но, к сожалению, в памяти моей сохранилось

немногое, связанное с ним. Помню, как он подкидывал меня вверх, и мы оба смеялись, как он возил меня на санках по парку около нашего дома, как мы с ним сидели на диване, и он обнимал меня. Я часто думаю о нем, пытаюсь представить его по рассказам мамы, по сохранившимся фотографиям, по его переписке с родными, по немногим оставшимся личным вещам, которые мама хранила всю жизнь. Окончательно его образ сложился у меня много лет спустя, когда мы с братом и моим сыном читали его следственное дело, когда я получила его последнее фото из Бутырской тюрьмы.

Отец родился в 1898 году в городе Луков Седельницкого уезда. Сейчас это Польша, а в те годы Луков принадлежал Российской империи. Отец рос в рабочей семье, детей было пятеро. Когда Мордко было семь лет, умер его отец. Семья осталась без кормильца, и стар-

1
Первая мировая война (1914—1918) — военный конфликт с участием 38 государств между двумя коалициями государств в Европе: блок Антанты (Российская империя, Великобритания, Франция) и Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия). Тройственный союз потерпел поражение в войне, в мире произошли серьезные территориальные изменения.

шим детям пришлось рано уйти на заработки. Отец работал на обувных фабриках в Лукове и Варшаве. Его всегда волновали вопросы социальной справедливости. Он видел, что люди много и тяжело работают, но не могут выбраться из бедности. В это время в мире происходили значительные события. Первая мировая война изменила карту Европы¹. Появилось независимое Польское государство, на территории которого оказался Луков. А на остальной территории России к власти пришли большевики, объявившие, что хозяевами страны будут теперь рабочие и крестьяне. Именно о таком мечтал отец. Поэтому в августе 1920 года он навсегда покинул родной город, присоединившись к частям Красной армии, которая в это время отступала на восток после поражения под Варшавой. До 1922 года он служил в Таращанском полку 44-й стрелковой дивизии. После демобилизации отец некоторое время проработал заготовщиком обуви, а в 1924 году, вступив в ВКП(б), перешел на партийную работу.

К этому времени относится письмо, которое он написал родным в Луков. Почему-то оно не было

отправлено. Это единственное сохранившееся письмо отца:

«С запада на восток, когда солнце тучами было закрыто, в объятиях шторма, волнами занесен в истинную армию-освободительницу. Шторм с востока меня бросает, и еще более могучие волны несут меня туда, где солнечные лучи превращают ночь в день».

Судя по этим строкам, отец был романтиком и воспринимал то, что происходило в Советской России, как преображение мира, победу света над тьмой.

В 1927 году отец переехал в Москву и стал студентом Коммунистического университета национальных меньшинств Запада имени Мархлевского, в котором учился до 1932 года. В это время он и познакомился с моей мамой, Мирой Корабельниковой, тогда студенткой МВТУ. Они стали семьей в 1931 году. Папа и мама жили очень дружно, у них было много общих интересов, они любили путешествия — сохранились фотографии их поездки в Сванетию. В 1932 году отца послали на работу в Биробиджан, где в это время образовалась Еврейская автономная область. Мама два раза

Когда умер Сталин, я плакала и даже попала на прощание с ним в Колонный зал.

приезжала туда к нему на время каникул. В 1934 году родилась я, а в следующем году отец вернулся в Москву. Последнее место работы отца — Управление воздухоплавания «Дирижаблестрой» в одноименном подмосковном поселке, ныне это город Долгопрудный. Отец был заведующим парткабинетом при эскадре дирижаблей. В марте 1938 года мы переехали после обмена в комнату в доме на Новорязанской улице. Во время переезда мои родители чуть не потеряли меня — я по привычке пошла на старую квартиру. Они бросились меня искать, нашли, и было много радости. А ночью отца забрали.

Сейчас я достаточно много знаю о репрессиях и понимаю, что отца арестовали в ходе так называемой «польской операции» НКВД в соответствии с приказом № 00485 от 11 августа 1937 года. Это была самая массовая из национальных операций НКВД². Жертвами ее стали сто сорок тысяч человек, из которых сто одиннадцать тысяч были приговорены к высшей мере наказания. Поскольку любой выходец из Польши рассматривался как шпион, отца, который родился на польской территории и имел там родственников, это неизбежно должно было коснуться. Вдобавок репрессиям подвергся и «Дирижаблестрой», где отец в это время работал. Были арестованы и расстреляны его руководители и многие сотрудники инженерно-технических специальностей. Учитывая совокупность этих обстоятельств, отец был обречен.

Постановлением НКВД и Прокурора СССР³ от 28 мая 1938 года отец был приговорен к расстрелу. Я знаю дату расстрела — 7 июня 1938 года, но я не знаю точно, как он погиб. Может быть, его расстреляли в Бутово, может быть, в гараже НКВД в Варсонофьевском переулке. На момент гибели отцу было сорок лет.

После ареста отца мама пошла на Лубянку, пыталась узнать что-нибудь о нем, но ей ничего не сказали, только велели не приходить больше: «Если еще раз придете, свою дочь больше не увидите». Мы много лет ничего не знали о судьбе отца. Нам объявили только стандартную формулировку «десять лет без права переписки». Мама много лет надеялась, что отец жив, ждала его, хранила его вещи.

Когда отца арестовали, мама была беременна. В октябре 1938 года родился мой младший брат Володя. Отца в это время уже не было в живых, но мы узнали об этом много позже. Володя родился маленьким и слабым, весил при рождении полтора килограмма, все время болел. Боялись, что он не выживет, но со временем он оправился и окреп.

Помню, как в конце августа 1941 года мы уезжали в эвакуацию в товарном вагоне. В пути началась бомбежка, мы выскочили из поезда, и мать закрыла нас с братом своим телом. Потом были два нелегких года в городе Егоршино Свердловской области, а в августе 1943 года мы вернулись в Москву

2
Национальные операции НКВД — серия массовых репрессивных акций НКВД во время Большого террора (1937—1938 гг.) против представителей отдельных национальностей: поляков, немцев, финнов, латышей, литовцев, эстонцев, греков, румын, болгар, македонцев, иранцев. Отдельная операция проводилась против так называемых «харбинцев» — бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги. Целью национальных операций заявлялась борьба с диверсионно-повстанческими и шпионскими кадрами разведок капиталистических стран. С августа 1937 по ноябрь 1938 года в рамках всех национальных операций было осуждено 335 513 человек, из них приговорено к расстрелу 247 157 человек, то есть 73,66% от общего числа осужденных. Самой массовой стала «польская операция», в ходе которой было репрессировано 139 835 человек, в том числе приговорено к расстрелу 111 091 человек.

При этом мы получили справку, что отец якобы умер от обострения язвы желудка в 1942 году в Магаданской области.

3
Комиссия НКВД и Прокурора СССР (двойка) — внесудебный орган, созданный в соответствии с приказом наркома внутренних дел СССР № 00485 о начале «польской операции». Комиссия НКВД и Прокурора СССР выносила приговоры по национальным операциям с августа 1937 по сентябрь 1938 года.

в нашу комнату на Новорязанской улице. Хорошо помню день нашего возвращения. Мама ушла куда-то, и в это время раздались звуки артиллерийских разрывов. Мы с братом решили, что это бомбежка и что мама больше не вернется, сидели и плакали, обнявшись. К счастью, мама вскоре пришла, а канонада оказалась салютом в честь освобождения Белгорода и Орла. Это был первый победный салют за время войны.

Я снова пошла в школу. В моем классе многие были без отцов — у кого-то они были репрессированы, у кого-то погибли на войне, мы никогда это не обсуждали. Но я всегда верила, что мой отец невиновен, и ждала, когда он вернется.

Я окончила школу, потом институт, стала инженером-теплоэнергетиком. Почти всю жизнь проработала в Государственном институте азотной промышленности (ГИАП), была ведущим специалистом по теплоснабжению заводов по производству азотных удобрений. Много ездила в командировки по всему Советскому Союзу. Когда вышла на пенсию, начала заниматься общественной работой, связанной с репрессированными. Я стала координатором своего района, а потом и округа в Региональной общественной организации жертв политических репрессий «Московский Мемориал».

Я познакомилась со многими замечательными людьми, среди которых были и ветераны войны, и те, которые прошли не только сталинские, но и фашистские

лагеря. Были и дети репрессированных, чьи ранние годы прошли в детских домах. Я много лет добивалась установки в моем районе памятника жертвам репрессий. Благодаря содействию управы московского района Кузьминки сейчас этот памятник — валун, привезенный из района Петрозаводска — стоит на Аллее Славы в Кузьминках. Репрессированные нашего округа теперь собираются у него в День политзаключенного 30 октября.

Мой брат Володя стал крупным ученым и одним из лучших специалистов в области очистки воды. Установки, которые он разработал, действуют не только в России, но и в Австралии, Южной Америке. Его установка «Струя» была отмечена золотой медалью изобретателя, присуждаемой Всемирной организацией интеллектуальной собственности. Отец мог бы гордиться своим сыном.

Когда умер Сталин, я плакала и даже попала на прощание с ним в Колонный зал. Потом только я поняла, что рисковала жизнью, а многие погибли — среди них были дети наших знакомых.

В 1956 году после XX съезда КПСС начали пересматривать дела репрессированных в годы сталинского террора. Было пересмотрено и дело отца. Никаких доказательств его вины не нашли, «резиденты польской разведки», через которых отец якобы передавал информацию, оказались полностью вымышленными, таких людей не суще-

В деле я увидела фотографию, сделанную в Бутырской тюрьме, — его последнюю фотографию.

ствовало. Отца реабилитировали посмертно за отсутствием состава преступления. Это было 29 июня 1957 года. При этом мы получили справку, что отец якобы умер от обострения язвы желудка в 1942 году в Магаданской области. Все-таки тогда нам не решались раскрыть всю правду. Мама рассказывала мне, что когда она входила в то самое здание КГБ на Лубянке, чтобы подать заявление о пересмотре дела, ее охватил такой ужас, что у нее дрожали руки, и она не могла написать ни слова. Какой-то военный даже сказал ей: «Я вижу, вы женщина неграмотная, давайте я напишу за вас». А ведь она закончила МВТУ и была квалифицированным инженером.

Много лет спустя я увидела дело отца — в 1991 году, когда мы получили доступ к архивам КГБ-НКВД. Отца обвиняли в том, что, будучи агентом польской разведки, он передавал в Польшу сведения о лесозаготовках и настроениях солдат в Биробиджане, а вернувшись затем в Москву и работая в «Дирижаблестрое», передавал туда же данные о строительстве дирижаблей. Никаких доказательств вины там нет, как нет и тех людей, которым он их якобы передавал, их нет в картотеках ни в Биробиджане, ни в Москве. Мне было тяжело читать его показания, написанные под диктовку следователей. Горжусь тем, что отец не называл никаких имен реальных людей, своих знакомых, никого не оговорил. Он был сильным и мужественным человеком. В деле я увидела фотографию, сделанную

в Бутырской тюрьме, — его последнюю фотографию. Тогда он уже понимал, наверное, что его ожидало...

Репрессии коснулись и родных отца. У него в Польше остались мама, сестра и три брата. Отец с ними долго переписывался, у нас сохранилось несколько их писем и фотографий. После ареста отца связь прервалась, и мы ничего не знали о судьбе его родных. Только несколько лет назад я обнаружила в базе «Мемориала» имена братьев отца и узнала о судьбе его семьи. Они жили в Лукове до начала Второй мировой войны. Когда фашисты захватили Польшу в сентябре 1939 года, семья разделилась — мать и сестра отца со своей семьей остались в Польше и в 1942 году погибли в концлагере Треблинка, а братья с семьями бежали на восток и оказались в Бресте. Ничего не зная о судьбе моего отца — их брата, они написали ему письмо. Мама рассказала мне перед смертью, что получила это письмо и ответила им, что «он уехал очень далеко». Они то ли не поняли, что она имела в виду, то ли не поверили, и кто-то из них поехал в Москву, приходил к нам домой, но маму не застал и вернулся обратно в Брест.

Летом 1940 года советские власти сослали польских беженцев в северные области как спецпереселенцев. В частности, братья моего отца с семьями были высланы в поселок Черный Яр Усть-Вымского района Республики Коми. Там они работали на лесосплаве.

Отца реабилитировали посмертно за отсутствием состава преступления. Это было 29 июня 1957 года.

Условия жизни были очень тяжелые, но все они выжили. Через год после нападения Германии СССР заключил договор с польским правительством в эмиграции, и польские спецпереселенцы получили разрешение покинуть место ссылки. Братья отца уехали в Среднюю Азию, а после окончания войны разъехались по миру и поселились в разных странах. Выяснить все это мне помог

сотрудник общества «Покаяние» Михаил Борисович Рогачев, работавший с архивами в Республике Коми, я очень ему благодарна. В конце концов я отыскала своих двоюродных сестер, живущих в Израиле, и от них узнала о родных отца. Сейчас его братьев уже нет в живых, но их дети, внуки и правнуки живут в Израиле, США и Австралии.

Наталья Волкова:

«Моя реальность изменилась благодаря скромным попыткам волонтерства в Музее истории ГУЛАГа»

Я стала волонтером Музея истории ГУЛАГа полтора года назад. Мне хотелось быть ближе к тому, о чем я читала только в книгах.

Я выбрала для себя две обязанности — помогать зрителям в залах экспозиции Музея и записывать историю одной из подопечных Социально-волонтерского центра. И та и другая деятельность захватила меня, но совершенно по-разному.

Помощь зрителям дала возможность подробно ознакомиться с музейной экспозицией. До этого я посещала Музей лишь однажды и не все успела прочитать и посмотреть. Теперь во время дежурства в антиковидной маске и нитяных перчатках я ходила по темным коридорам и залам с выставочными модулями и изучала историю ГУЛАГа шаг за шагом. Интересно было наблюдать за посетителями, размышляя о том, что их привело в музейные стены, с чем они уйдут.

Всегда приятно замечать неподдельный интерес людей к теме сталинских репрессий, их сопереживание тем, кто пострадал, отсидел ни за что, был расстрелян. Три часа примерно раз в две недели пролетали незаметно, хотелось приходить в Музей снова и снова. Я сидела в «расстрельной комнате», в зале, посвященном Большому террору, под мерный и страшный звук затвора, с которым на каменной стене менялись фотографии жертв репрессий. Я понимала, что «расстрельная комната» — один из самых доходчивых способов показать ужас, который пережили те, кто был убит, чью жизнь насильно отняли. Зачем этот ужас ощущать нам? Чтобы никогда не оправдывать государ-

ственного насилия над человеком, какими бы высокими целями оно ни объяснялось.

Участвуя в проекте «Знаки заботы», примерно раз в две недели я приезжала домой к Людмиле Яковлевне Капельницкой. Она — дочь репрессированного, но оправданного отца, который руководил строительством крупных советских заводов. Людмила Яковлевна делилась со мной своими детскими воспоминаниями об аресте отца, о его возвращении. Она рассказывала о том, как они жили с матерью, пока отец сидел в тюрьме. Война, школа, институт, преподавательская деятельность, создание семьи и рождение детей — у Людмилы Яковлевны было много историй. О ней можно было бы написать целую книгу. Однако обстоятельства моей жизни изменились — я переехала из Москвы в Петербург, поэтому призрачному плану о книге сбываться не суждено. Работать с историей Людмилы Яковлевны продолжил другой волонтер.

Удивительно, но волонтерство не отнимает много времени и сил. Наоборот, когда знакомишься с людьми и их историями, мир вокруг становится больше — и личный пространственно-временной континуум меняется тоже.

«Подлинная реальность образуется только памятью», — писал Марсель Пруст, имея в виду личную реальность человека. Я рада, что моя реальность изменилась благодаря скромным попыткам волонтерства.

«Папу не расстреляли — не успели. 23 августа 1940 года папино дело закрыли “за недоказанностью”»

Людмила Яковлевна
Капельницкая

Мой отец, Яков Абрамович Букштейн, был одним из тех, кто попал в жернова сталинских репрессий и чудом вырвался оттуда живым.

Папа родился в Одессе в 1899 году. Жили они с семьей в подвале. Дед, Абрам Букштейн, занимался переплетными работами. Дети в семье росли вместе с книгами, с раннего возраста любили чтение. Уважение к книгам отец передал и мне.

Когда дедушка Абрам умер во время эпидемии «испанки», папа был студентом. Тогда ему пришлось одновременно учиться и работать, чтобы помогать матери. Получив диплом инженера, он был направлен по распределению на строительство Харьковского тракторного завода.

С 1931 по 1936 год папа работал в Краматорске. Его назначили главным инженером строительства Краматорского завода тяжелого

машиностроения имени Сталина. Завод строился в чистом поле. Папа собирал в альбомы фотографии, фиксирующие ход строительства. 1800 фотографий в тринадцати альбомах. Моя мама, Мария Моисеевна, сохранила эти снимки после папиной смерти и передала в 1967 году в заводской музей. В 1936 году отец одним из первых был награжден орденом «Знак Почета» и персональным автомобилем. Вскоре папу назначили главным инженером на строительство Горьковского автозавода. Мы переехали в город Горький, сейчас это Нижний Новгород.

9 ноября 1938 года отца арестовали.

В Горьком мы жили в хорошей трехкомнатной квартире, где у меня была своя комната. После папиного ареста к нам подселили семью: супружескую пару, у них была собака. Муж с женой стали жить в спальне родителей, а в моей

Страшная 58-я статья приговора почти не оставляла надежды на папино освобождение. Его могли расстрелять.

детской они разместили собаку. Мы с мамой остались вдвоем в библиотеке. Книги и автомобиль у нас конфисковали.

Пока шло следствие, и папа содержался в тюрьме, мама старалась меня спрятать. Мне было 8 лет. Сначала отправила в Дзержинск, к папиному коллеге Митрофану Михайловичу Жуковскому. Как раз началась финская война¹, продукты с прилавков исчезли, и мы с мамой очень голодали. Помню: мама работала, а я стояла в очереди за мороженой картошкой. Через какое-то время меня перевезли в Москву, к папиному брату Михаилу Абрамовичу. Когда дяде Мише тоже стал угрожать арест, меня направили в Одессу, в семью маминой родной сестры. Тетин муж, дядя Павел, был моряком. После революции он стал комсомольцем, затем вступил в партию, и служил в военно-морском полку. Дядя Павел был смелым человеком: в те времена, когда люди переходили на другую сторону улицы, чтоб не встретиться с членами семьи «врагов народа», он не побоялся взять в семью дочь такого «врага». Дядин командир поддержал это решение.

Страшная 58-я статья приговора почти не оставляла надежды на папино освобождение. Его могли расстрелять. Мама этого с ужасом ожидала, до нее доходили слухи, что так бывает. После папиного ареста она почти ослепла на нервной почве. Исправить это удалось только после па-

пиного освобождения, когда маму прооперировал в Одессе доктор Филатов.

Папу не расстреляли, не успели. 23 августа 1940 года папино дело закрыли «за недоказанность», продержали в тюрьме еще почти полгода и выпустили 21 января 1941 года. Помню, поздним вечером я услышала, как постучали в нашу дверь. Открыла, несмотря на страх, а там папа стоит.

Подробностями о своем пребывании в тюрьме папа со мной не делился. Я видела, что он вернулся без зубов. Он рассказывал маме, как однажды лежал на нарах и наблюдал за спускающимся к нему паучком. Папа понял, что это знак какого-то известия, подумал о самом плохом: за ним сейчас придут, и все будет конечно. За ним действительно пришли, но для того, чтобы отпустить.

После освобождения папе вернули ордена и награды. Когда пришла война, отправили в Омск строить танковый и авиационный заводы.

В 1943 году ему вручили за работу орден Красной Звезды, которым тогда награждали фронтовиков. Об этом написала газета «Правда» от 11 января. Экземпляр той газеты лежит в моем архиве. В 1943 году папу перевели в Сталинград — восстанавливать тракторный завод. Город производил тягостное впечатление: руины домов, поврежденные корпуса заводов и орудий на территории предприятий и на склонах Мамаева кургана.

¹ Советско-финская война (30 ноября 1939 г. — 13 марта 1940 г.) — война между СССР и Финляндией. 23 августа 1939 года между СССР и Германией был заключен договор о ненападении. По секретному дополнительному протоколу к Договору Финляндия была отнесена к сфере интересов СССР. Советское руководство было заинтересовано в присоединении Карельского перешейка, что позволяло отодвинуть границу с Финляндией от Ленинграда с 18 на 150 км. Итогом войны стали территориальные изменения: Финляндия лишилась 11% своих территорий, граница от Ленинграда была отодвинута.

В 1943 году папу перевели в Сталинград — восстанавливать тракторный завод. Город производил тягостное впечатление.

К нашему приезду восстановили ту часть разрушенного войной дома, где мы должны были поселиться. Я хорошо помню, как в 1944 году с конвейера завода вышла первая машина. За успешную работу папа был награжден орденом Ленина.

Из Сталинграда мы переехали в Ленинград. Здесь я оканчивала школу. 9 мая 1945 года в Сталинграде мы отмечали День Победы. В послевоенные годы папа работал на Урале, затем в Москве. Здесь после тяжелой болезни он умер в 1966 году и был похоронен на Донском кладбище.

Несмотря на высокие должности, которые отец занимал, он никогда не был членом партии. Его ценили за знания. Он был настоящим патриотом. Сколько я его помню, пропадал на стройках с утра до вечера. Работа была самым важным в его жизни. Вот такой человек был мой отец.

Он трепетно относился к работе, любил общаться с рабочими, поддерживал в них стремление к образованию. Его уважали знакомые и коллеги. В такой среде я и выросла. Оканчивая школу и размышляя, кем быть, я точно знала, что хочу жить там, где идет большое строительство. В восьмом или девятом классе я прочитала роман Веры Кетлинской «Мужество» о строительстве Комсомольска-на-Амуре, и решила, что поеду только туда. Окончив с отличием институт, я попросилась в этот город на работу по распределению. Позже переехала к мужу

Валентину, которого после окончания Ленинградского политехнического института направили на Челябинский металлургический завод. В Челябинске мы прожили больше десяти лет, затем переехали в Москву.

Мне очень повезло, что я увидела отца живым после ареста, ведь многие не дождалась своих родителей. С нежностью и любовью я вспоминаю годы, проведенные с ним, его влияние на меня было огромным.

Яна Харламова:

«Записать небольшую биографию человека — очень непростое дело»

Моя волонтерская история, связанная с Музеем истории ГУЛАГа, длится уже пять лет. Я пришла в Музей, чтобы понять, как организована музейная деятельность. Но оказалось, что на самом деле пришла узнать себя. Постепенно я перешла от музейного волонтерства к социальным проектам, которые создает и реализует Социально-волонтерский центр Музея истории ГУЛАГа. Я познакомилась со многими подопечными, узнала их истории. Но мало узнать историю, ее нужно зафиксировать. И как оказалось уже в работе, записать небольшую биографию человека — очень непростое дело.

В проекте «Знаки заботы» мне повезло общаться с удивительным человеком, Кузьбожевой Софьей Ибрагимовной. 18 мая, в день ее рождения, за чашкой кофе я впервые познакомилась с историей Софьи Ибрагимовны. Так получилось, что тяготы жизни, репрессий, историческая несправедливость не озлобили и не сломили ее, она сумела сохранить свою жизнерадостность. Софья Ибрагимовна не судила и не осуждала людей, когда вспоминала, через что пришлось пройти ее семье. Моя подопечная рассказывала о своей семье и о родителях с такой огромной любовью, о которой я привыкла только читать в книгах.

В процессе общения с такими людьми, как Софья Ибрагимовна, появляется прилив сил и желание жить, не хочется тратить время впустую, переживая из-за мелких неурядиц. Мне кажется, истории подопечных Музея истории ГУЛАГа — это не просто воспоминания о жизни людей в трудные времена, это истории о том, что не надо опускать руки, что бы ни случилось.

координатор Социально-
волонтерского центра
Музея истории ГУЛАГа, Москва,
32 года

«В одной из тюрем мама даже разрыдалась: “Если расстреляли, то хотя бы сообщите!..”»

Софья Ибрагимовна
Кузьбожева

Я родилась в Казани в 1934 году. Моя бабушка, Дорогобед Мария Давидовна, родом из Винницы, была революционеркой и получила прозвище Смелая. Еще до революции всех партийных отправили во Францию — берегли кадры. Уехала и бабушка с мужем и, говорят, оказалась там в одной партийной ячейке вместе с Лениным¹. Во Франции родилась моя мама, Елена. Когда ей исполнилось семь лет, семья вернулась в СССР.

В Москве они жили в квартире на Малой Бронной: мама, бабушка и в то время уже мамин отчим, Иосиф Лазаревич Малкин. Он удочерил маму и был ей как отец, она его обожала. Бабушка и отчим тогда работали в ЦК партии, отчим был начальником управления в Наркомате внутренней торговли. Мама училась в Московском химико-технологическом институте. Еще студенткой, в Казани, она познакомилась в доме

отдыха с папой, Шикаевым Ибрагимом Ахметовичем. Мама вышла за него замуж и осталась там жить. Институт она так и не окончила.

Первым в 1935 году арестовали деда, Иосифа Лазаревича, а следом бабушку — не в Москве, разыскали ее уже в Сочи и забрали, как была, в летнем белом платье и белой шляпе. Когда бабушку арестовали, мама сразу собралась в Москву, но папа не отпускал ее, страшно ревнивым был. Позже она все-таки уехала со мной, маленькой.

В Москве мы жили в Спиридоньевском переулке. Мама ходила по тюрьмам с передачами. Уходя, она записала меня в комнате и оставляла записку в широком простенке: «Если не вернусь, не бросайте Софулю». Просить лично было опасно, с нами в квартире соседствовал сотрудник НКВД. Передачи заключенным сначала брали, но вдруг

Первым в 1935 году арестовали деда, а следом бабушку — не в Москве, разыскали ее уже в Сочи и забрали, как была, в летнем белом платье.

перестали, почему — никто не говорил. В одной из тюрем мама даже разрыдалась: «Если расстреляли, то хотя бы сообщите!..»

Позже мы узнали, что дед был обвинен в контрреволюционной троцкистской деятельности и расстрелян в 1937 году. Бабушке дали пять лет и отправили в воркутинский лагерь на реке Уса. Она рассказывала, как в легком платье шла осенним этапом из Москвы по Владимирской дороге: кто поделился варежкой, кто дал носок, кто — кофточку. Помню, как мама собирала для нее в деревянный ящик теплые вещи, мед, масло, алоэ, хотя мы тогда и сами голодали. Кажется, эта посылка до адресата так и не дошла.

Через много лет, когда бабушка освободилась, она купила репродукцию картины Левитана «Владимирка». Я не понимала ее: картина ничего не изображала, кроме пустынного тракта. А для бабушки было важно — по этой дороге их гнали этапом.

С тех пор, как мы уехали из Казани, папу я не видела. Связи с ним не было, а мама ничего не рассказывала, потому что у него там якобы появилась другая женщина. Из Москвы мама написала папе, что в Казань уже не вернется и подает на развод. А он обратился в суд с прошением не доводить дело до развода, так как «жена молода еще, неопытна».

Осенью 1939 года в газете «Правда» вышла статья о том, что преподаватель политэкономии Казанско-

го университета Шикаев Ибрагим Ахметович арестован. Писали, что во время диспута со студентами он позволил себе поставить политический вопрос «наоборот». Это сочли проявлением оппортунизма.

Теперь у мамы были арестованы и родители, и муж. Год она провела в метаниях, ожидая своей высылки. Пришло предписание освободить квартиру. Пропали все друзья: кто-то сам был арестован, остальные просто старались не встречаться. Маму долго не брали никуда на работу, а нам надо было на что-то существовать. Жили тем, что относили драгоценности в Торгсин и распродали половину вещей, в том числе наше пианино.

Маме удалось устроиться диспетчером в НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского. Помню, как она уходила на сутки, а я оставалась дома одна: во время бомбежек от страха забиралась в платяной шкаф и редела. Потом директор «Скорой помощи» Александр Сергеевич Пучков разрешил работникам брать детей с собой.

Война началась, когда я пошла в школу. Помню сигналы воздушной тревоги: около девяти вечера поднимался вой сирен. В ясные лунные ночи всегда бывали налеты. С тех пор я ненавижу луну! Мы прятались в метро на станции «Маяковская». Когда оно закрывалось, там ставили раскладушки, делали деревянные настилы в туннеле. Раскладушки предназначались для мам с грудничками, остальным

1
Ленин (Ульянов)
Владимир Ильич
(1870—1924) —
главный организатор
и руководитель
Октябрьской
революции 1917 года.
Глава советского
государства с 1917
по 1924 год.

Позже мы узнали, что дед был обвинен в контрреволюционной троцкистской деятельности и расстрелян в 1937 году...

надо было уходить на километры вглубь. Каждый — со своим узелком. Заканчивалась бомбежка около шести утра. Выходили из метро засветло, не выславшись.

Помню, как из окон Американского посольства в Спиридоньевском переулке нам бросали маленькие конфетки. Мы, дети, кидались на них, а сотрудники посольства нас фотографировали. Мы тогда ничего не понимали.

В школе у нас не было тетрадей — приходилось писать на газетах между строк. Из-за холода замерзали чернила.

В конце войны вдруг выяснилось, что у Иосифа Лазаревича были родственники в Америке. Пришел документ из инюрколлегии о том, что на маму оформлено наследство. Ну какая в то время связь с границей? Боже упаси! Она от всего молодежь шутит: упустили наследство, а могли стать миллионерами! Но они не понимают, как тогда было страшно. Об этом даже говорить нельзя было — могли донести.

Шли годы. В 1947 году бабушка каким-то образом прислала записку, что она вышла из лагеря и находится на свободном поселении. Мы с мамой поехали. Помню, что достать билеты было безумно трудно, и маме в поезде приходилось меня прятать от контролеров. На станции Ухта мама почему-то выходила на перрон, долго ждала, возвращалась в вагон, и мы ехали

дальше. Бабушка жила за Воркутой: первое время в землянке, потом отстроили поселок с бараками.

Бабушка, которая всегда была активная и смелая, нашла самоучитель по медицине, обучилась и теперь работала медсестрой. Мы провели мамин месячный отпуск у нее и вернулись в Москву.

Когда бабушку отпустили, она не имела права жить в Москве, только «за сто первым километром». Она поселилась в Александрове, а ночью втайне от соседей пробиралась к нам. Мама прятала бабушку дома. Она брала надомную работу по шитью будто для себя, а на самом деле заказы выполняла бабушка. Бабушка хорошо шила крепдешиновые платья с цветами. Соседи так ничего и не заподозрили.

Помню, возвращаюсь я из школы и вижу в нашей комнате мужчину, сидящего спиной. Я вдруг как закричу: «Папа!» Это действительно был отец! А ведь я так долго его не видела... Оказалось, папа работал бригадиром на лесоповале в Ухте, и мамина телеграмма о том, что мы едем, пришла к нему с опозданием. Он рассказывал, что в заключении испытывал и страшный голод, и пытки, ему вышибли все зубы, но тогда он и слезинки не уронил. А сейчас, когда получил эту телеграмму, — заплакал. И начальство разрешило ему уехать на три дня в Москву. Какая у меня была радость!

Теперь у мамы были арестованы и родители, и муж. Год она провела в метаниях, ожидая своей высылки.

Как я до этого всем завидовала, у кого отцы вернулись с войны, кто мог сказать «папа».

Родители договорились, что отец забирает нас в Ухту. Там я пошла в шестой класс. Ухта оказалась красивым, уютным и компактным городом. Ее называли «маленький Париж». Все строили заключенные. Кругом — тайга.

Утром заключенных водили на работу, вечером под конвоем с собаками забирали. Мы жили с мамой и папой в двенадцатиметровой комнате в доме барачного типа, позже к нам приехала бабушка. Отец должен был постоянно отмечаться в милиции, как ссыльный, и всегда носил с собой деньги, на тот случай, если его арестуют повторно.

Жили мы крайне бедно. Соседи наши оказались вольнонаемными. Бывало, идешь с водой, а соседка в нее плюет, потому что ты из семьи заключенных. Потом мы построили отдельный дом, чтобы больше не видеться с этими людьми. Папа работал экспедитором в поселке Войвож, который снабжал лесом строительство. Мама устроилась на нефтеперегонный завод в химическую лабораторию, где трудились одни заключенные. Бабушка работала медсестрой.

В Ухте был театр: почти каждый вечер привозили этап артистов. Близ Ухты располагался Сангородок: здесь работали врачи, известные профессора, к ним ездили лечиться сотрудники

НКВД, а мы в Ухте ходили в поликлинику.

Когда я приехала в Ухту, то думала, что буду там отличницей. Ничего подобного! Школа была очень хорошая, ее знали в Москве, Ленинграде и Казани. Преподаватели — жены репрессированных из Москвы, Ленинграда и Киева. Умные, необыкновенные учителя! Деревянную двухэтажную школу выстроили звездой, школьники в ней практически жили. Нам все было интересно! В 1952 году я окончила десятый класс, а продолжить обучение решила в Московском стоматологическом институте. При сдаче экзаменов в институт мы имели льготы, поэтому поступили почти все. Существовала традиция: после первого семестра в вузе приезжать в Ухту. Нас туда тянуло. Об этом времени у меня очень хорошие воспоминания.

... 1953 год, похороны Сталина. Мы, студенты Стоматологического института, шли отдельной группой к Колонному залу. На Петровке был кошмар: машины стояли кузовами к площади, там же лошади с повозками. Крик, теснота, душегубка. Недалеко от Колонного зала я пролезла между колесами машины и увидела: все пространство заполнено трупами людей. Еле спаслась. При известии о смерти «вождя» я сначала пережила такую глубокую скорбь! Как же мы будем жить теперь без него?! А мамина тетка мне сказала: «Замолчи! Народ еще узнает, что из себя представлял

Через много лет, когда бабушка освободилась, она купила репродукцию картины Левитана «Владимирка».

Сталин». Теперь я его ненавижу — за то, что люди жили в страхе, в ожидании стука в дверь ночью...

В Москве я по заданию отца часто ходила в прокуратуру — он постоянно писал прошения о реабилитации и ждал ответа. Наконец папу вызвали в Сыктывкар. Они с мамой еле наскребли денег на билеты и полетели вдвоем. Это была реабилитация. Выдали единовременное пособие. Реабилитированным стали возвращать жилплощадь. Бабушка получила в Москве комнату в коммуналке около Тишинского рынка и персональную пенсию союзного значения. Папе предложили место работы и комнату в Казани, но он отказался. Мы все вместе вернулись в комнату, которую ранее предусмотрительно выменяла мама. А многие так и остались в Ухте, не захотели уезжать.

Отец не любил нам рассказывать о том, что было в лагере. Но он восстановился в партии и был совершенно искренним партийцем, продолжая верить советской власти и читать газету «Правда». И бабушка тоже — она состояла в партийной организации в Филатовской больнице. Папа работал в Министерстве соцобеспечения, был на хорошем счету. Он оставался удивительно доверчивым человеком и говорил мне: в мире всего лишь десять процентов плохих людей, остальные — хорошие. Я обожала своего отца, он был редким человеком. С мамой они прожили в любви и согласии до конца своих дней. Как таких можно было сажать, когда этими людьми жить надо было?!

Анна Головлева:

«Каждое дело — людям, иначе — зачем?»

Последние шесть лет я работала педагогом дополнительного образования, преподавала журналистику для детей 13—18 лет. Мое педагогическое кредо хорошо выражают строки академика И. П. Иванова, изобретателя методики «коллективного творческого воспитания»:

Каждое дело — с пользой, иначе — зачем?

Каждое дело — людям, иначе — зачем?

Каждое дело — творчески, иначе — зачем?

Мы с ребятами создавали интересный и полезный контент, который, как нам казалось, мог бы помочь людям: ролики о жизни собачьего приюта, материалы о социальных волонтерах, интервью с руководителем Самарского отделения поисково-спасательного отряда «ЛизаАлерт» и другие.

В сентябре 2018 года я озадачилась поисками волонтерского проекта, в котором можно было участвовать самой. Мне рассказали, что существует Музей истории ГУЛАГа, который освещает такую важную и неоднозначную тему, как история политических репрессий. Стало интересно, поэтому я заполнила анкету волонтера на сайте Музея. Со мной вскоре связалась куратор волонтерского центра Диана Дзис. С тех пор я помогаю Музею, расшифровывая аудиозаписи и тексты для его проектов.

В 2020 году я работала над расшифровками интервью, которые вошли в первую книгу Социально-волонтерского центра Музея — о проекте «Психология заботы». На следующий год летом я спросила координатора волонтеров: «Можно я найду человека из моего города, Тольятти, чтобы его история вошла в следующую книгу?», и получила разрешение. Это оказалось сложным: двое предполагаемых участников не согласились

говорить со мной — не хотели вспоминать и афишировать свою историю. В итоге, мне кажется, я нашла интересную героиню.

Эрика Гейнриховна Лобанова гордится тем, что она — поволжская немка. 28 августа 2021 года исполнилось восемьдесят лет со дня принятия решения Правительством СССР о депортации немцев Поволжья в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. Последовавшие трагические события изменили жизнь очень многих.

Я рада, что благодаря новому проекту Музея истории ГУЛАГа «Знаки заботы» моя подопечная смогла рассказать о судьбе своего народа и своей семьи. Теперь история немцев Поволжья будет жить не только в ее сердце и памяти, но и на страницах очень важной книги. В воспоминаниях каждого героя книги — чья-то жизнь, тяжелая судьба, исповедь и боль.

Но я уверена, когда мы делимся с другими тем, что нас беспокоит и болит, у нас появляются силы пережить это и отпустить. Мы не одни, мы вместе.

«Всем говорили, что это переселение не на всю жизнь, а временное. Ехали в товарных вагонах почти месяц»

Эрика Гейнриховна
Лобанова

Мои предки прибыли в Россию в XVIII веке, во времена правления Екатерины II. До 1941 года мама, Гейденрейх Лидия Александровна, и папа, Гейденрейх Гейнрихович, жили в АССР Немцев Поволжья в деревне Ной-Мессер. Папа работал бухгалтером, мама — официанткой в столовой. В деревне Ной-Мессер жили только двое русских: специалист-зоотехник и мужчина, который женился на немецкой девушке. У родителей до войны было четверо детей: Эльвира, Карл, Элла и Альберт. С ними еще жила бабушка, София Гейденрейх, папина мама, родом из деревни Норки. После войны родилось еще трое детей: в 1951 году — сестренка Регина, потом Лидия в 1953 году и я, Эрика, в 1956 году. В те времена у многих были большие семьи. Все в папином роду были адвентистами, но мы, дети, не приняли эту веру. Деревню Ной-Мессер населяли в основном лютеране. До 1934 года был и лютеранский пастор, его

не трогали долгое время. Он научил моего отца играть на скрипке. Может, у нас в семье не было избытка в одежде и еде, но в доме звучали скрипка, пианино, мандолина, патефон, гитара и гармошка. Духовное превыше всего — так считал наш папа.

Пока была дружба с Германией, а в 1939 году подписан пакт о ненападении, сохранялось чувство, что плохого не случится. Отец вспоминал, как их отправили на военную подготовку — трехмесячные сборы, во время которых учили маршировать и петь немецкие песни. Пели на родном языке те же песни, что и солдаты в Германии: «Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren».

Когда в 1941 году началась война с фашистской Германией, российские немцы осознали, что для них не все будет ладно. Еще во время Первой мировой западные границы Украины «очищали» от немцев.

28 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

По приказу Николая II в 1916 году их должны были выселить вглубь России, но тогда помешала революция. До революции еще давали коридор для выезда, поэтому мамы родственники смогли уехать в Америку на заработки. Когда начался голод в Поволжье, от них поступала помощь. Корнями наши соплеменники росли в земли Поволжья, они были здесь дома. С началом войны создалась сложная ситуация: этнические немцы были гражданами Советского Союза. В воздухе повис вопрос: «Дети, что же с нами будет, мы ведь тоже немцы?..»

28 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В этом документе российские немцы обвинялись в том, что они не доложили местным властям о «тысячах и десятках тысяч диверсантов, сброшенных на территорию Республики Немцев Поволжья». Читаешь этот указ — мурашки по телу. Папа никогда не говорил о нем, а я узнала о его существовании во взрослом возрасте, когда стала участвовать в общественном движении немцев.

«Папа, а почему мы на Волгу обратно не едем? — спрашивала я в детстве. — Я тоже хочу немецкий учить, говорить, понимать». Папа всю жизнь читал газету Neues Leben на немецком языке. Мне очень хотелось знать родной язык. А он говорил: «В Поволжье мы не можем жить, там все время голод был». «А почему вы оттуда уехали?» — спрашивала я. Он отве-

чал: «Нас спасали от войны». Так он нас защищал, хотел, чтобы его дети любили свою национальность и не боялись говорить, что они немцы.

Когда выселяли, нагнали солдат, окружили деревню, видимо, боялись, что начнется сопротивление. На сборы давали кому три дня, а кому и 24 часа. Папа был в числе последних, тех, кто сдавал имущество в колхоз под опись. Офицер, наблюдавший за происходящим, сказал: «Нам, русским, придется нелегко в этой войне, а вам, немцам, будет еще тяжелее». В 1995 году маме была выплачена компенсация за конфискованное имущество: дом с пристройкой, две кровати деревянные, деревянный диван, два стула, ларь, стол, теленок, три козы. Оценочная стоимость изъятого имущества в ценах 1995 года составила 5 485 000, в талоне на возмещение средств, согласно распоряжению администрации Волгоградской области, стояла сумма 4 370 000 рублей.

До станции отправляли на подводах. Сопровождавшие сотрудники НКВД относились к высленцам нормально, они же видели: те же люди, только говорят на непонятном языке. Зверств и жестокости не было. Всем говорили, что это переселение не на всю жизнь, а временное. Ехали в товарных вагонах почти месяц. В дороге умирали в первую очередь старики и дети. У тети Амалии две девочки умерли, их похоронили вдоль путей. Когда это случилось, она сказала, что останется здесь и никуда не поедет, но ее загнали

Когда выселяли, нагнали солдат, окружили деревню, видимо, боялись, что начнется сопротивление. На сборы давали кому три дня, а кому и 24 часа.

в вагон и повезли дальше. Когда пропускали военные эшелоны, поезда с депортированными вставали в тупик, освобождая пути, а потом снова продолжали движение. Кормили на небольших полустанках. Наш папа был старшим по вагону: ходил за кипятком и за едой, если давали.

В октябре депортированных высадили на станции Ишим Тюменской области, куда из окрестных районов прибывали подводы. По разнарядке разбирали прибывших: «Есть бухгалтера? Есть трактористы?» — выкрикивали представители колхозов. Папа был бухгалтером, его с семьей направили в деревню Челюскино Казанского района. Пока сидели и ждали транспорт, собрали из одеял и палок шалаши для детей, разожгли костер. В дороге многие дети заболели корью, поэтому наши на вокзал не пошли, боялись заразиться.

Папа, мама, четверо детей и бабушка София стали жить в Челюскино. Пока папа работал, мама кому-то штопала, чинила или шила одежду — в то время женщины были домохозяйками. Потому и бабушка пенсии в Сибири не получала.

При выселении от немцев скрыли, что мужчин и женщин разделят, что предстоит трудовая армия. Мужчин стали увозить понемногу еще с конца 1941 года. В феврале 1942 года вышел приказ о дополнительной мобилизации мужчин-немцев в трудовые лагеря НКВД. Папу забрали сразу, маму — в 1943 году. Женщину можно было

трудмобилизовать, когда ребенок достигал трехлетнего возраста, а Альберту как раз исполнилось три года. Сердобольная женщина из села отдала маме свои валенки. В военкомате посчитали, что она тепло одета и может ехать в трудовую армию.

Бабушку Софию оставили с детьми, потому что она не подходила по возрасту — на трудовой фронт отправляли женщин до 45 лет. Пенсии у бабушки не было, а значит, и детей кормить нечем. Ей говорили: отдайте детей в детдом или по родственникам, по знакомым. Тогда многие дети оставались одни, нечего было есть, и они ходили попрошайничали по деревне, умирали от голода и холода. Бабушка вызвала из другой деревни папину сестру, Райль Клейн, и ее мужа, дядю Йорга. Дядя и тетя не подходили по возрасту для трудовой армии, и у них не было своих детей. Они приехали на подводе и забрали всех ребятшек с бабушкой к себе в деревню Степное.

Для новой жизни, точнее, для ассимиляции, всех немцев-переселенцев раскидали по три-пять семей на деревню. Местные жители видели, что к ним прибыли такие же люди. Были те, кто хорошо говорил по-русски, или как мой папа — на ломаном русском. Узнали, что это немцы из Поволжья, не из Германии, поняли, что не надо их бояться или ненавидеть. Но когда стали приходиться похорошки с фронта, местные жители боль и злобу все равно срывали на наших немцах.

«Папа, а почему мы на Волгу обратно не едем? — спрашивала я в детстве. — Я тоже хочу немецкий учить, говорить, понимать».

Мой брат Карл вспоминал, как в голодные годы войны в поисках еды осматривал помойки, чтобы найти хотя бы картофельные очистки. Один из жителей деревни, проходя мимо, сказал: «Фашистский ублюдок» — и пнул его, инвалида. Карл еще на Волге переболел полиомиелитом. Нас же приучали с детства плохое не вспоминать, прощать, а к соседям относиться как к родным.

Старшее поколение немцев виноватых не искало. Раз война — с людьми не считаются. Думали, что выселение из Поволжья спасало их от войны. Если бы отец сказал нам о том, что немцы депортированы с Волги несправедливо, как шпионы и диверсанты, он бы отравил наши детские души, озлобил, привил ненависть. Знал ли он сам о том августовском приказе? Знал, скорее всего. Но плетью обуха не перешибешь. Что можно сделать против системы, которая тебя наказывает за несовершенный еще проступок. Надо просто жить, прощать и трудиться. И наши родители трудились: папа работал на лесоповале в Ивдельлаге, в Свердловской области, а мама — в Нижнем Тагиле на заводе, известном своими танками. Позже, вспоминая восемь лет разлуки с отцом, мама укоряла его и говорила: «Ты почему мне не писал? Я думала, ты умер, или у тебя все плохо, или слишком хорошо».

На Высокогорском механическом заводе мама работала с 1943 по 1946 год. Женщины-трудармейки жили за колючей проволокой

в бараках. Правда, кормили здесь намного лучше, чем на лесоповале. На заводе они резали металл для танков. Поверх робы обматывались холщовыми тканями, чтобы искры не летели и не прожигали робу. На заводе также работали военнопленные, они подметали пол, ремонтировали что-то и говорили, что ничего не будут делать из железа против своих соплеменников: «Не хотим, чтобы от наших рук пострадали наши братья».

Мама вспоминала, что в 1943 году, по случаю очередной победы советских войск, на заводе проводился митинг. Руководство, желая придать значимость событию, обратилось к женщинам с вопросом: «Кто может петь “Интернационал”?» И вот немки-коммунистки из числа репрессированных пели его на немецком языке! Война, и где-то в Нижнем Тагиле на немецком — «Интернационал»! У мамы звучала гордость в голосе за то, что им позволили петь на родном языке.

К концу войны мама стала думать о возвращении к детям: их надо одеть, обуть, нельзя приехать с пустыми руками. В редкие выходные, чтобы заработать деньги, мама шила и вязала. Вольные рабочие из местных давали шерсть, просили связать им носки или перешить что-то. За выполненную работу мама получала шерсть и продавала связанные из нее носочки. Рассказывала, как ее учили «выживать»: когда идешь на рынок, надо не молчать, а кричать: «Носки, носки! Берите носки!»

Старшее поколение немцев виноватых не искало.

Раз война — с людьми не считаются. Думали, что выселение из Поволжья спасало их от войны.

Когда стала поступать гуманитарная помощь от США, трудармейцам на заводе выдавали американские продукты. Однажды я привезла маме из Тольятти баночку с консервированными сосисками. А она говорит: «Мы такое во время войны ели, нам американцы в больших банках присылали на завод».

Мама рассказывала, как однажды они с молоденькой немкой зашли погреться в бытовку. Разговаривали по-немецки, грели руки около печки, рядом стоял молодой человек. Одевались все одинаково, и мама не поняла, что это военнопленный. Обратилась к спутнице: «Посмотри, какой красивый молодой человек — хорошим мужем был бы для тебя». А тот вдруг засмеялся: «А я вас понял. Хотя у нас в Германии на таких диалектах не говорят. Если бы вы приехали в Германию, начали бы землю нашу целовать». Он так говорил из-за тоски по родине, но они этого не поняли. Что такое Германия? Для них родиной была Волга. И ту у них отобрали...

Папин брат ездил в Поволжье в 1970-е годы и сказал, что там ничего не осталось от нашей деревни, только бугорки от некоторых домов да несколько зданий сохранилось. Я только недавно прочувствовала, почему родители так хотели обратно на Волгу — когда ездил в Энгельс выступать с вокальной группой. Запах степи там такой свежий, пропитанный травами, полынью, глаза прикроешь, и как будто он тебя ласкает и укачивает. У мамы на родине росло восемнадцать яблонь.

Потом уже я на своей даче посадила девять деревьев: семеро детей и родители — как будто они все вернулись на Волгу.

Война кончилась, а маму все не отпускали. В 1946 году председатель совхоза написал письмо, которое ускорило ее возвращение. В справке от завода написано, что мама поступила 1 февраля 1943 года, а уволена 28 февраля 1946 года по распоряжению НКВД. По справке о реабилитации от 13 апреля 1992 года выходило, будто мама была освобождена на двадцать дней раньше. Путь домой был тяжелый. Из Нижнего Тагила мама направилась в Степное, но застряла в Свердловске — не было билетов. Вспоминаю, называла этот город страшным, бандитским: на вокзале к ней подошли с ножом и отобрали вещи, которые она приготовила для детей. До Тюмени пришлось добираться на перекладных, ехать на товарных поездах.

После трудармии маме предоставили жилье на скотобазе в Степном. Обычный коровник разделили перегородками на комнатки для каждой семьи депортированных немцев. Жили пока без папы. Мама, как могла, содержала семью: бабушку и четверых детей. После войны она все шила сама — жизнь такая была. Я в детстве даже не знала, что существуют покупные трусики, мама мастерила их нам из сатина, только маечки покупала.

Папу мобилизовали в трудовую армию на лесоповал в город

Война закончилась, а в трудовой армии продолжали держать людей. Условия были хуже, чем у заключенных.

Ивдель Свердловской области. Немцы-трудармейцы жили в землянках, на работы их вывозили в сорокаградусные морозы. Работали, кто в чем приехал, утеплялись соломой. Выполнявшие план получали шестьсот граммов хлеба, а кто не выполнял — четыреста граммов баланды. При таком скудном питании развивались дистрофия, авитаминоз и другие болезни. Папа еще в молодости был худой, ослабленный, у него даже подозревали туберкулез. Когда у него началась дистрофия, он отправился в медпункт. Там работала женщина-еврейка, бывший кремлевский врач. Она его осмотрела и сказала, что этот человек никогда не сможет выполнить норму, его нужно определить на легкие работы. И папу поставили нормировщиком.

Трудармейцы умирали один за другим: каждую ночь по несколько человек. На большой палец ноги умершего вешали бирочку и выносили в большую яму, вырытую на территории лагеря. Сверху накрывали ветками. На Урале столько безымянных костей в земле, что не дай бог!

Когда приехали проверяющие, руководство лагеря объяснило, почему не выполняется норма. Но те стояли на своем: «Как хотите, но норму чтобы выполнили!» Тогда на папином участке решили, что будут делать приписки, иначе все люди погибнут. Ну а когда лес сплавляли, выяснилось: по бумагам одно количество, а на конечный пункт пришло меньше. Руководство участка посадили на пятнадцать

лет, а папу на десять. Папа рассказывал, что для него самое страшное было — выдержать взгляды людей на железнодорожной станции, когда его под конвоем вели в тюрьму. На него смотрели как на преступника. А ведь он людей спасал, хлеб им дал...

Война закончилась, а в трудовой армии продолжали держать людей. Условия были хуже, чем у заключенных. Те по восемь часов работали, а трудармейцы по двенадцать. Колонну заключенных ведут, и они — колонне немцев: «Эй, немцы, придурки, убейте конвоира, в лагерь к нам сядете и будете по восемь часов работать».

Десять лет папа не отсидел, освобожден по амнистии в 1950 году. Была поздняя осень. Он приехал на станцию Ишим, сдал вещи в дезинфекционную камеру, а вещи сгорели. Сообщили маме. Она по всей деревне собирала одежду — кто что дал — и на быках поехала за папой, пятьдесят километров от деревни. Мама рассказывала, что первое, что сделала, — подстригла папе ногти, так как в тюрьме было нечем: нельзя было держать острые предметы. Когда вернулись в Степное, дети его не узнали: «Это не наш папа, он был молодой и красивый». А мама сказала: «Подойдите, дети, к нему, обнимите и почувствуете, что это ваш папа».

В 1956 году начались первые шаги к реабилитации — снятие с учета спецпоселения. До 1972 года действовал запрет на возвращение

В 1956 году начались первые шаги к реабилитации — снятие с учета спецпоселения. До 1972 года действовал запрет на возвращение в родные места.

в родные места: можно было уехать хоть в Казахстан или другой регион, но не в Поволжье. Были ограничения по поступлению в ряд вузов. Были ущемления по национальному признаку: в моем свидетельстве о рождении я записана как Андреевна, а не Гейнриховна; в школе для упрощения меня называли Ирой, а не Эрикой. В пятом классе национальное самосознание мое выросло, и я сказала: «По метрикам меня зовут Эрика». Учителя относились к нам нормально, тогда в каждом классе было пятеро-шестеро немцев.

В 1973 году я поступила в Тюменский государственный университет, окончила его в 1978-м. Из положенных трех лет один год отработала в деревне Степное учителем немецкого языка. Вместе с сестрой Региной мы уехали на Урал в Каменск-Уральский. Там я познакомилась с Володией Лобановым, а в 1981 году мы поженились.

Из семерых детей одна я не считаю репрессированной и потому не реабилитирована. Я родилась 1 мая 1956 года, а комендатуру сняли еще в марте. С 1989 года я состою в обществе «Возрождение», а с 1992-го — являюсь председателем его тольяттинского филиала, Регионального центра немецкой культуры «Надежда».

Наталья Козлова:

«Музей организовал проект в дистанционном формате — “Знаки заботы”. Испытывая на себе тяжесть изоляции, я сразу откликнулась на участие в нем»

Я всегда с удовольствием ходила в музей и на выставки. От друзей узнала о набирающем обороты волонтерском движении: о том, что можно не просто быть слушателем, зрителем на выставках в музее, а участвовать в их подготовке и проведении, сканировать документы, делать расшифровки аудио- и видеозаписей, помогать зрителям в залах экспозиции. Я прошла обучение в ГБУ «Мосволонтер».

Наши практические занятия были организованы в музеях Москвы, в том числе и в Музее истории ГУЛАГа. До прохождения практики я ничего не слышала о нем. Варвара Усаневич, руководитель Социально-волонтерского центра Музея, рассказала нам о возможных формах волонтерства в Музее, познакомила с историей образования Центра. Мы узнали о работе с подопечными — теми, кто пережил репрессии, о том, скольким подопечным оказывается помощь и какая именно. Я тогда подумала, что к подобной деятельности пока не готова. Занималась расшифровками, помогала зрителям на экспозиции.

Во время пандемии для психологической поддержки подопечных Музей организовал проект в дистанционном формате — «Знаки заботы». Испытывая на себе тяжесть изоляции, я сразу откликнулась на участие в нем. Работая в проекте, я познакомилась с Натальей Александровной Кудря. История ее семьи трагическим образом связана с репрессиями.

Мы стали еженедельно созваниваться с Натальей Александровной, человеком активным, неравнодушным. Она хорошо помнит свое детство, проведенное с бабушкой и дедушкой в Витебске, маму-

врача, прошедшую всю войну, репрессированного отца, на которого похожа характером.

По образованию Наталья Александровна литературный редактор. Особенно теплые воспоминания у нее сохранились о последнем месте работы — Комитете общественных связей Правительства города Москвы. В то время она много общалась с Л. И. Швецовою и Ю. М. Лужковым. Ни один документ Комитета не выходил без подписи главного специалиста, Натальи Александровны Кудря. После выхода на пенсию она продолжала работать: редактировала газету общества «Мемориал». Занималась и общественной деятельностью. Наталья Александровна — прихожанка храма Луки Войно-Ясенецкого — активно помогала в сборе подписей за его восстановление, подготовила обращение об оказании помощи в возведении храма. Несмотря на тяжелые воспоминания о детстве, Наталья Александровна нашла в себе силы и поделилась с нами своей историей.

«Как и другие бывшие военнопленные, он был объявлен предателем. “Вам надо было застрелиться”, — так сказали ему на родине»

Я родилась в Белоруссии, в городе Витебске в 1940 году. Из Витебска родом и моя мама, Нина Степановна Чепурнова. Отец, Павленко Александр Максимович, 1910 года рождения, — из Киевской области. По профессии он был инженером-электриком, а работал инженером связи в «Аэрофлоте». Так сложилось, что мама и папа недолго пробыли вместе.

Мои родители — участники Великой Отечественной войны. Мама ушла на фронт врачом, капитаном медицинской службы. Отец был призван 22 июня 1941 года через военный стол «Аэрофлота» в воздушные войска. Осенью 1941-го самолет, на котором папа служил летчиком-штурманом, был сбит противником. Отец попал в плен и до декабря находился в городе Хорол Полтавской области, где немцами был создан лагерь для советских военнопленных. Оттуда осенью 1943 года был вывезен в Австрию на работу

на завод «Сименс». Отцу удалось бежать. Для партизанской борьбы с оккупантами он организовал подпольную организацию «Натали».

Когда я была в Вене, видела документы, связанные с этой организацией. В 1945 году пленных освобождали, начался процесс репатриации. Вернулся и отец, стал жить в Ленинграде, в Лештуковом переулке. К этому времени мы с мамой уже не были с ним одной семьей. Отец устроился начальником отдела технического контроля в артель «Граммфон». Через несколько лет после возвращения в СССР, как и другие бывшие военнопленные, он был объявлен предателем. «Вам надо было застрелиться», — так сказали ему на родине.

Он был арестован 25 апреля 1949 года Ленинградским УМГБ. Дело направили в Киев. Под руководством бабушки я писала письма своему арестованному отцу.

Наталья Александровна
Кудря

По его рассказам, он был единственным в камере, кто получал весточки от родственников. Читал их вслух.

По его рассказам, он был единственным в камере, кто получал весточки от родственников. Читал их вслух. А моя фотография висела рядом на стене. Отец обвинялся по статье 54-1 «а» УК УССР¹ и был осужден Особым совещанием при МГБ СССР. Его приговорили к десяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Отбывать наказание отправили в лагерь в Средней Азии. Это было в январе 1951 года.

Я тогда жила с мамой и отчимом в Вильнюсе. Чтобы уберечь меня от преследований как дочь «врага народа», дедушка и бабушка — мамы родители — забрали меня к себе в Витебск и удочерили в июне 1953 года. Сохранилось пожелтевшее от времени свидетельство об этом. Таким образом меня спасали от лагерей.

Мой дед, Чепурнов Степан Иванович, был директором школы железнодорожников в Витебске. Школа под его руководством заняла первое место среди учебных заведений, и он получил орден Ленина. Бабушка, Чепурнова Мария Платоновна, была дворянкой по происхождению. Когда-то ее семья жила в собственном имени. Бабушка получила хорошее образование. Благодаря ее стараниям я прекрасно знаю литературу и французский язык. Когда дедушка с бабушкой ругались, дед называл бабушку — «кулачка», а бабушка деда — «батрак». В Витебске мы жили при школе в двухкомнатной квартире с удобствами во дворе. Дед с бабушкой воспитывали трех внуков: меня

и детей маминой сестры — моих двоюродных сестру и брата. Бабушка заботилась о нас, всю еду отдавала нам, внукам, а сама даже спала в кладовке. К сожалению, она потом тяжело заболела туберкулезом.

Отец провел в заключении пять лет пять месяцев и одиннадцать дней. В октябре 1954 года, когда я училась в восьмом классе, он вышел из лагеря. Его дело было прекращено производством, а отца реабилитировали. Мы с ним встретились. Он поселился в Ленинграде, и там у него появилась новая семья.

Я продолжила обучение в Москве, окончила Московский библиотечный институт, затем в Московском полиграфическом институте училась в аспирантуре по специальности «редактор книжно-журнальных изданий».

В 2001 году я получила справку о том, что признана подвергшейся политическим репрессиям и реабилитирована как оставшаяся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам.

¹ Статья 54 УК УССР являлась аналогом статьи 58 УК РСФСР и устанавливала уголовную ответственность за контрреволюционные преступления и состояла из 14 пунктов. Пункт 1 «а» статьи 54 УК УССР «Измена Родине» — расстрел с конфискацией имущества, или 10 лет с конфискацией имущества.

Мариэтта Захарян:

«Хотя мы их называли
“наши дорогие подопечные”,
я чаще сама чувствовала себя
опекаемой»

Я окончила ВГИК, мастерскую кинодраматурга Юрия Арабова. Моя профессия — сценарист, я постоянно обращаюсь в работе к сюжетам из советского прошлого. Драатургия основывается на поиске причин и следствий описываемых событий, вот почему мне особенно важно знать историю своей страны «из первых рук». Когда я писала сценарий сериала «А. Л. Ж. И. Р.» про Акмолинский лагерь жен изменников Родины¹, сотрудники Музея истории ГУЛАГа помогали с поиском материалов о женщинах в лагерях и их семьях. Это были в основном письменные источники: мемуары, письма, дневники.

Поколение людей, переживших сталинские лагеря, уже практически ушло, у нас все меньше возможностей общаться с ними лично. Но остались их дети, которые по закону, принятому в 1991 году, справедливо признаны репрессированными. На их долю тоже выпали страдания: трагедия насильственной разлуки с близкими; детство, пришедшее на годы войны и голодные послевоенные годы; сиротство. Тяжесть их положения усугублялась тем, что нельзя было ни с кем поделиться переживаниями, а ярлык детей «врагов народа» не давал дружить с теми, кто нравился, учиться там, где хотелось, заниматься тем, что по душе. Как они жили в многолетней разлуке с родителями? Как они потом с ними встретились? Лишенные родительской ласки в детстве, как потом они выстраивали отношения с собственными детьми? Обо всем этом с ними можно — пока еще можно — говорить вживую. Услышать их голоса, узнать, как они сами оценивают произошедшее с ними и страной — это бесценная возможность для меня понять что-то про «советского человека», которого я часто пытаюсь отобразить на экране. Вот почему я с радостью согласилась участвовать в проекте «Знаки заботы».

Сначала мной двигал только профессиональный интерес. Когда начались наши встречи с подопечны-

ми, я скоро забыла о своих целях и просто наслаждалась общением с интересными людьми с потрясающим жизненным опытом. Мне доставляло огромное удовольствие не только поговорить о серьезном и страшном, но и просто поболтать, попить чаю, а иногда и чего-нибудь покрепче, вкусно поесть, посмеяться. Хотя мы их называли «наши дорогие подопечные», я чаще сама чувствовала себя опекаемой.

Все они разные: кто-то продолжает одобрять советскую власть и считает, что проблема была только в Сталине и его приспешниках, а не в системе; кто-то — яростный «антисоветчик». Один сумел построить личное счастье и найти радость в детях и внуках, другой остался одинок. Но есть то, что их объединяет: прекрасное чувство юмора и любовь к жизни, сохранившиеся, несмотря на пройденные испытания. Может быть, благодаря именно этим качествам многим детям репрессированных удалось прожить такую долгую жизнь.

Не могу не восхититься своей подопечной. Я в затрапезном виде, вечно на бегу, опаздывая, заезжаю на такси за ней перед мероприятием, а она открывает дверь в наряде с черными кружевами, с макияжем и в великолепно подобранных аксессуарах. Для меня это замечательный

пример — никогда не сдаваться, не махнуть на себя рукой и даже в девяносто лет уметь наслаждаться жизнью! Другая моя подопечная сказала об удивительном долголетию детей репрессированных так: «За то, что отняли жизнь у наших родителей, нам досталось жить дольше». На это я могу сказать только: дай бог всем вам прожить как можно дольше!

Дети репрессированных — это в основном поколение рожденных в 1930—1940-е годы. Людмила Сергеевна Астафьева среди подопечных самая молодая, она родилась в 1950 году. Ее отец попал в лагерь, когда страну накрыла волна повторных арестов и шпиономании. Людмилу Сергеевну нельзя назвать ни «пожилкой», ни тем более «старушкой»: всегда прекрасно выглядит, очень элегантна и ухожена. В свои семьдесят один она живет такой активной и наполненной жизнью, что нам иногда трудно было назначить дату следующей встречи — настолько плотный у нее график.

Общение с Людмилой Сергеевной было особенным, часто во время интервью мы затрагивали болезненные вопросы: о встрече с родителями после лагеря, о совместной жизни после долгой разлуки, об отношениях с детьми. Другие мои собеседники часто уходили от ответов, сказав что-то односложное или повторяя по кругу рассказанное ранее, спешили свернуть на менее тяжелую тему. Людмила Сергеевна же с самого начала досконально расспросила меня, о чем и в каком объеме мы будем говорить, и потом тщательно придерживалась составленного плана, раскрывая намеченные темы. К каждой встрече она готовилась заранее. Мне оставалось только внимательно ее слушать и изредка что-то уточнять. Здесь вы прочтаете лишь небольшой фрагмент из ее рассказа. Людмила Сергеевна собрала материал,

которого хватит на целую книгу, и мы надеемся, что ей удастся довести эту работу до конца.

История Сергея Баронина, отца Людмилы Сергеевны, отличается от историй других репрессированных: в ней огромное место занимает семья. Всю жизнь, кроме проведенных в неволе лет, он прожил в родных местах — где родился и вырос — в окружении многочисленных родственников. Это редкий пример большой семьи, которую не разметало по разным сторонам ни в революцию, ни в коллективизацию, ни в годы войны, ни позже... Большинство ее членов остались на родной Тамбовщине. Кажется, именно укорененность в семье, на своей земле, в своем деле — и дала силы Сергею Баронину выстоять, выдержать все удары судьбы.

Я благодарна проекту «Знаки заботы» за возможность, общаясь с подопечными, учиться у них ценить жизнь, помнить о своих родителях и не держать зла на тех, кто причинил обиду. Участвуя в проекте, я узнавала не только, что такое «советский человек» и «советская история», но и о природе Человека вообще, о том, что волнует каждого из нас.

1
АЛЖИР
(Акмолинский лагерь
жен изменников
Родины) —
Акмолинское
отделение
Карагандинского
ИТЛ, специально
созданное в 1937 году
лагерное отделение
для жен «изменников
Родины»,
арестованных
по приказу наркома
внутренних дел
Н. И. Ежова №00486.
Сами женщины
дали лаготделению
неофициальное
название — АЛЖИР.

«Моего отца признали “врагом народа” и в июле того же года вынесли приговор: двадцать пять лет лагерей и пять лет поражения в правах»

О своем отце, Сергее Степановиче Баронине, я хочу написать книгу воспоминаний и решила, что назову ее «По следам моего отца». Мне хотелось бы собрать в ней все факты и свидетельства того времени, в котором он жил, чтобы будущие поколения смогли по этим воспоминаниям приблизиться к непростому опыту, который выпал на долю человека в XX веке — веке великих бедствий и катастроф.

Мой отец родился в 1922 году. Как подсчитали ученые, только два процента мужчин, рожденных в этом году и в 1941-м ушедших на фронт, вернулись с войны. Мой отец вошел в эти два процента. Это говорит о нем как о человеке неординарном, обладающем особенным везением. Он пережил не только войну. Ему пришлось пройти и немецкий плен, и лагеря ГУЛАГа. Он часто оказывался между жизнью и смертью, но все-таки выжил. Кроме везения природа

наделила его хорошим здоровьем, а также многими талантами: у него была отличная память, прекрасный музыкальный слух, хорошие ораторские способности, он отличался абсолютной грамотностью, и, что крайне редко встречается у мужчин, у него был каллиграфический почерк. Все эти данные не раз выручали отца в сложных обстоятельствах.

Родился он в селе Покровское-Васильево Пичаевского района Тамбовской области, большую часть своей жизни прожил на родной Тамбовщине. Он вышел из крепкой крестьянской семьи, в которой было девять детей. Мой отец — пятый. С самого детства у него была огромная тяга к учебе, к самосовершенствованию. Он единственный из детей в семье получил высшее образование. В 1929 году, в возрасте семи лет, пошел в местную семилетнюю школу. Там учился до 1936 года, после чего поступил в педагоги-

Наш народ привык доверять власти. Если забрали, арестовали, осудили и посадили — значит, виновен.

ческое училище города Моршанска на факультет иностранных языков. К тому времени отец был уже круглым сиротой, все его братья и сестры или разъехались, или сами имели большие семьи, поэтому помогать ему не могли. Отец рассказывал мне, что постоянно чувствовал себя полуголодным и после учебы подрабатывал, помогая жителям города по хозяйству. Несмотря на трудное финансовое положение, училище окончил с отличием.

Отцу предложили продолжить обучение в Ленинградском университете. Он отправился в родное село посоветоваться с родными. Те решили, что материальное положение семьи не позволяет ему учиться дальше. Отец остался у себя на родине и устроился в местную школу по специальности, учителем немецкого языка.

По достижении призывного возраста отец поступил в Могилевское военное мотострелковое училище. Перед войной подготовка офицерских кадров шла ускоренными темпами. 12 июня 1941 года отец окончил училище в звании лейтенанта и сразу был направлен в Белостокскую область в укрепленный район командиром пулеметного взвода. В этом качестве он пробыл всего десять дней. 22 июня армия Гитлера напала на Советский Союз, пересекла границу, как раз в тех местах, где служил мой отец. Восемнадцатилетними неопытными бойцами отец и его товарищи приняли первые удары противника на себя. Почти сразу же, в первом бою, отец был

контужен. Очнувшись, он нашел нескольких своих сослуживцев. Передвигаясь по ночам, они попытались пробиться на восток к советским войскам. Вышли на польский хутор и оставались там. В 1942 году во время проверки документов отец был арестован и отправлен в немецкий концентрационный лагерь в Пруссию.

Находясь в немецком плену, отец в течение трех лет работал: в усадьбах у немецких помещиков — на уборке урожая, в 1943 году — на авторемонтном заводе, затем был направлен на шахту по добыче бурого угля, где проработал до 1944 года.

Так как отец знал немецкий язык, очевидно, к нему часто обращались другие военнопленные с просьбой помочь им: что-то узнать, рассказать, установить контакт с местным населением. По мере наступления советских войск немцы перемещали военнопленных за собой, отступая вглубь страны. Во время такого перегона в апреле 1945 года был освобожден из немецкого плена мой отец. С территории Германии он был направлен в Житомирский лагерь, где проходил проверку до ноября 1945 года. Во время допросов отец скрыл тот факт, что привлекался к работе в качестве переводчика, и его отпустили. Отец вернулся домой; он спасся от немецкого плена, избежал советских лагерей. Для семьи было чудом увидеть его живым, ведь во время войны на него пришла похоронка. Так рассказывала мне его сестра Полина.

Ему пришлось пройти и немецкий плен, и лагеря ГУЛАГа. Он часто оказывался между жизнью и смертью, но все-таки выжил.

Не теряя времени, отец направился в школу, где преподавал до войны немецкий язык. Директор школы приняла его на работу, несмотря на то что тот побывал в плену. Вероятно, возвращение моего отца дало ей надежду на то, что и своего мужа, на которого получила похоронку, она еще увидит. В школе в это время работала учительницей математики Александра Филина из соседнего села — моя будущая мама. Так судьба свела родителей, в 1947 году они поженились. В 1948 году появился первенец — мой старший брат Геннадий. А через год и девять месяцев, в мае 1950-го, родилась я.

Отец учился на заочном отделении Тамбовского педагогического института — учился отлично. Его арестовали, когда он приехал в Тамбов, чтобы сдать последнюю сессию за пятый курс. Это случилось 20 марта 1951 года. В стране шла новая волна зачисток — выполнялся план по выявлению «врагов народа». Отцу устроили перепроверку: выясняли, какой деятельностью он занимался в плену, не сотрудничал ли с немцами. По делу проходили пятеро свидетелей. Их специально привезли из разных лагерей и допрашивали снова и снова. Моего отца признали «врагом народа» и в июле того же года вынесли приговор: двадцать пять лет лагерей и пять лет поражения в правах.

Это был удар для всей семьи. После ареста отца отношение к нам, родственникам «врага народа», сразу изменилось.

Наш народ привык доверять власти. Если забрали, арестовали, осудили и посадили — значит, виновен. Был в плену, знает немецкий язык, работал переводчиком — значит, «сотрудничал». Родная сестра отца, Мария, работала тогда секретарем в районном военкомате. Ее тут же уволили. Другая сестра отца — Полина, та, что заменила рано осиротевшим братьям и сестрам мать, — в то время была беременна. Она так переживала за брата, что на следующий день после его ареста у нее случились преждевременные роды.

Я не помню отца, мне тогда было десять месяцев. Но помню атмосферу, которая царилла дома в моем детстве: тягостная, тревожная. Нам никто не объяснял, почему это так, но тяжесть витала в воздухе. Все были подавлены. Я помню: стою в проеме окна, меня держит мамин младший брат, на мне голубое байковое платье с воротничком и одним кармашком. Он меня держит, а я смотрю в окно и жду, когда придет мама. Ни игр, ни развлечения в детстве я не помню, только тоску и одиночество, и постоянное ожидание. Мама всегда была очень сдержанная и терпеливая, но дома часто давала волю слезам. Видимо, ей очень тяжело было работать в коллективе в окружении подозрительности и осуждения. К тому же она постоянно беспокоилась, не арестуют ли ее, ведь было время, когда жены «врагов народа» тоже попадали в лагеря. Она обратилась в прокуратуру с вопросами: «Что теперь будет со мной? Что делать с детьми?»

Невиновен! Но в нашей стране невиновен — не значит свободен.

Как мне жить?» Ей ответили: «Работайте, вас никто не тронет».

Перечитывая протоколы допросов отца, убеждаешься, насколько обвинение было «высосанным из пальца». По тому, как велись допросы, видно, что изначально преследовалась лишь одна цель — выполнить и перевыполнить намеченный план по выявлению шпионов, коллаборационистов и прочих подозрительных лиц. Примечательно, что отец не падал духом, несмотря на страшный приговор. 5 сентября 1951 года он написал жалобу, добился доследования по делу. Приговор остался в силе, но отец не сдавался. Активный и образованный, он продолжил писать петиции, заявления, ходатайства. Наконец подал кассационную жалобу на имя председателя Совета Министров Маленкова. Жалоба отца была удовлетворена. В 1954 году дело отправили на пересмотр.

По иронии судьбы его дело было передано тому же следователю. В 1951 году он добился для отца срока в двадцать пять лет, теперь при пересмотре дела в 1954-м резюмировал: «Невиновен!» Сталин умер — и все изменилось. Те же показания отца и свидетелей следователь теперь трактовал по-другому: да, помогал с переводом, но помогал своим же, русским, а не сотрудничал на особых условиях и никаких привилегий от немцев не имел. Как и другие, работал на тяжелых работах. Невиновен! Но в нашей стране невиновен — не значит свободен. Ему скостили срок —

вместо двадцати пяти лет дали десять с последующим поражением прав на пять лет. Спустия время срок был сокращен до пяти лет, которые к тому моменту истекли, и отец вышел на свободу. Вот так невинный человек в итоге отсидел свои пять лет — и это мы называем «везением».

С самого первого дня ареста отца между родителями велась активная переписка. Мы регулярно получали папины письма, написанные аккуратным каллиграфическим почерком. Мама читала их вслух, и это было счастье. Он называл нас ласковыми именами: Геночка, Людочка. Расспрашивал про наше обучение, развитие. Пытался поддержать маму, которой тяжело было тянуть на себе семью из трех человек и няню, которую тоже надо было кормить и содержать. Обойтись без помощницы мама не могла, так как с утра до ночи работала в школе. Благодаря письмам отца у нас создавалось ощущение, что он всегда присутствует в нашей жизни. Мама поддерживала эту уверенность в нас. Я знаю, что были семьи, которые отказывались от родных. Одна знакомая с гордостью заявила, какая умная была ее мать: когда отца арестовали, она всем сказала, что он погиб, и этим вроде как облегчила жизнь детям. У нас было не так. Стараниями мамы в семье создавался, можно сказать, «культ отца». Мы ждали любых весточек от него, как самого большого праздника. Жаль, что письма из лагеря не сохранились, только одно: письмо от мамы отцу. В нем она писала, что мы готовимся к школе, и нужна

С самого первого дня ареста отца между родителями велась активная переписка. Мы регулярно получали папины письма.

форма, портфели, обувь. Отец беспокоился за нас, и это беспокойство, думаю, придавало ему силы выживать — ради нас.

Отец отбывал срок в Камышлагае, в Омской области. В лагере ему снова повезло: со своим каллиграфическим почерком он смог устроиться в почтово-посылочную группу. Работа там предполагала заработок и возможность чаще отправлять письма родным. Одновременно он преподавал немецкий язык в лагерной вечерней школе. Это позволяло отцу раз в полгода присылать посылки семье. Он старался подгадать их приход к нашим дням рождения. Я помню свою первую куклу — красивую говорящую куклу в коробке — подарок отца ко дню рождения. Радости не было конца! Я ее поднимала, и она говорила: «Ма-ма». Возможно, это было в 1953 году, когда мне исполнилось три года. Кукла была очень дорогой, отец потратил на нее все деньги, которые смог заработать. Я это запомнила на всю жизнь. Благодаря его посылкам и письмам мы представляли, что папа есть, что он жив, и ждали его.

Вернулся отец летом, в июне 1956 года. Мне только исполнилось шесть лет. Я отчетливо помню первую встречу с отцом. Была летняя глубокая ночь. Все спали. И вдруг — стук в дверь. Мама открыла дверь, как будто знала, что это он, ее Сережа, вернулся. Бросилась к нему на шею. Проснулись мы, дети. Сон как рукой сняло. Хорошо помню, как я забираюсь на колени к отцу, обнимаю его

и сижу в таком положении, не отрываясь, до самого утра. Помню шепот родителей — видимо, к рассвету я стала засыпать, и родители говорили тихонько, чтобы меня не разбудить. Я слышала сквозь дрему, как отец рассказывал о себе.

Все детство мы жили в атмосфере отторжения, никто у нас не бывал, не общался с нами, не поддерживал и не жалел маму, кроме ее родственников. Для меня было странно, что уже на следующий день после возвращения отца стали приходить люди. Дни и недели в наш дом шли и шли люди. Я не понимала, почему это. Родные, друзья, родители папиных учеников, сами ученики. Все сразу изменилось. Люди приходили, чтобы проявить свое уважение, чтобы сказать «с возвращением!», поздравить, увидеть и обнять отца и порадоваться вместе с нами.

Пришел и человек, который, как оказалось, писал на отца доносы. Его жена работала на почте, через нее приходили все посылки от отца. Она будто разделяла с нами радость общения с отцом и как могла помогала этой связи: старалась поскорее сообщить о посылках или сама приносила их домой. Она не знала, что папу посадили из-за ее мужа. Как только отец вернулся, этот человек во всем ему признался: после войны он, оказывается, следил за ним. Рассказывая об этом отцу, плакал. Но отец не держал зла на этого слабохарактерного человека, которого вынудили так сделать. К тому же

Люди приходили, чтобы проявить свое уважение, чтобы сказать «с возвращением!», поздравить, увидеть и обнять отца.

еще во время следствия папа узнал о доносах и видел их.

После освобождения отец захотел вернуться в свой институт. По закону бывшим заключенным образование не всегда было доступно, но так как отец был отличником, он смог закончить обучение. Его имя было занесено на доску почета родного Тамбовского пединститута. Первые годы папа работал в школе в сорока километрах от дома, в селе Конищево. В родной школе его место, видимо, было занято. В то время с транспортом на Тамбовщине было сложно, отцу приходилось снимать жилье рядом с работой, а дома он бывал только в выходные дни. Когда наступали дожди и холода, то и в эти дни мы его не видели. Позже отец купил себе мотоцикл, чтобы приезжать к нам. Родителям было нелегко, но жизнь шла своим чередом, и в 1958 году в нашей семье произошло прибавление — родился мой брат Виталий. Дом, в котором мы жили, стал мал для большой семьи, и отец с мамой начали строить другой. У этого дома отец потом заложил яблоневый сад. Началась новая глава нашей жизни.

Папа прожил восемьдесят два года. Я помню нашу последнюю встречу. Тогда я жила уже в другом городе. Я пошла по стопам родителей: работала преподавателем. Отец болел — онкология. Когда мама позвонила и сообщила, что отцу плохо, я принимала экзамены у студентов. Я ответила: «Приму экзамены и приеду». Но мама сказала: «Люда, это же отец!» Я все бросила и примчалась.

Отец лежал в больнице под капельницами. У него были такие тонкие сосуды, что медсестра строго-настрого запретила ему двигаться — вены рвались. Я сказала: «Папа, подожди, я приму экзамены и через неделю приеду надолго, сама буду тебе делать уколы. Я тебя подниму!» Мы попрощались. Когда я выходила из палаты, то спиной почувствовала взгляд и обернулась. Папа, несмотря на запрет врача, приподнялся на постели и махал мне. Той же ночью, когда я ехала в поезде в Москву, он умер.

Мой отец был одаренным, творческим человеком. Главная его заслуга в том, что все свои таланты, которыми так щедро одарила его природа, он смог развить и применить в жизни, сумел найти и воплотить свое жизненное призвание. Он стал выдающимся педагогом, его творческая методика преподавания иностранного языка была высоко оценена и широко применялась не только в родном Тамбовском крае, но и в столице. Имя его много лет значилось на почетной доске работников Тамбовского педагогического института — того самого института, откуда его сначала забрали, и куда он, несмотря ни на что, вернулся. Близкие называют моего отца «везунчиком». А я говорю: как повезло нам, его родным, что ни война, ни рок, ни произвол властей не смогли отобрать у нас этого замечательно-го человека, который был и всегда остается вдохновляющим примером в жизни.

Опыт создания творческих проектов: наметьте план исследования семейного прошлого

От общения к созданию

Каждый, кто общался с человеком другого поколения (а уж тем более с людьми 1920—1940-х годов рождения), знает: в их рассказах, воспоминаниях содержится много мудрости, советов, размышлений, бытовых мелочей, смыслов. Все это мы можем игнорировать или выборочно запоминать. А можем использовать для того, чтобы лучше понять прошлое, историю страны, да и самих себя в историческом контексте.

Немногие из нас имеют роскошь общения с пожилыми людьми. Вопросы про прошлое нашей страны у многих формируются только тогда, когда их бабушки и дедушки уже ушли из жизни. Спросить про то, как жили, что чувствовали, о чем думали, не у кого. Вопросы, адресованные к прошлому, остаются без ответа.

Опыт общения с пожилыми людьми, запись их историй, диалоги о прошлом могут существенно расширить кругозор, знания о человеке в контексте XX века. Практики общения молодых людей с представителями других поколений — уникальная возможность осмысленно отнестись к прошлому.

Любое общение при должном анализе, рефлексии будет полезно. Но если общение с представителями старшего поколения постараться направить в деятельную составляющую, то знание истории семьи и истории страны перейдет на качественно иной уровень.

Услышанная история о дереве, посаженном в честь рождения бабушки, может вылиться в организацию семейной экспедиции по поиску этого дерева. Записанная история о знакомстве родителей может лечь в основу анимационного фильма (мультфильма). Высказанные в диалоге переживания и даже боль о потере, гибели родного человека могут стать основой для «мемориальных действий»: установки памятной таблички, создания арт-объекта, организации домашней выставки, посвященной ушедшему из жизни человеку. А может и вовсе стать поводом для сбора и общения семьи. А если и сбор семьи организован не в стандартном формате застолья — то шансов на более неформальное общение с родственниками будет больше.

Общение с неродными людьми, прошедшими XX век, также может стать поводом для выбора формы деятельности и общения с прошлым. Услышанный в воспоминаниях сюжет при должном подходе может вдохновить на создание спектакля, разработку настольной игры, графической новеллы (комикса), запись аудиогuida по определенному маршруту.

Если у вас будет базовая установка, принцип: любое общение с представителем старшего поколения должно служить какой-то деятельности, иметь некий осязаемый результат, то знакомство с прошлым и его осмысление станет насыщенным и будет приносить пользу другим.

Попробуем рассмотреть алгоритм того, как может осуществляться взаимодействие с прошлым. Предположим, что исходная точка —

это общение с нашими пожилыми родными, взаимодействуя с которыми, мы получаем колоссальное количество данных, материалов. Запись воспоминаний, различные тексты, документы, фотографии и их аннотации, истории и нетривиальные сюжеты, используемые только в семье фразеологизмы, знания о семейных захоронениях, информация о семейных травмах и трагедиях, предметы обихода и быта с рассказами о них. Эту цепочку материалов («даров»), получаемых от общения с пожилыми людьми, можно продолжать до бесконечности. В этом контексте даже гардероб человека (платья, костюмы) или домашняя библиотека может стать основой для поиска смыслов и дальнейшей деятельности.

Шаг 1. Ревизия

Для начала необходимо понять, что есть. Какие материалы, какие истории, какие предметы окружают наше общение с пожилым человеком. Для понимания всех «объемов» надо познакомиться с домашним архивом и той информацией, которая содержится в воспоминаниях человека (при условии, что мы их записали, зафиксировали). Часто неформальное общение и искренняя заинтересованность в истории человека и в знакомстве с его жизненным путем дает возможность найти то, что дальше ляжет в основу формы фиксации истории. При такой ревизии важно смотреть широко, понимая, что даже традиционные маршруты по району, в котором человек живет длительное время, могут дать дополнительный интересный материал. Ревизия всех данных и материалов может сопровождаться составлением списка, реестра, «банка данных». Когда есть зафиксированное и перечисленное — то с ним легче работать, и это все легче анализировать.

Шаг 2. Анализ и отбор

Важным шагом является анализ того, с чем мы столкнулись в знакомстве с судьбой и жизнью человека, историей семьи. Важно во всем количестве историй, текстов, артефактов, документов найти то, что лично нас вдохновит на деятельность. Ведь только то, что лично нас радует и делает позитивной нашу работу, может быть качественно реализовано и — что немаловажно — завершено.

Анализ всех материалов может сопровождаться проработкой плюсов и минусов использования того или иного текста, воспоминания, фотографии, сюжета. Важно понимать перспективу этих данных. Можно ли из этого вытащить то, что будет интересно и более широкому кругу лиц? Что может кого-то вдохновить и заставить задуматься, а может и вовсе заставить улыбнуться или взгрустнуть, начать ценить что-то?

Простой анализ может выглядеть вот так:

Критерии (могут быть придуманы самостоятельно)	Визуально/медийно	Важно для самого человека	Интересно другим	Метафорично	Поучительно	С юмором
Пример исходного «материала»						
Фотография семьи	+	+	-	-	-	-

Критерии (могут быть придуманы самостоятельно)	Визуально/медийно	Важно для самого человека	Интересно другим	Метафорично	Поучительно	С юмором
Перечень фразеологизмов семьи	–	+	+	+	+	+
История знакомства бабушки и дедушки	–	+	+	+	+	+
История эвакуации бабушки	–	+	+	+	+	–
Дедушкина коллекция винных этикеток	+	+	+	–	–	+
Альбом с рисунками	+	+	–	+	–	+
Переписка бабушки и прабабушки периода войны	+	+	+	+	+	–
Старая телефонная книжка и записанные там номера и имена	+	+	+	+	+	+

Любой архивный предмет, материал, который оказался у нас в руках и в поле нашего внимания, можно разложить по разным критериям. Эти критерии можно разрабатывать самостоятельно под каждый отдельный случай взаимодействия с человеком, семейной историей.

Заполнение подобных таблиц позволит подойти к имеющемуся материалу с попыткой сразу обдумывать — как можно эти истории, артефакты использовать.

Шаг 3. Выбор формы

Выбор формы использования услышанного, изученного материала истории конкретного человека или истории семьи связан с дальнейшей деятельностью по изучению прошлого. Выбирая ту форму, которую мы можем «придать» материалу, необходимо исходить из того образа, того результата, который мы видим, который доставляет нам радость. В голове сразу начинает складываться прототип того, что может получиться.

Узнали об истории участия своего предка в освоении целины, записали интервью, задали вопросы, получили видеозапись интервью, посмотрели вместе документы о награждении за участие в этой кампании, оцифровали письма с целины родителям, зафиксировали эмоции человека... И, казалось бы, что с этим можно сделать? Но если мы знаем, что этот полученный материал может лечь в основу разных форм (см. таблицу ниже), то на ум придет несколько разных вариантов итогового результата.

Эпопею с освоением целины вполне можно использовать для создания настольной игры или же для съемки мультфильма, где закадровый голос — это аудиозапись воспоминания, а визуальная часть — «ожившие» предметы, документы, фотографии.

Познакомьтесь с примерами таких форм, которые упомянуты в таблице. Все, что получено в результате общения или изучения семейного архива, может лечь в основу разных форм.

1
Зин, или иначе zine — сокращение от англ. magazine (журнал). Это любительское малотиражное издание на любую тему. Так называют современный «самиздат», не имеющий никаких рамок и правил. Смысл — в уникальности книг, ведь их либо самостоятельно печатают небольшим тиражом, либо и вовсе собирают вручную.

2
Лонгрид (англ. longread; long read — букв. «долгое чтение») — формат подачи журналистских материалов, спецификой которого является большое количество письменного текста, разбитого на части с помощью различных мультимедийных элементов: фото, видео, инфографики и прочих. Формат лонгрида в большей степени адаптирован к электронным носителям.

3
Это техника создания анимационных фильмов, в которой объекты физически обрабатываются с небольшими интервалами между отдельными кадрами, чтобы они, казалось, демонстрировали независимое движение или изменялись при воспроизведении серии кадров.

Употребляющиеся в конкретной семье слова, смысл которых не могут понять другие люди, могут войти в словарик таких фразеологизмов. И этот словарик можно сделать в форме рукотворной книжки и издать малым тиражом (зин¹). Также эти слова могут послужить материалом для карточной игры наподобие игр «Ерундопель». А если эти слова использовать для создания семейной выставки с подбором предметов и написанием сопроводительных текстов, то фразеологизмы и то, что за ними скрывается, будут будоражить память и заставлять задумываться новые поколения о смыслах такой информации.

ФОРМЫ	Мультфильм	Лонгрид ²	Книга (зин)	Комикс (графическая новелла, роман)	Настольная игра	Выставка
Перечень фразеологизмов семьи						
История знакомства бабушки и дедушки						
Старая телефонная книжка и записанные там номера и имена						

В таблицу можно записать еще огромное количество разнообразных форм: от создания арт-объектов и граффити до аудиогидов; от семейной экспедиции до прорисовки стикеров для мессенджеров.

Даже простая работа по созданию фотокнижки может вдохновить на творческий поиск и на использование различных инструментов дизайнера для более содержательного раскрытия смыслов, которые стоят за каждым снимком.

Выбор формы работы с содержанием истории человека или семьи может не ограничиваться тем, что каждый из нас умеет. Важно видеть в работе с разными формами зону роста и возможность развиваться. Поэтому, выбирая форму, надо уметь выбрать и то, что может дать новый импульс и будет интересно для освоения. Например, человек хочет сделать лонгрид об истории деревни, в которой росла его мама, бабушка, дедушка. Но если он этим не занимался, у него будет возможность получить новые знания.

Шаг 4. Обучение новому

Работа с семейной историей — хороший повод научиться чему-то новому. Как показывает практика, мотивированное обучение приносит более качественный результат. А семейная история и заинтересованность в ее изучении позволяет включиться в деятельность и творчество с высоким уровнем мотивации. На этом заряде мотивации можно успешно обучаться новому делу.

Решив создать что-то на основе материалов семейной истории и поняв, что это требует дополнительных знаний, важно осознать, чему именно необходимо научиться, чтобы реализовать свой проект.

Если есть желание снять мультфильм про знакомство своих родителей, но нет понимания, как работают приложения для съемки стоп-моушен³

фильмов, то необходимо этому научиться. Посмотреть обучающие видео, пообщаться со знающими людьми, увидеть образцы и примеры. Можно даже найти себе куратора из числа друзей, кто сможет давать обратную связь по итогам выполнения разных этапов работы.

Каждый раз, когда ставим себе задачи в освоении новых навыков, мы развиваемся и становимся более осведомленными в выбранном направлении. А когда получаем результат — завершённый «продукт»: мультфильм, книгу, лонгрид, аудиогид, арт-объект; то с особым трепетом показываем его не только близким и героям этого проекта, но и другим людям. Именно они, вдохновившись вашей работой, могут сами сделать что-то интересное уже о своей семейной истории.

Шаг 4. Поиск примеров

В логике создания творческих продуктов нет ничего сложного, если заинтересованно к этому подходить. Но всегда нужны примеры для того, чтобы можно было ими вдохновляться и даже что-то подсматривать. В этой сфере не надо бояться что-то копировать, особенно если вы делаете что-то внутри сообщества или семьи. Но если вы особо цените то, что подсмотрели у какого-то автора, художника, создателя — поблагодарите его в титрах мультфильма, тексте книги, в рассказе о своей работе. Или просто напишите ему в социальных сетях. Многим важно знать о том, что их примеры вдохновили других на изучение локальной истории, истории своей семьи или конкретных людей.

Шаг 5. Создание

Описывать процесс создания творческого продукта — дело благодарное, так как любой дошедший до этого шага обладает желанием сделать важное содержательное дело. И в этом деле он уже приобретает статус эксперта. Создание фильма или книги можно разложить на этапы и каждый из них описать. Но самое главное в создании творческого продукта — это понимание того, кому это нужно больше, чем вам. Может, это дедушка, у которого вы взяли интервью, а может, это ваш еще маленький ребенок, который сможет увидеть результат вашей деятельности только через несколько лет и будет относиться к нему как к семейной реликвии.

В создании творческого продукта можно опираться на друзей, приглашая их участвовать, родных и близких героев истории. Можно спрашивать мнения у тех, кто уже делал подобное.

От создания к пониманию

Опыт создания творческих проектов можно назвать успешным тогда, когда созданное становится востребованным другими людьми.

Часто сделанная в семье настольная игра по мотивам передвижений родственников по стране в XX веке или текстильная книга (где каждая страница — это рассказ о конкретном человеке) становятся семейными реликвиями.

Во многих семьях подобные артефакты являются важной частью диалога о прошлом и с их помощью можно менее формально общаться с представителями следующего поколения.

Используя все тот же поиск форм и совместную деятельность с самыми юными членами семьи, можно начать говорить даже на самые сложные темы прошлого и прорабатывать травмы, организовывать диалог между поколениями.

Для большинства история предков кажется чем-то само собой разумеющимся. Многие из нас уверены, что наши дети прекрасно знают своих родственников, ведь «мы так много им о них рассказывали», ведь «мы же вместе на шествие Бессмертного полка ходили». Но спросите своих детей, а может, и сами ответьте на вопрос «Сколько у тебя было прадедушек?», и вы поймете, что и сами не с ходу сможете на него ответить. И уж тем более трудно будет вспомнить имена-отчества прабабушек и прадедушек, не говоря уже о местах рождения и местах захоронений.

Давайте попытаемся описать идеи организации диалога между прошлым и настоящим (между старшим поколением и младшим) через разные формы деятельности.

Но для того, чтобы эти идеи воплотить в жизнь, надо придерживаться нескольких правил, своего рода принципов.

Правило 1. Самому интересоваться историей семьи (не только своих предков, но историей семьи супруга/и).

Правило 2. Дать дорогу творчеству и инициативе.

Правило 3. Бережно относиться к артефактам семейной истории.

Правило 4. Не бояться доставать старые и пыльные коробки с антресолей.

Правило 5. Совместно не только смотреть, но и делать, посвящая этому значительную часть времени.

Правило 6. Излишне не героизировать историю семьи.

Правило 7. Внимательно относиться к судьбам, казалось бы, не примечательных предков.

Каждая семья самостоятельно определяет степень включенности в работу с семейной историей. У всех разные домашние архивы. У кого-то есть старинные документы и фотографии, а у кого-то их нет. У одних в роду были генералы и герои, а у других крестьяне, но между тем каждый из них заслуживает равного отношения и понимания, что это часть истории семьи и без каждого из них, возможно, не сложились бы судьбы сегодня живущих.

Перечисленные идеи могут быть взяты вами за основу, и вы самостоятельно можете придумать что-то иное, свое, более творческое или подходящее для вашей семьи, ваших детей, для места, в котором вы сегодня находитесь.

Начните с малого.

Совместная аннотация старых фотографий

Достаньте старые альбомы или цифровые сканы фотографий. Посмотрите на их состояние. Приведите альбомы в порядок. Совместно с детьми начните их рассматривать и попытайтесь рассказывать о фотографиях, людях, местах. Если фотографии не подписаны, аккуратно карандашом подпишите снимки (чтобы не испортить). Если у вас есть групповые снимки (школьные классы, рабочие коллективы), найдите на них своих родственников. В случае если вы не хотите вносить пометки карандашом в альбоме или на обратной стороне снимка, вы можете поставить камеру или смартфон и снять это на видео. Ваш ребенок может стать на это время даже оператором. Пусть он выполняет важную задачу по фиксации вашего рассказа. Если вы живете с людьми старшего поколения, спросите у них о фотографиях, пусть они тоже присоединятся к совместной аннотации снимков.

Очень часто в семьях хранятся фотоальбомы, в которых безымянные фотографии не могут ничего рассказать. Помните о том, что если снимок подписан, следующим поколениям будет легче понять, кто на нем изображен.

Семейные экспедиции

На карте мира есть огромное количество точек, связанных с историей наших семей. В последнее время все более активно семьи прокладывают маршруты своих путешествий с учетом локаций, важных для их рода. Многие стремятся посетить братское захоронение, в котором покоится их прадед, погибший на войне. Кто-то отправляется в бывшее родовое имение. А кто-то просто едет по маршруту передвижений своих родителей: посещает места, связанные с их жизнью, учебой, работой.

В условиях самоизоляции не попутешествуешь. Но зато можно наметить такие поездки. Составить маршруты. Просчитать, сколько времени это займет, какими видами транспорта необходимо будет воспользоваться. Важной составляющей таких экспедиционных планов будет изучение семейных архивов и интернет-источников. Отправной точкой для планирования может стать как «похоронка» на прадеда, так и фотография, на которой запечатлен старый деревенский дом. Главное, чтобы планирование происходило с участием детей, и они сами предлагали места, в которые можно было бы отправиться во время праздников, отпуска, каникул. Можно составить целую карту семейных локаций с подобными точками на ней. В нее, кстати, могут войти не только далекие места. Но и места вашего региона. Подготовить локальную экспедицию по вашему городу тоже можно в условиях самоизоляции.

Семейная лаборатория расшифровок

Дети любят шифры, ребусы, загадки. Иногда у нас в семьях хранится несметное количество таких загадок: это старые письма, дневники, записки и даже рецепты, написанные нашими бабушками. Их принято называть письменными источниками личного происхождения. Устройте в какой-то из дней семейную лабораторию у себя дома. Разберите старые письма, систематизируйте их. Разложите по папкам, конвертам. Отсканируйте. Создайте опись этих документов. Организуйте их расшифровку. Пусть каждый попробует прочитать тексты, разобраться с почерком предков. Главное, чтобы расшифрованные тексты были сохранены

в текстовом файле. Таким образом, вы сможете постепенно оцифровать ваш семейный архив, перевести в электронный текст. Этим текстом вы сможете делиться с другими родственниками. Важно, чтобы весь процесс был организован в позитивном ключе, в игровом формате.

Выставка

Дома можно инициировать такой формат работы с семейной историей, который, казалось бы, требует большого количества гостей и зрителей. Но сегодня, когда есть интернет и социальные сети, многое можно транслировать и показывать своим друзьям, родственникам, коллегам, однокурсникам.

Можно попробовать организовать выставку, где главными объектами были бы предметы и документы из семейного архива.

Придумайте концепцию выставки, продумайте сценарий внутреннего повествования. Подберите предметы, документы, фотографии. Подумайте, можете ли вы задействовать мультимедиа в вашем выставочном проекте?

Иногда старенький MP3-плеер может стать прекрасным источником записанного голоса дедушки, а смартфон на время может превратиться в экран, который транслирует старую семейную видеозапись. Пофантазируйте. Выставка может быть совсем маленькой и уместиться на нескольких полках книжного шкафа. А может, она будет размещаться на подоконнике или даже гардеробе?

Покажите на выставке повседневность, людей, какие-то очень простые предметы. Вы не ограничены в придумывании этикеток (надписей к предметам). Шутите или же заставляйте задуматься о вечном. Или совмещайте все это. Вы можете, например, достать старые записные книжки с телефонными номерами и на их основе придумать выставочный проект. А если вы не выбросили старый дисковый телефон, то он будет прекрасным ключевым экспонатом выставки. А истории людей, чьи номера телефонов записаны в книжках, могут стать сквозными нитями в общем повествовании. Главное — фантазировать. Ну и конечно, вовлекать в придумывание детей, распределять роли. Пусть кто-то будет куратором, кто-то дизайнером, кто-то реставратором или же фотографом и экскурсоводом. Обучите детей вести экскурсии по выставке.

Транслируйте создание ваших выставок и экскурсии по ним в социальных сетях. Мотивируйте других на создание своих выставок и формирование семейного музея.

Экскурсия

Дети любят рассказывать. Они любят рассказывать о том, что им дорого, что они знают, чем они гордятся.

Многие дети с легкостью проведут экскурсию по своему дому. Транслируя опыт посещения музеев и выставок, они могут с легкостью взять на себя роль экскурсовода.

А что, если организовать экскурсию по дому или по созданной домашней выставке или домашнему музею?

Для этого надо только подготовиться. Ведь экскурсия — это не просто рассказ о том, что вижу. Это продуманное, гармоничное по композиции, с элементами драматургии и даже детектива повествование. Если в игровой форме создать и провести экскурсию вместе с ребенком, то результат будет очень позитивным. Во-первых, он попробует себя в другой роли (роли гида, экскурсовода). Во-вторых, готовясь к экскурсии, он сможет узнать что-то и об истории семьи.

Экскурсию можно записать или же транслировать в социальных сетях. Это дополнительный стимул к тому, чтобы рассказ был интересным, живым, увлекательным.

Важно помнить об особенностях своих детей, чтобы не использовать те формы, которые им будут чужды или же вредить эмоциональному состоянию. Важно в этом процессе найти роль, которая будет ребенку под силу, будет раскрывать его потенциал; но в то же время надо помнить, что можно предлагать пробовать что-то новое и открывать в себе скрытые таланты.

Запись воспоминаний

Если раньше записывать воспоминания можно было ограниченными техническими средствами, то сегодня эти возможности существенно расширились — записывать на видео- и аудионосители может каждый. Благо техника есть в каждой семье, и самый простенький смартфон, диктофон с этим может справиться.

Записывать можно другого человека или даже себя. Запись можно вести на видео или на аудио. На видео вести запись сложнее, но информация из видеовоспоминаний ценнее и полновеснее, ведь мы можем увидеть эмоции — мимику, улыбку или слезы. Это может быть очень важным в рассказе о прошлом.

Записывая воспоминания, интервью, необходимо подготовиться. Создайте опросник, для того чтобы вести беседу. Включите в него то, что давно хотели спросить. При этом помните о том, что вы создаете документ, куда должно войти и быть зафиксированным то, что может быть вам уже известно, но никогда не было записано.

Насытите это общение с родственниками неформальными вопросами (эмоции, ощущения, запахи, звуки, смешные истории, элементы повседневности), но не забывайте, что и точные сведения для воспоминаний важны (даты, места рождения, захоронений, имена, адреса, последовательность событий и т. п.).

Например, процесс сбора в школу в 1940—1950-х может быть не менее интересен следующим поколениям, нежели рассказ о полете Гагарина; а переживание из-за исключения из пионеров драматичней, чем развал Советского Союза.

Помните и о том, что хорошим подспорьем в воспоминаниях будут предметы, фотографии, старые документы.

Ну и важно осознавать, что если запись воспоминаний готовится и осуществляется с детьми вместе — то результат в сто раз ценнее для следующего поколения. Опыт записи воспоминаний дарит детям принципы сохранения и документирования прошлого семьи.

Книга о семье

Творческим вызовом может быть создание книги о семье. Формат и содержание книги могут быть определены самой семьей. Кто-то считает необходимым завести книгу «в единственном экземпляре», где будут вестись записи об истории семьи и будет максимально подробно записано то, что сегодня известно ныне живущим о своих предках (где родились, где жили, где учились, где захоронены). Часто подобный формат является основой для сохранения ускользающих воспоминаний о предках. Сегодня дедушка рассказал историю о своем отце. Мы ее услышали, но не записали. Нам кажется, что времени много и мы еще успеем записать или спросить. Но часто бывает по-другому: не успеваем или же просто забываем.

Книга может быть необычной и по материалу изготовления. Ее можно сделать из ткани или же связать из ниток. То, что можно взять в руки и что сопровождается историями, эмоциями, теплотой, лучше сохраняет, визуализирует рассказ о прошлом, воплощает в осязаемое то, что, казалось бы, трудно потрогать.

Настольная игра

Отличным способом изучения семейной истории может стать создание настольной игры. Механику и идею можно взять из хорошо известных игр, а вот содержание вложить свое. Места, связанные с историей семьи (места жительства, места работы и учебы), могут стать локациями на игровом поле. А главными героями могут стать наши предки. Их можно даже обозначить особыми «фигурками». Разработка такой игры станет хорошим поводом изучить семейный архив, справки, документы и фотографии, поговорить о судьбах предков.

Погружение в библиотеку

Отличным способом в игровой форме заняться историей семьи может стать работа с домашней библиотекой. Если воспринимать накопленные и разложенные по разным стеллажам и полкам книги как пространство для исследования, то семья может стать «археологами»: провести поиск тех книг, в которых содержится дарственная надпись, и выяснить, кто и кому дарил эти книги, при каких обстоятельствах. Можно зафиксировать, сфотографировать раскладку книг, а потом разложить их по годам издания (или хотя бы по десятилетиям). Кстати, заодно можно вместе с детьми протереть пыль, составить опись домашней библиотеки и даже отреставрировать книги с порванными обложками (в интернете много советов о том, как это можно сделать без вреда для книг). Обратите внимание на книги. Поделитесь своими воспоминаниями о книгах, впечатлениями о прочтенных в детстве произведениях. Во многих семьях есть книги, зачитанные до плачевного состояния: можно найти такие книги и поразмышлять, почему именно они вызывали такой интерес. В домашней библиотеке можно изучить оформление книг, их дизайн, иллюстрации. Часто именно визуально привлекательные издания вызывают интерес у детей, и это можно использовать для того, чтобы выстроить диалог семьи с Книгой.

Макет дома

Часто дети моделируют и создают вымышленные дома и домики. Они обживают их, конструируют мебель, дополняют элементами интерьера, размещают внутри созданного макета свои игрушки: человечков, животных, фигурки.

А что если взять и вместе с детьми создать макет деревенского дома, из которого родом семья. Или воссоздать старую квартиру, в которой жили прадедушки и прабабушки. Старшее поколение в помощь. Они могут подсказать, где и что находилось, какие предметы остались и сегодня используются в быту. Их можно найти и особым образом представить и познакомиться с ними. Макет дома или квартиры — прекрасная возможность реконструкции семейных интерьеров прошлого. И это тоже своего рода игра, игровое взаимодействие с ребенком, да и со старшим поколением.

Прямая трансляция

Если ваш ребенок достиг возраста, в котором уже активно пользуются социальными сетями, вы можете предложить (как особый вариант работы с семейной историей) подготовить серию прямых эфиров или сториз о семейных реликвиях. Например, сделать серию таких включений или публикаций по определенному принципу. Сегодня мы выкладываем самую старую вещь в нашей семье; позже знакомим наших друзей и подписчиков с предметом, который передается из поколения в поколение; можем рассказать о предметах из коллекции; делиться любимыми книгами детства членов семьи и т. д.

Главное — помнить о том, что работа с публикацией такого «контента» должна выстраиваться на основе безопасности. Не следует показывать фамильные бриллианты или Фаберже, особенно вкупе с геолокацией вашей квартиры.

Работая вместе с ребенком над прямой трансляцией, можно сразу поговорить с ним и о безопасном поведении в интернете, в социальных сетях, при создании творческих онлайн-проектов.

Анимационный фильм

Сегодня много приложений для смартфонов, которые можно использовать для занятий творчеством. Есть огромное количество приложений, чтобы снимать мультфильмы в технике stop-motion.

Попробуйте снять мультфильм на основе семейной истории. Сначала можно попробовать снять короткий ролик с использованием нескольких предметов. Например, это может быть видео о том, как стопка семейных фотографий начинает двигаться, и из нее по очереди «выбираются» портреты родственников. Постепенно создание анимационных роликов и видео можно усложнять. И брать в основу для сюжета, например, семейную легенду. А если вы уже записали воспоминания дедушки, то какую-то их часть, фрагмент можно использовать в качестве сценария для анимационного ролика. В кадрах у вас могут оживать фотографии, пуговицы из семейной шкатулки, старые рисунки, предметы рукоделия бабушки. Если дома есть принтер, то можно распечатать отсканированные старые фотографии, вырезать по контуру портреты предков и «оживить» их в мультфильме.

Если вы продвинутый пользователь в работе с компьютером, наложении музыки, звуков и эффектов, то можете все усложнять по ходу и добиваться качества. Ну а если не умеете и не знаете — у вас есть хорошая возможность научиться.

Flatlay

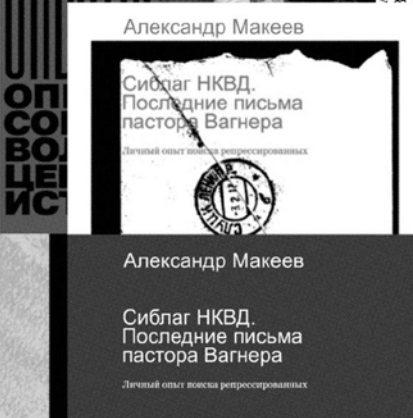
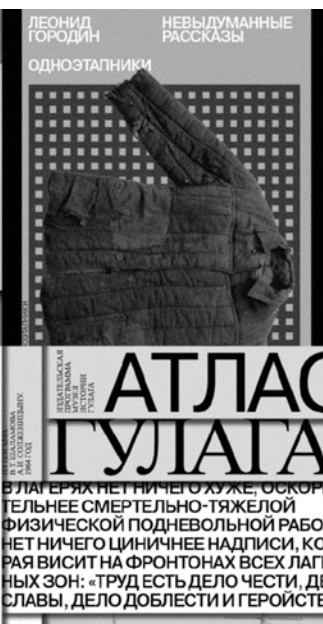
Это слово плотно вошло в обиход у блогеров и у тех, кто проводит много времени в социальных сетях. Это фото раскладки предметов, сделанное сверху (под углом 90 градусов к поверхности). Вы часто встречали такие фотографии в Сети. Это и подборки предметов, объединенных какой-то темой, и просто композиции из красивых вещиц в сопровождении цветов, засушенных листьев, ткани.

Попробуйте сделать такие снимки из старых предметов, артефактов, документов и фотографий вашего домашнего архива. Посмотрите учебные видео, как снимаются такие изображения. Вы не только в простой и увлекательной форме начнете взаимодействовать с предметами прошлого, но и включите в процесс своих домашних. Многие ставят такие изображения в качестве обоев на рабочий стол компьютера, распечатывают в качестве постера или открытки, делают заставкой на экране смартфона. А семейная история уж точно придаст индивидуальность подобному изображению.

Белые пятна в семейной истории

У каждой семьи есть те события, которые до сих пор остаются непонятыми, неизвестными. Это своего рода белые пятна семейной истории. Вы можете с ними немного поработать.

Запишите, выявите эти белые пятна. Составьте их список. Например, вы не знаете, где похоронен ваш прадед, или же не спрашивали никогда у родителей о том, как они познакомились. Запишите все это. Можно воспользоваться и помощью профессионалов в решении таких задач — обратиться с запросами в архивы, музеи и т. д. Наметьте план исследования семейного прошлого. Ведь историю изучают не для того, чтобы перечислить наизусть все даты битв, а для понимания того, кто мы такие и что нас делает людьми.

Книжная лавка Музея истории ГУЛАГа

онлайн-магазин: shop.gmig.ru

Центр документации Музея истории ГУЛАГа

Фото из архива
А. Родченко
и В. Степановой

В. М. МОЛОТОВ И А. С. [REDACTED] С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ЦИК УзССР т. Ю. А. [REDACTED] ИМ, ПОСТПРЕДОМ-
УзССР ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ СОЮЗА ССР т. М. [REDACTED] И ДРУГИМИ ЧЛЕНАМИ ЦИК СССР

**Помощь
в поиске
информации
о репрессированных
родственниках**

Вт—Вс 12 — 21:00

Вход бесплатный

1-й Самотёчный переулоч, 9с1

doc@gmig.ru

Над книгой работали:

Анна Стадинчук

заместитель директора по развитию

Музея истории ГУЛАГа

Варвара Усаневич

руководитель Социально-волонтерского центра

Музея истории ГУЛАГа

Яна Харламова

координатор Социально-волонтерского центра

Музея истории ГУЛАГа

Елена Зелинская

литературный редактор

Татьяна Полянская

научный редактор, кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник Музея истории ГУЛАГа

Светлана Пухова

руководитель издательской программы

Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти

Елена Солозובה

руководитель издательского отдела

Музея истории ГУЛАГа

Инна Кроль

корректор

Дмитрий Криворучко

верстка, arbeitskollektiv

Музей истории ГУЛАГа

123473, Москва

1-й Самотёчный переулок, д. 9, стр. 1

+7 495 681 88 82

+7 495 621 73 10

На обложке книги — один из героев проекта «Знаки заботы» — Владимир Маркович Ржезников. Фотограф — Дарья Крылова. В книге «Знаки заботы» мы использовали фотографии наших подопечных из проекта Социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа — «Улыбка радости». Фотографы — Илья Яблонский, Галина Мазина, Дарья Крылова, Марина Сычева, Светлана Хрущева, Александра Родионова, Юлия Невская, Татьяна Гертье, Валентина Мокеева.

КНИГА «ЗНАКИ ЗАБОТЫ» РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ СОЦИАЛЬНО-ВОЛОНТЕРСКОГО ЦЕНТРА МУЗЕЯ ИСТОРИИ ГУЛАГА ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ КОРОНОВИРУСА В 2021 ГОДУ. ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ ОКАЗАЛИСЬ САМОЙ УЯЗВИМОЙ КАТЕГОРИЕЙ НАСЕЛЕНИЯ, ИСПЫТЫВАЮЩЕЙ ОСТРУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ В ОБЩЕНИИ. И ТАКЖЕ ОСТРО СТОЯЛ ВОПРОС О ТОМ, ЧТО НАДО УСПЕТЬ ЗАПИСАТЬ ИХ ВОСПОМИНАНИЯ – ВОСПОМИНАНИЯ ЛЮДЕЙ, ПЕРЕЖИВШИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ. БЛАГОДАРЯ ТОМУ, ЧТО ПРОЕКТ «ЗНАКИ ЗАБОТЫ» БЫЛ ДИСТАНЦИОННЫМ И МОЖНО БЫЛО ОБЩАТЬСЯ ЧЕРЕЗ МЕССЕНДЖЕР WHATSAPP, НАМ УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ ПРОЕКТ МЕЖДУНАРОДНЫМ: ВОЛОНТЕРЫ БЫЛИ ИЗ АМСТЕРДАМА, ЯРОСЛАВЛЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, МОСКВЫ, АКСАРКИ (ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АО), ТОЛЬЯТТИ, А ПОДОПЕЧНЫЕ ИЗ ЭДИНБУРГА, ТОЛЬЯТТИ, МОСКВЫ.